

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ №1(9) ПОЛЕ

2013
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
КОНГРЕССА РУССКИХ ОБЩИН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Забвению
не подлежит

Петр Шорников. Сталинградский поворот 3

Ольга Берггольц. Сталинграду 7

Ольга Батаева. Домик Пушкина 9

Поле
Победители
славы

Татьяна Масюкова. «Дор де тине» 14

Пушкинская
горка

Александр Милях. «Пядь земли в себя вобрав!» 22

Сергей Пагын. «Гений места селится в тишине...» .. 46

ИНФО - поле
АРП РМ

Валерий Клименко:
«Стучите! И вам обязательно откроют...» 31

Литературная Вена 37

Casa mare

Сергей Казначеев. Вот что такое русское ничто 38

Зерна
и плевелы

Татьяна Сузанская. Принадлежит красоте..... 51

Поли-ART

Лариса Хромова. «Помоги нам, Творец...» 60

Наталья Синявская. Мой трогательный город 153

Праздник кино..... 157

Звезда
над полем

Галина Огородникова. 79

**Поле
зрения**

Alex Prodan. Как мы жили 94

Пути-дороги

Татьяна Орлова. Философия открытки 109

**Взлётная
полоса**

Невидимые нити 115

За межой

«И радость обретения родства...» Вологодцы. .. 131
Лета Югай, Антон Чёрный, Мария Маркова.

**Болевая
точка**

Алексей Бобринский. Чисто молдавский бизнес ... 145

Учредитель и главный редактор – *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Валентина Костишар, Олег Краснов, Виктория Алесенкова,
Сергей Пагын, Татьяна Орлова, Виктория Чембарцева, Михаил Поторак*

Корректор – *Антонина Иванова*

Художник – *Сергей Сулин*

Вёрстка – *Людмила Ильина*

E-mail: russkoepole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"

г. Кишинёв, ул. Фердеулуй, 4

Перепечатка материалов только с разрешения редакции «Русского поля»

СТАЛИНГРАДСКИЙ ПОВОРОТ

Для того чтобы оценить значение Сталинграда для мира, вспомним, что война в Европе шла с июля 1936 года. Поражение Испанской республики было победой Гитлера и Муссолини. В 1939–1941 годах немецкие войска в ходе скоротечных операций разгромили вооруженные силы Польши, Франции, Англии, Бельгии, Нидерландов, Югославии, Греции, Норвегии. В руки нацистов попали вооружения и техника их армий.

На стороне нацистских агрессоров выступили фашистские режимы Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Болгарии, Испании, Португалии, Хорватии, Словакии и Франции – режим Виши. Совокупный экономический потенциал Германии и других стран континентальной Европы, оказавшийся в распоряжении Гитлера, более чем вдвое превосходил экономический потенциал СССР. Население Германии, стран-сателлитов и оккупированных нацистами государств достигало 290 миллионов человек – против 195 миллионов, составлявших население Советского Союза. К лету 1941 года Европа маршировала под нацистские марши, Англия терпела поражения, а в США были сильны изоляционисты.

Для противников нацизма самое страшное заключалось в том, что войска государств-жертв агрессии капитулировали или бежали, не оказывая серьезного сопротивления. 22 июня армии Германии и Румынии вторглись в пределы СССР. Мир с тревогой и надеждой слушал сводки с фронтов. Войска Красной армии терпели поражения, отступали, но они сражались. Мир понял: именно в России началась настоящая война. В Югославии, Албании, Греции, как и в Белоруссии, на Украине, в оккупированных областях Российской Федерации возникли очаги партизанской борьбы. В декабре 1941 года вермахт был остановлен под Москвой, и стало ясно, что «блицкриг», «молниеносная» война, провалился. Немецкие генералы впоследствии утверждали, что у Германии никогда больше не было такой армии, как до Московской битвы. В войну вступили США. Многие историки полагают, что война была проиграна Германией именно тогда, в декабре 1941-го.

Однако Европа экономически самодостаточна, и, опираясь на ее ресурсы, Германия могла вести войну на протяжении десятилетий. Германская армия, казалось, оставалась лучшей в мире. Летом 1942 года немецкие войска развернули наступление на Юге, завершили оккупацию Крыма и вышли к Сталинграду и предгорьям Кавказа. Правящим кругам Германии и стран-сателлитов победа над СССР представлялась обеспеченной. Не следует утверждать, что от ужаса замерла вся оккупированная нацистами Европа. Многие, очень многие, страшились будущего, уготованного им победой Германии. Но Франция, Бельгия, Нидерланды

ды, Чехия, Польша и другие оккупированные страны работали на Рейх; Испания, Португалия и даже «нейтральные» Швеция, Турция и Швейцария с ним торговали; Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия воевали на его стороне. О реакции их общественности на немецкие победы историки – руководствуясь соображениями патриотизма или политкорректности, – как правило, умалчивают.

В Европе и Азии еще со времен Петра Великого, Суворова, Кутузова знали, что русские воевать умеют. С именем Наполеона связано горестное для противников России заключение: «Русские не сдаются!» Опыт всех войн, которые довелось вести русской армии на протяжении последних столетий, в том числе неудачных как Крымская и Японская, подтвердил высокие боевые качества русского солдата. На поле боя русскими была выиграна и Первая мировая война. Но как поведут себя русские на этот раз, после революции и кровавой Гражданской войны, насильственной коллективизации, политических репрессий и антицерковных гонений? С первого дня Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь призвала народ к защите Родины. Но отношения между Государством и Церковью оставались неурегулированными. Имелось немало людей, обиженных советской властью. Не поэтому ли в 1941 году Красная армия отступила на восток гораздо дальше, чем русская армия в годы Первой мировой?

На деле немецкая армия и армии стран-сателлитов, опиравшиеся на военно-экономический потенциал Европы, оказались в тот момент сильнее. Это сказалось на морально-политическом состоянии населения. Но в каждой стране, в каждой советской республике политическое положение имело свои особенности. На территории Молдавии летом 1941 года пограничники и части Красной армии сражались стойко. «Отвоевывая» Бессарабию, румынская армия только убитыми потеряла более 31 тысячи солдат и офицеров. Под Одессой советские войска нанесли противнику еще более тяжелые потери. Молдаване знали об этом и верили, что Россия победит и на этот раз. После массовых убийств евреев и их депортации за Днестр, проведенной румынской армией и полицией летом и осенью 1941 года, в Бессарабии ходили упорные слухи о предстоящей депортации украинцев, русских, гагаузов, болгар. С победой СССР народы связывали свои надежды на дальнейшее национальное существование.

Зимой 1941–1942 годов надежду населения оккупированных территорий на конечный разгром Германии и ее сателлитов укрепила победа Красной армии в Московской битве. Но летом 1942-го, когда нацистская пропаганда ежедневно сообщала о захвате немецкими войсками Севастополя и все новых городов, а через Украину и Молдавию пошли на запад эшелоны с военнопленными, дух населения упал. В Бессарабии, отмечала румынская политическая полиция, рабочие и крестьяне всех национальностей – молдаване, украинцы, русские, болгары, гагаузы – проявляют небывалую обеспокоенность по поводу событий на фронте. Удовлетворения в связи с успехами немецких и союзных им румынских войск не выражали даже представители буржуазии. Пика эта тревога за исход войны достигла в молдавском обществе в августе 1942-го, когда войска агрессоров достигли Сталинграда.

На сталинградском направлении наступали 6-я немецкая армия, танковая армия, огромные силы немецкой авиации, артиллерии, соединения сателлитов. Город, в основном ударами с воздуха, был разрушен. Ход войны действитель-

но грозил СССР поражением. «После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей, – признал 28 июля в своем знаменитом приказе №227 нарком обороны И.В. Сталин, – у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину». Приказ «Ни шагу назад!» отвечал духу армии и народа, он стал лозунгом защитников Сталинграда. Приказ сыграл свою роль в самый критический момент Сталинградской битвы. Твердое руководство помогло Красной армии преодолеть «отступательские» настроения.

Вместе с тем в советском тылу нарастало военное производство, войска получали пополнения, новую технику и оружие, отрабатывали наиболее эффективные методы борьбы. Противник нес небывалые потери. Уже в августе 1942 года поток идущих на запад через Украину и Молдавию эшелонов с ранеными немцами и румынами усилился. Вырвавшиеся из пекла солдаты врага с ужасом рассказывали о боях у излучины Дона и в Калмыцкой степи, о гибели целых частей немецкой и румынской армии. Пропагандистские фанфары оккупантов звучали все глуше и фальшивее. Радио и газеты сообщали уже о захвате не городов, а кварталов, заводов, отдельных домов. Сообщения о боях в Сталинграде вытеснили репортажи о положении на других фронтах. Население не интересовало сообщения о боевых действиях в пустынях Северной Африки, в джунглях Бирмы, на Тихом океане. Кажется, все понимали, что исход войны зависит от стойкости русских солдат на Волге. Что будет далее?

Контрнаступление Красной армии, начатое 19 ноября 1942 года, большинство населения оккупированных стран встретило с радостью. Полководцы Красной армии – Жуков, Рокоссовский, Василевский, Еременко, Ватутин, – ее солдаты и командиры оправдали ожидания народов. Волна нацистского нашествия была остановлена в руинах Сталинграда и предгорьях Кавказа. Капитуляция 2 февраля 1943 года немецких войск, окруженных в Сталинграде, завершила разгром полуторамиллионной группировки немецких, румынских, венгерских, итальянских войск. Противник приступил к отводу своих дивизий с Северного Кавказа.

Второго фронта не было, и германское командование смогло перебросить против Красной армии свои резервы из Западной Европы и стабилизировать фронт. Но уничтожение под Сталинградом ударных сил агрессоров имело не только военное, но и огромное политическое и психологическое значение. Миф о непобедимости вермахта был разрушен, наступательный дух немецких войск подорван. Западные союзники активизировались. Уже в дни Сталинградского сражения англичане остановили под Эль-Аламейном войска противника, наступавшие на Египет. Затем англо-американские войска оккупировали Марокко и Алжир. В мае 1943 года они принудили к капитуляции итало-германскую группировку в Тунисе, а затем высадились на Сицилии. После Сталинграда англичане и американцы возобновили поставки в СССР военных материалов, практически прекращенные в августе 1942-го.

После Сталинграда победа СССР, а значит и Объединенных наций, стала вопросом времени. В каждой из стран-сателлитов Германии шок Сталинграда по-

родил внутривосточный кризис и антифашистские настроения. Остатки венгерских, итальянских и румынских войск были отозваны с фронта. В июле 1943 года фашистский режим был свергнут в Италии. Осенью, когда большая часть страны была оккупирована немецкими войсками, сотни партизанских отрядов возглавили уцелевшие младшие командиры и солдаты итальянских войск, разгромленных на советско-германском фронте. В поисках выхода из уже проигранной войны влиятельные фракции правящих кругов Румынии и Венгрии устанавливали в Швейцарии, Стокгольме, Каире контакты с правительствами США и Великобритании. В странах, оккупированных нацистами, усилились движения Сопротивления.

Война продолжалась с прежней силой, до Победы было еще далеко. Но во время Сталинградской битвы командование Красной армии вырвало у противника стратегическую инициативу, а в сражении под Курском и Орлом удержало ее. В сентябре 1943 года И.В. Сталин сделал важный шаг к морально-политической консолидации советского общества: в СССР было восстановлено патриаршество. После Сталинграда, когда в Москве звучали салюты во славу побед Красной армии, нормализацию отношений между Государством и Церковью уже никто не мог истолковать как капитуляцию Власти. Тем большее доверие внушал этот союз народу.

В руинах Сталинграда свершился коренной поворот в ходе Второй мировой войны. Поэтому память о Сталинградской битве священна. И каждое новое поколение вновь усваивает уроки Сталинграда.

Петр Шорников

Пётр ШОРНИКОВ – кандидат исторических наук, специалист по истории Молдавии периода Великой Отечественной войны. Автор 6 монографий и более 500 статей, посвященных истории и современной проблематике межэтнических и этногосударственных отношений в Молдавии. Участвовал в написании ряда обобщающих трудов.

Доцент Приднестровского университета имени Т.Г. Шевченко. Постоянный автор «Русского поля».

Забвению не подлежит

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

СТАЛИНГРАДУ

*Девятнадцатого ноября 1942 года
началось наше наступление
на Сталинградском фронте.*

Мы засыпали с думой о тебе.
Мы на заре включали репродуктор,
чтобы услышать о твоей судьбе.
Тобою начиналось наше утро.

В заботах дня десятки раз подряд,
сжимая зубы, затаив дыханье,
твердили мы:
– Мужайся, Сталинград! –
Сквозь наше сердце шло твое страданье.
Сквозь нашу кровь струился горячо
поток твоих невысказанных пожаров.
Нам так хотелось стать к плечу плечом
и на себя принять хоть часть ударов!

...А мне все время вспоминалась ночь
в одном колхозе дальнем, небогатом,
ночь перед первой вспашкою, в тридцатом,
вторую большевистскою весной.
Степенно, важно, радостно и строго
готовились колхозники к утру,
с мечтой о новой жизни,
новом строе,
с глубокой верой
в новый, общий труд.
Их новизна безмерная, тревожа,
еще страшила...
Но твердил народ:
– Нам Сталинградский тракторный поможет...
– Нам Сталинград коней своих пришлет.

Нет, не на стены зданий и заводов,
проклятый враг, заносишь руку ты:
ты покусился на любовь народа,
ты замахнулся на оплот мечты!

И встала, встала пахарей громада,
как воины они сюда пришли,
чтобы с рабочим классом Сталинграда
спасти любимца трудовой земли.

О том, что было страшным этим летом, –
еще расскажут: песня ждет певца.
У нас в осаде, за чертой кольца,
все озарялось сталинградским светом.
И, глядя на развалины твои
(о, эти снимки в «Правде» и в «Известьях»!),
мы забывали тяготы свои,
мы об одном молили: – Мести, мести!
И пробил час. Удар обрушен первый,
от Сталинграда пятится злодей.
И ахнул мир, узнав, что значит верность,
что значит ярость верящих людей.
А мы не удивились, нет! Мы знали,
что будет так: полмесяца назад
не зря солдатской клятвой обменялись
два брата: Сталинград и Ленинград.
Прекрасна и сурова наша радость.
О Сталинград,
в час гнева твоего
прими земной поклон от Ленинграда,
от воинства и гражданства его!

Ольга Фёдоровна БЕРГГОЛЬЦ – русская советская поэтесса, прозаик. (3 (16).05. 1910 г., С-Пб. – 13.11.1975 г. Ленинград). Училась на филфаке Ленинградского университета.

13 декабря 1938 года была арестована по обвинению «в связи с врагами народа» и как участник контрреволюционного заговора. От побоев потеряла ребёнка. В 1939г. была освобождена и полностью реабилитирована. В годы Великой Отечественной войны, оставаясь в осажденном Ленинграде, работала на радио, ежедневно обращаясь к мужеству жителей города. На гранитной стене Пискаревского мемориального кладбища, где покоятся 490 000 ленинградцев, умерших во время Ленинградской блокады и в боях при защите города, высечены её слова: «...Никто не забыт и ничто не забыто».

7 января 2013 года, к 70-летию прорыва блокады Ленинграда в Санкт-Петербурге в школе № 340 Невского района был открыт музей Ольги Берггольц.

ОЛЬГА БАТАЕВА

ДОМИК ПУШКИНА

«Если Пушкин приходит к нам с детства, то мы по-настоящему приходим к нему лишь с годами»

А. Т. Твардовский

Много лет я убеждаюсь в правоте слов мудрого автора «Василия Теркина». Мир Пушкина и русской литературы для меня открыла моя бабушка Лидия Федоровна – папина мама. Интеллигентная и образованная женщина «из бывших», она сама занималась моим дошкольным воспитанием на зависть всем моим малолетним подружкам, которых водили в дет-

Музей Пушкина

ский сад. Сказки, стихи, главы из «Евгения Онегина» просто и естественно вошли в мою жизнь. Почему-то особенно меня завораживали пушкинские описания роскошной зимней природы, и изображение «нетерпеливого коня», скользящего по утреннему снегу, стало любимой темой моих детских рисунков. Когда я научилась читать, мы с бабушкой вдвоем сидели на диване, каждая уткнувшись в свою книжку. Вместе обсуждали прочитанное, делились впечатлениями. А во дворе с девчонками разыгрывали спектакли по сказкам Пушкина. С календарной стенки для отрывного календаря все мои детские годы за мной наблюдал сам Поэт. Позже мама рассказала мне, что в доме ее родителей в раме под стеклом тоже висел портрет Пушкина. Во время войны к ним ворвались фашисты. Указав на портрет, один из них спросил: «Йуда?» Моя вторая бабушка, Любовь Александровна (ее я, к сожалению, не знала – она умерла до моего рождения), владевшая несколькими языками, в том числе и немецким, стала объяснять, что это великий русский поэт Пушкин, произведения которого известны и в Германии. «Найн, йуда!», – отрезал фашист и разрядил автоматную очередь в портрет. Потом я узнала, что живой Пушкин был тоже убит, только на дуэли. В моей детской голове не укладывалось, как могли убить *такого* поэта, почему не остановили его убийцу? Тогда я не подзревала, что и в начале двадцать первого века в истории последней дуэли Пушкина останется много неясных и даже таинственных страниц, но чувствовала, что здесь кроется какая-то страшная тайна, и мне очень хотелось ее раскрыть.

Любовь к Пушкину и русской литературе привела меня на филфак Кишиневского госуниверситета. Одним из наших профессоров был Борис Алексеевич Трубецкой. До войны он работал научным сотрудником Пушкинского Дома и, оказавшись в нашем городе, отыскал чудом сохранившийся дом, в котором жил поэт. 10 февраля 1948 года в Кишиневе был торжественно открыт Дом-музей

А. С. Пушкина, и Трубецкой стал его первым директором. В своей книге «Пушкин в Молдавии» он писал, что музей был создан при поддержке молдавских писателей А. Лупана и Е. Букова и комсомола. Но было все же непонятно, как удалось так скоро в полуразрушенном городе, где люди еще ютились в подвалах, открыть музей. И только спустя годы, разбирая архив ученого, я прочитала его воспоминания, из которых стало ясно, что к этому в некоторой мере «причастен» и сам Пушкин. Оказывается, что активно помогал и содействовал скорейшему открытию музея К. У. Черненко, боготворивший Пушкина. В послевоенные годы он работал в Кишиневе заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии, а до этого возглавлял Пензенский обком партии. Это по его приглашению в Кишинев приехал талантливый пензенский художник-график Борис Лебедев, создавший для музея серию из десяти картин о жизни Пушкина кишиневского периода.

Учась в университете, я слабо представляла, где именно хочу работать. Знала только одно – что это должно быть как-то связано с литературой. В музей я пришла с легкой руки моей однокурсницы – Аллы (именно так мы ее звали) Юнко, за что я ей безмерно благодарна. Она ушла в журналистику, но не рассталась с Пушкиным, а после нее в музее в разные годы работали шесть наших однокурсников. Сейчас нас осталось двое – ставший известным пушкинистом Виктор Кушниренко и я. С тех пор все мои дороги ведут к Пушкину.

Раньше самый короткий путь из центра города к музею шел через Андреевский переулок, которого давно уже нет на карте. Он наискосок пересекал улицы Гоголя и Штефана Великого (нынешние Бэнулеску-Бодони и Александру чел Бун) и упирался в Антоновскую. Тогда здесь все хранило «преданья старины глубокой»: сюда не доходил шум города, всегда было тихо и малоллюдно. С одной стороны ютились старенькие домишки, напротив них был пустырь, густо зараставший летом полынью и коноплей. Запах нагретой солнцем земли смешивался с запахом растений, над ними порхали бабочки и на все лады стрекотали кузнечики. Временные границы здесь исчезали, и было полное ощущение, что ты попадаешь из двадцатого века в начало девятнадцатого. Что только что этой дорогой из «верхнего» города мимо Ильинского базара легкой походкой прошел Пушкин. А ты спешишь по булыжной мостовой к нему в гости – туда, где он жил первые месяцы в Кишиневе. Но чтобы попасть в дом, сначала надо было открыть тяжелую калитку (она и сегодня та же), и по узкому проходу между зданиями зайти во двор. Раньше по правую сторону высилась огромная стена, отчего дворик перед входом в музей был очень тесным. В экспозиции ничего особенного не было, вся она была построена в основном на фотоматериалах. Несколько ценных экспонатов подарил при открытии музея Пушкинский Дом, среди них – прижизненные издания произведений поэта и копии пушкинских портретов Тропинина и Кипренского. Сегодня, заходя в мемориальный домик, трудно представить, как здесь размещались группы по тридцать и более человек. Но в этой простоте и удивительной чистоте была какая-то особенная первозданность и прелесть. За порядком в музее ревностно следила наша бессменная уборщица – Лиза Супостат. Маленькая, сухонькая и горбоносая, она являла собой живое воплощение Калипсо Полихрони. Одинаково плохо говорившая и по-молдавски и по-русски, она вечно что-то бурчала под нос – была недовольна и сотрудниками музея, и

туристами, посягавшими своим присутствием на чистоту любовно выбиваемых ею половиков. Она сама стала музейным достоянием, проработав здесь бессленно в течение пятидесяти лет. Когда я пришла в музей, директором был бывший московский журналист В. М. Субботин, любивший повторять: «Пушкин в рекламе не нуждается». Но, сам того не ведая, он придумал мощный рекламный ход, который словно магнитом притягивал в музей школьников. После окончания экскурсии они занимали места на длинной узкой скамейке, стоявшей на улице вдоль стены, и к ним торжественно выносили настоящий дуэльный пистолет XIX века. По очереди, восторженно ахая и охая, они передавали драгоценную реликвию из рук в руки. Молва об этом «ритуале» быстро разлетелась по городу, и каждая группа детей, пришедших в те времена, перед началом экскурсии интересовалась, покажут ли им пистолет. Много лет спустя, уже взрослые, они с волнением вспоминали об этом живом прикосновении к истории, к Пушкину.

Соприкасаясь со старинными вещами, часто испытываешь подобные эмоции, но тогда я не подозревала, что через несколько лет на мою долю выпадет пережить особые впечатления. Во время стажировки в Ленинграде на Мойке, 12 мне предложили, если я хочу, «потрогать» личные вещи Пушкина. Об этом я и мечтать не могла! Письменный стол, чернильница-арапчонок, диван, на котором умер поэт, трость с пуговицей Петра I. Все эти вещи хранят память *о живом* Пушкине. Я легонько прикасаюсь к ним рукой: Петр – Пушкин – и вдруг я...

В каждом музее есть фондохранилище – особое помещение, в котором находятся экспонаты. В нашем тоже было такое – заветная маленькая комнатка, закрытая для посторонних глаз. Главный хранитель, Домника Спиридоновна Гуртовая, более сорока лет отдавшая музею, очень прилежно относилась к своим обязанностям, была чрезвычайно аккуратной и бережливой: каждая вещь была ею тщательно завернута в газетную бумагу и перевязана крест на крест бечевкой. Экспонатов тогда было мало, и состояли они в основном из антикварных книг. Я с головой ушла в изучение литературы о Пушкине, о событиях его личной жизни, об общественно-политической и интеллектуальной атмосфере российского общества первой трети XIX века, ведь без этого невозможно вполне понять его творчество. День за днем для меня стал открываться другой Пушкин – не хрестоматийный «великий русский поэт», а Пушкин–человек, постепенно обраставший живыми эмоциями и плотью – реальная Личность, которой ничто человеческое не чуждо. И это никак не умаляло, а, наоборот, делало его образ подлинным. С тех пор я прочла много замечательных книг о Пушкине, но лучшими для его понимания я считаю не исследования «пушкиноедов» (слово из лексикона правнука поэта Григория Григорьевича Пушкина), а письма самого поэта и воспоминания его современников.

Вскоре мне предстояло провести первую в моей жизни экскурсию. Я, естественно, волновалась – ведь это как театр одного актера: только от тебя зависит, что унесут люди в своей душе, станет ли посещение музея событием в их жизни, и состоится ли их встреча с Пушкиным. Как потом оказалось, все это время директор незаметно следовал за группой. Почти в самом конце экскурсии я заметила его, прячущегося в соседней комнате – он внимательно слушал мой рассказ, приставив руку к уху наподобие рупора. Его вердикт я помню слово в слово: «Молодец. Но зачем так выкладываться? Так тебя надолго не хватит!» Ошибся Владимир Михайлович! И спустя десятилетия, видя живой интерес в глазах по-

сетителей, я могу часами рассказывать о Пушкине. Ежедневное общение с ним дает силы и пробуждает творчество, рождая новые идеи и проекты. Иначе как можно расценить то, что ко мне, зарекавшейся в юности не писать стихов (ведь как Пушкин не напишешь), они стали «приходить» сами? Среди них есть стихотворения, посвященные поэту и его творчеству. Замечательную музыку к ним написала моя талантливая подруга Анжела Арсений. Наш Пушкинский песенный цикл с удовольствием поют дети, а это значит, что он удался. Думала я и о том, как оценил бы это сам Александр Сергеевич. Но, зная, как он просил друзей: «Стихов, стихов!», смею надеяться, что положительно.

В этом году нашему музею исполнилось 65 лет. Все вокруг изменилось за это время – вплотную продолжает свое наступление современный город: совсем скоро напротив музея, на месте бывшей корчмы Антонио, давшей когда-то название нашей улице, вырастет многоэтажный жилой комплекс. Изменился и сам музей. В одночасье, как Берлинская, рухнула высокая стена, отделявшая музейный дворик от соседнего. Разъехались по городам и весям всего мира его бывшие обитатели, ходившие в музей запросто, как свои – позвонить по телефону или просто поболтать. Некогда густо заселенный жилой дом стал неотъемлемой частью музейного комплекса, теперь в нем размещаются литературная экспозиция и выставки. За прошедшие годы молоденький дубок, посаженный в год открытия музея, превратился в могучий раскидистый дуб. Своей пышной кроной он укрывает домик и создает уютную атмосферу в музейном дворике. Секрет его роскошности прост – раньше рядом с ним была водопроводная колонка. Но об этом обычно не знают наши посетители – для них его «таинственная сень» ассоциируется с пушкинским: «У лукоморья дуб зеленый...» В 1987 году, в год 150-летия гибели Пушкина, зажил новой жизнью мемориальный домик поэта – в нем воссоздана обстановка бывшего заезжего дома Наумова. Примерно так он выглядел, когда в нем квартировал Александр Сергеевич с верным Никитой Козловым. А к 200-летию юбилею поэта в музее впервые была открыта основанная на подлинных материалах экспозиция «Твоей молвой наполнен сей предел», посвященная его трехлетнему пребыванию в Молдавии.

Музей в его нынешнем виде хранит память не только о Пушкине, но и о замечательной скромной женщине – Евгении Григорьевне Сугак, пятом по счету директоре музея, которая сумела вдохнуть в его жизнь новое содержание. Без малого четверть века возглавляла она музей. Эти годы подарили мне незабываемые поездки по пушкинским местам: Москва – Ленинград – Царское Село – Одесса – Крым – Михайловский заповедник. Самые яркие для меня – Царское Село и Михайловское. Там, как нигде, «минувшее меня объемлет живо». В них невозможно не влюбиться, и, только побывав там, побродив по аллеям и паркам, холмам и лугам, можно понять, почему так стремился туда Пушкин. А сколько замечательных встреч и знакомств было в те годы! Потомки Пушкина, актеры, художники, известные на весь мир пушкинисты и скромные музейщики, самозабвенно служащие Поэту. Это было чудесное время, полное надежд (пусть иногда так и несбывшихся) и открытий.

Особенные воспоминания рождает в моей душе «имя Пушкинского Дома в Академии Наук», где духовно и материально увековечены лучшие достижения российских литераторов. Нас, участников научной конференции, повели в святая

святых института – Пушкинский кабинет – специальную сейф-комнату, где хранятся рукописи Пушкина. Все мы были из разных пушкинских музеев, и каждый просил показать что-то свое. И вот передо мной одна из так называемых «мазонских» тетрадей поэта, подаренных ему в Кишиневе почти в день его рождения – 27 мая 1822 года. Знакомый листок, который каждый день я вижу в музее: «Мой дядя самых честных правил...», но он написан *его* рукой, это *его* летящий почерк, в тетради *его* рисунки... Мои чувства были близки тем, которые испытал сам Пушкин при встрече с Державиным: «Я не в силах описать состояние души моей... сердце забилося с упоительным восторгом...» Но в тот день нам предстояло еще одно потрясение. В соседней комнате хранятся 3700 томов из личной библиотеки поэта. Каждый, кто бывал на Мойке, 12 помнит кабинет Пушкина, хорошо знакомый всем также по картинам и фотографиям. На полках – стройные ряды книг в тисненых золотом кожаных переплетах. Но это не те книги, которые покупал поэт, а их дубликаты. Те самые, в которых «хранили многие страницы отметку резкую ногтей», находятся в Пушкинском Доме и совсем не похожи на своих роскошных двойников. Пушкин, первый поэт России, был катастрофически стеснен в средствах и вынужден был экономить на всем, в том числе и на книгах, покупая самые дешевые издания в бумажных переплетах. Книги – его верные друзья и спутники – даже спустя время безмолвно свидетельствуют о бытовых проблемах поэта и помогают лучше понять его эмоциональное состояние в последние годы жизни. Через них проникаешься болью и сочувствием к Пушкину–человеку.

Встреча с Пушкиным для меня – один из подарков судьбы. Он мой друг и мой «вечный спутник», мой «приют спокойствия, трудов и вдохновенья» в непростом современном мире. И вот почти тридцать лет я иду к нему, не переставая поражаться, «сколько нам открытий чудных» приготовил его гений. Обращаясь к нему, я создаю экспозиции и выставки, которые, надеюсь, помогают нашим посетителям, особенно юным, совершить свои, пусть вначале робкие, шаги по тропинке, ведущей к Поэту. Мне, к сожалению, не довелось лично встретиться с Д. С. Лихачевым – он был болен, когда я посещала Пушкинский Дом. Но мне очень близки его слова: *«Пушкин – это лучшее, что есть в каждом из людей. Это доброта и талант, смелость и простота, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду и людям труда... И ещё мы любим и постоянно оплакиваем Пушкина, потому что он погиб за честь свою и честь своей поэзии. Вот это многогранное единство, эту гармонию личности и в творчестве, и в жизни хотелось бы донести до всех, кто вступает на пушкинскую тропу»*.

Ольга БАТАЕВА – родилась и живет в Кишиневе. Окончила филологический факультет Кишиневского государственного университета. Почти тридцать лет работает заведующей отделом Дома-музея А.С.Пушкина, создатель музейных экспозиций и выставок. Автор многочисленных статей в различных периодических изданиях и стихов Пушкинского песенного цикла. Правительством Республики Молдова награждена медалью «Mihai Eminescu».

Поле Победители славы

ТАТЬЯНА МАСЮКОВА

«ДОР ДЕ ТИНЕ»

ОТЗВУК МУЗЫКИ ПРОШЕДШЕГО СТОЛЕТИЯ

21 февраля 2013 года исполнилось 100 лет со дня рождения композитора Виктора Порфирьевича Масюкова (1913-1984), ветерана Великой Отечественной войны, кавалера орденов Красной Звезды и Отечественной войны II степени, члена Союза композиторов СССР, в середине прошлого века – ответственного секретаря Союза композиторов Советской Молдавии. В народе говорят: «От судьбы не уйдешь». В мудрости этого выражения еще раз убеждаешься, когда знакомишься с его жизнью и творчеством. Русскому по рождению человеку, отдавшему свой творческий труд музыкальной культуре нашей республики, открылись красота и глубина души национальной музыки Молдовы.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Родился будущий композитор в последнем благополучном довоенном году Российской Империи, 1913, в Благовещенске на Амуре, где прошло его детство и школьные годы. Дороги были Виктору Порфирьевичу воспоминания о родном Дальневосточном крае: «Ранним летним утром над Амуром дымится розовый туман. Вдоль берега – широкая полоса длинных прямоугольных паромов. Здесь, темнеющими комочками, сидят мальчишки с удочками. Амур богат и щедр. То и дело, сгибая в крутую дугу удилице, плещется на леске сверкающая серебром рыбешка... С той стороны реки звонко разносятся по воде молитвенные возгласы китайцев, прославляющих первые лучи солнца... Неправдоподобно сказочными бывали пробуждения, когда откроешь глаза и видишь близко-близко над собой головку дикой козули. Она, перегнувшись через открытое, выходящее в сад окно и склонившись над детской кроватью, выжидающе смотрит агатовыми глазами, чуть-чуть пожевывая, зная, что для нее под подушкой припрятан кусочек хлеба. Получив его, она, разрешив погладить свою гибкую шею и мордочку, легко оттолкнувшись от подоконника, удаляется в глубь сада...»

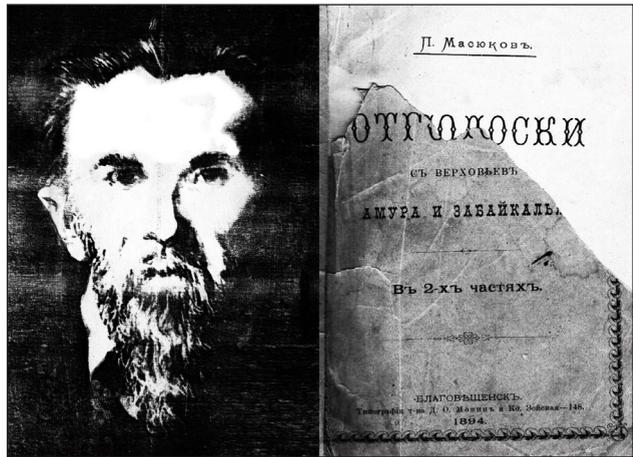
Родители – Порфирий и Алевтина – были преподавателями, отец – учителем математики Благовещенской гимназии. Семья жила в доме бабушки, Наталии Михайловны Масюковой. Именно она ввела маленького внука в волшебный

мир хорового звучания. Единственной возможностью для этого в Благовещенске была церковь, где он пел в церковном архиерейском хоре. Музыкальные данные – слух, память, голос – сильный чистый альт позволили поручать ему почетную роль исполтчика*. А в доме часто проводились вечера домашнего музицирования. Собиралась семья, приходили коллеги отца – преподаватели гимназии, сливались в задушевный ансамбль сопрано тети – Агнии Порфирьевны, скрипка или гитара отца.

А еще Витя успешно учится игре на фортепиано. Вскоре появились склонности к сочинению, что немедленно использовала его мама. На мальчика легла ответственность за музыкальное сопровождение всех детских концертов в школе, музыку инсценировок и спектаклей. В списках «произведений» молодого композитора появляются песенки, танцы, интермедийная музыка.

Будучи в 8-м классе он написал свою первую детскую оперу, где действующими лицами были цветы, деревья, гномы, дети...

Деда Виктор Порфирьевич не помнил, но всегда хотел больше узнать о своей родословной. Однако в советское время получить информацию было не просто. Прошло много лет, и однажды к нам в Кишинев приехала заведующая литературным отделом Амурского областного краеведческого музея с целью сбора информации о потомках *Порфирия Федоровича Масюкова*, как оказалось, – одного из первых дальневосточных поэтов! Первый амурский сборник стихов «*Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья*» П.Ф. Масюкова был издан при помощи политссыльных в 1894 году в Благовещенке. Стихи дышали высоким гражданским пафосом и любовью к русскому многострадальному народу, родной земле, жадной справедливости и свободы. В честь 100-летия выхода в свет этой книги, 1994 год был объявлен годом Амурской культуры! Мы с изумлением узнали, что творчество Порфирия Масюкова изучают дальневосточные исследователи и студенты в рамках дисциплины «Литература Дальнего Востока». Его имя внесено в «Энциклопедию Забайкалья», а в этом году, в числе юбилейных дат по Дальнему Востоку, значится и 165-летие со дня рождения П.Ф. Масюкова, – удивительная перекличка юбилеев! Как жаль, что это все стало известным, когда внука поэта, Виктора Порфирьевича Масюкова, уже давно нет с нами...

Порфирий Федорович Масюков и уникальный экспонат Литературно-краеведческого музея Благовещенского государственного педагогического университета, – первый амурский сборник стихов «Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья».

*Исполтчик – «восклиcaющий хвалу, славу», – солист церковного хора, более высоко оплачиваемый, нежели рядовой певчий.

СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА

В 1929 году, после окончания школы, шестнадцатилетний юноша с рекомендательным письмом преподавателя музыки приехал в Ленинград. Благодаря этому письму молодой человек не оказался один на один с огромным городом. Он попал в семью обрусевших шведов Холмквист, которая помогла окунуться в музыкальный мир северной столицы. Музыкально одаренная Эллин, одна из дочерей Альберта Ивановича Холмквиста, брала частные уроки по вокалу у преподавателя ленинградской консерватории, оперной певицы Ларисы Васильевны Кича, жены композитора Олеса Чижко, автора знаменитой в то время оперы «Броненосец Потемкин». Эллин, имея обширный круг знакомых в музыкальной среде, стала вводить в него и Виктора. Посещая концерты в Большом зале Ленинградской консерватории, он слушал и восхищался исполнением Эгона Петри, Льва Оборина, юного тогда еще Эмиля Гилельса и ошеломляющего моторикой неистового Артура Рубинштейна.

После упорной подготовки В. Масюков поступает в Ленинградскую консерваторию на фортепианное отделение исполнительского факультета в класс Надежды Иосифовны Голубовской, выпускницы этой же консерватории, которая в 1935 стала профессором и, к слову, в своё время, главной соперницы Сергея Прокофьева за высшую награду – медаль имени Антона Рубинштейна.

Но юность всегда отличает максимализм. И Виктор решает, что, в годы небывалого строительства в СССР, профессия рабочего много важнее для страны, чем профессия пианиста и уходит из Ленинградской консерватории на завод.

И ЛИРИК, И ФИЗИК

Вскоре его, однако, вызвали в партком, где горячо и убедительно объяснили, что Стране Советов необходимы и культура, и наука, и искусство, и музыка, поэтому, – если уж глядеть с гражданских позиций, – талантливому молодому музыканту место – в консерватории! Вернуться в консерваторию Виктору мешало самолюбие, и он избрал другой путь. Кроме музыки у В. П. Масюкова было второе сильное увлечение – математика. Еще в школьные годы им был написан задачник – более трехсот арифметических, алгебраических и геометрических задач, которыми даже пользовались учителя на занятиях. И в 1934 году, успешно сдав экзамены, Виктор Масюков становится студентом физического факультета Ленинградского университета. Там он сдружился с Никитой Толстым, старшим сыном писателя Алексея Толстого. Толстые жили тогда в Детском селе, и Виктор несколько раз бывал у них в доме, где, встретившись с Алексеем Николаевичем, на себе ощутил притягательную силу обаяния, ума, остроумия и душевности «красного графа».

Но «грызть гранит науки» Виктору довелось не долго. Начались массовые репрессии. Не обошло несчастье и семью Масюковых. Дядю Петю, ветеринарного врача в Благовещенске, двоюродную сестру Феоктисту и ее мужа – учителей в Йошкороле; брата Константина – инженера-строителя – и его жену в Оренбурге арестовали. А в университете тем временем стали исчезать люди. На одном из собраний прямодушный Виктор Масюков не выдержал и выступил в защиту очередной жертвы. Через несколько дней незнакомый преподаватель отозвал его в сторону и посоветовал немедленно уйти из университета, скрыться из поля зре-

ния, иначе совсем скоро сам «адвокат» окажется в компании недавнего подзащитного. Виктор ушел из университета и, как говорили ему позже, поступил верно.

Судьба обращает его лицом к искусству, – Масюков начинает работать в самодеятельных театральных студиях, кукольном театре, а затем в театре марионеток. Работа связана не только с музыкой, – приходится вникать в тонкости актерского мастерства и режиссерского дела: Виктор порой выполнял функции и музыканта-композитора, и актера, и режиссера. А в 1939 году он поступает на режиссерский факультет в Ленинградский театральный институт, в мастерскую Бориса Михайловича Сушкевича, где учится, продолжая работать в театре марионеток. Казалось, Виктор, наконец, нашёл себя.

МАРШ МИНОМЕТНОГО

22 июня 1941 года, в 12 часов дня чёрная тарелка репродуктора голосом В.М. Молотова объявила советским людям о том, что началась война. В первые же дни войны Масюков добровольцем уходит на фронт, хотя студенты его института пользовались правом на бронь. Ни мать, ни жена Бориса – Александра Авраамовна, актриса театра, где он работал, не попытались остановить своего солдата, не упрекнули за то, что оставляет их, отказавшись от брони. Виктор направляется в Кировскую дивизию народного ополчения.

На войне было всякое. И животный ужас, когда его одного, только что прибывшего к будущим боевым позициям, еще совершенно не обстреленного, углядел в чистом поле немецкий истребитель и расстреливал на бреющем полете, сделав над ним несколько заходов. И предельное утомление, когда человек может спать, идучи в пешем строю, не нарушая при том ритма шага и не теряя чувство локтя своего правого и левого соседа. Были ночные привалы поздней осенью прямо в болоте. К утру шинель вмерзала в обледеневшее болото и представляла собой ледяной футляр и лишь движения (о, как они тяжелы, эти первые движения в ледяной корке!), да последующий марш-бросок спасали людей от воспаления лёгких.

13 августа 1941 года, в одном из боев на подступах к Ленинграду, Виктор Масюков был тяжело ранен разрывной пулей, которая, разворотив ногу, разбила кость. Последовала поэтапная эвакуация, госпитали Ленинграда, Череповца и Новосибирска. Врачи долго возились с ним, но ногу сумели спасти и вернули в строй. Последующая артиллерийская фронтовая служба привела В.П. Масюкова к званию гвардии-майора.

Глубоко эмоционально воспринимали бойцы действующей армии песни. Здесь, в землянках, зародилась и укреплялась солдатская художественная самодеятельность. «Музыкальным гербом» минометного дивизиона стал написанный Масю-

Октябрь 1945 года. В. Масюков и Ларин И.П. (сидит)

ковым на собственные стихи «*Марш минометного дивизиона*». Скоро марш стали исполнять и как строевую песню. Командиром минометной батареи Масюков прошел всю войну – брал Кенигсберг, освобождал Польшу. Со своими однополчанами салютовал Победе в самом Берлине. Был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, тремя медалями.

Но военным В. Масюков по призванию не был, поэтому в 1946-м году отказался от предложения командования поступить в военную академию и демобилизовался в город Днепропетровск.

И, наконец, – теперь навсегда, – вернулся к музыке.

ЧЕРЕЗ УКРАИНУ – В МОЛДАВИЮ

В Днепропетровске Виктор Масюков стал художественным руководителем театра кукол. Его оригинальной музыкой были оформлены спектакли «Волшебная калоша» Матвеева, «Мастер на все руки» Губервского. За музыку к спектаклю «Мастер на все руки» Виктор Порфирьевич получил первую премию на украинском Республиканском смотре музыки к спектаклям кукольных театров.

Активная музыкально-творческая деятельность продолжалась с переездом в Кишинев, где была написана музыка к спектаклям кукольного театра, а затем в город Сороки, где Виктор Порфирьевич увлеченно вёл уроки по искусству (музыка, хор, театр) в Библиотечном техникуме, впоследствии ставшим Культпросветучилищем. В Сороках все сильнее стало проявляться стремление Масюкова к композиции. Он самостоятельно изучает специальную литературу, учебники по музыкально-теоретическим дисциплинам, ездит за книгами и на консультации в Союз композиторов Молдавии, – его консультантами были композиторы Н.С. Пономаренко, С. Златов, Н.Л. Лейб. Вскоре несколько песен Виктора Масюкова публикуются в сборнике детских песен.

Чтобы более активно участвовать в жизни Союза Композиторов, в 1953 году Масюков переезжает поближе к Кишинёву, в Бендеры, где пишет ряд инструментальных пьес, симфонические пьесы, романсы. Песня о Бендерах Масюкова, для которой он написал и стихи, и музыку: «*Город парков, город скверов – это город наш Бендеры...*», став музыкальной эмблемой города, встречала и провожала поезда. Жизнь Виктора Порфирьевича была насыщена, в основном, педагогической и хормейстерской работой. Он преподавал вокал, руководил несколькими хорами в воинских частях и на производствах, создал хор учителей.

В Бендерах Виктор Порфирьевич пишет на собственное либретто детскую оперу «Красная шапочка», дважды с энтузиазмом поставленную Бендерским дворцом пионеров, а спустя несколько лет, на просторной сцене Дворца культуры, – музыкальной школой. Тепло принимаемая публикой, эта постановка давала большую творческую радость её участникам, оставляя надолго добрый светлый след в душах взрослых и детей. Появление первой в Молдавии оперы такого типа стало событием в развитии детской музыки в республике.

Едва ли можно найти композитора, который не отдал бы частицу своей души детям – детской музыке. У Масюкова это одна из самых пленительных страниц творчества, где царит простой, ласковый и мудрый мир детских образов. Мир одушевленной красоты, согревающий своей теплотой сердце даже тогда, когда голова подернута инеем седины.

В 1956 году произведения Виктора Масюкова для детей, написанные на собственные тексты – «Колыбельная» и «Дед Мороз» – исполнялись на Первом Съезде композиторов Молдавии.

Важной вехой в композиторской судьбе В. Масюкова было сочинение Первой сонаты для скрипки и фортепиано. Эта соната свела Виктора Порфирьевича с *Валерием Леонидовичем Поляковым*, – композитором яркой творческой индивидуальности, одаренности и высокого профессионализма, обладающего чрезвычайно острым критическим и аналитическим умом, который взялся его консультировать. От первого до последнего звука – от импульсивно, декламационно-приподнятой, преисполненной внутреннего движения и динамики первой части через пастельно-прозрачные, как бы растворяющиеся в пространстве, краски второй, – к финалу, где вновь чувствуется биение пульса и интонационная напряженность главной партии первой части, – соната поет!

А свою Альтовую сонату композитор писал в весьма необычных условиях. Недалеко от Бендер есть Гербовецкий лес, где обитают косули, олени, лисы, разливается птичье многоголосье. Вот в этом лесу однажды и решили Масюковы всей семьей провести свой отпуск. В домик лесника перевезли пианино, которое заняло все место в отведённой им комнате, сами жили в палатках, еду супруга Александра готовила на дворовой печке под открытым небом, а дети – дочь Татьяна и внук Николай, сын старшей дочери Ирины, – бегали по лесу, изучая его, катались на лошадях... Результатом такой «пасторали» явилась Соната для альты и фортепиано, которая с неизменным успехом исполнялась не только в Молдавии, но и далеко за ее пределами: в Москве, Риге, Ташкенте, на Алтае.

Из крупных произведений, созданных в Бендерах, стоит отметить также музыку к балету «Счастье чабана» на либретто балетмейстера Б. Решетникова.

В этот период состоялись запомнившиеся Виктором Порфирьевичем на всю жизнь встречи с московскими композиторами – великим Дмитрием Шостаковичем и А. Островским.

НА ПИКЕ ТВОРЧЕСТВА

В 1963 году В. Масюков переезжает в Кишинев и становится преподавателем пения и руководителем хора 37 городской средней школы (ныне – лицей им. Гоголя), и тут же приглашается на работу ответственным секретарем Союза композиторов Молдавии вместо В.Л. Полякова, который решил уйти с этой должности, чтобы полностью отдаться творчеству. Союз состоял тогда всего из 31 человека, но на него было возложено множество важных функций, оказывающих непосредственное влияние на развитие музыкальной культуры Молдавии. Дружелюбная атмосфера, в которую окунулся в Союзе композиторов

1963 год, Бендеры

Виктор Порфирьевич, которому всегда были присущи инициативность и оперативность, помогла ему быстро ощутить себя здесь своим и глубоко вникнуть в специфику стоящих перед организацией творческих, организационных и административных задач.

Параллельно В. Масюков активизирует свою композиторскую деятельность. Им создаются симфонические и хоровые сочинения, произведения камерной музыки. Заинтересованно изучая фольклор, стремясь овладеть молдавским мелодическим материалом, композитор часто вводит в свои произведения народные или близкие к ним мотивы. Такова, в частности, симфоническая увертюра «Букурия» (1967 г.), построенная на двух ярких молдавских темах – танцевальной и лирической.

Наиболее полно талант композитора раскрылся в песенном жанре. Массовые и эстрадные песни В. Масюкова мелодичны, насыщены по своему содержанию, отмечены художественным вкусом, тематика их весьма разнообразна. Многие из них композитор посвятил Родине, бессмертному подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, трудовым будням и свершениям современников. Есть у В. Масюкова и проникновенные лирические песни, и замечательные песенные миниатюры для самых маленьких. Уникальным даром композитора было то, что он умел откликаться на разнообразные события повседневной жизни. Так, например, в феврале 1970 года проходили Дни молдавской музыки в Белоруссии. Визитной карточкой нашей делегации стала песня В. Масюкова на слова П. Крученюка «Белоруссия-Молдова», восторженно встреченная белорусской публикой.

Большой творческой удачей В. Масюкова стала песня «Дор де тине» (в поэтическом переводе – «Эхо страсти») на стихи Г. Кутасевича, привлекающая выразительностью и благородством мелодического содержания, оригинальностью

Дни литературы и искусства РСФСР в Кишиневе. На переднем плане – Я. Френкель, в центре – Ал. Пахмутова. В верхнем ряду, за Н. Добронравовым, – В. Масюков (Примерно 1965-1973г.г.)

формы. Слушатели наверняка помнят ее яркое исполнение *Надеждой Чепрагой*.

Десять лет проработал В. Масюков ответственным секретарем Союза композиторов Молдавии и находился у «колыбели» почти всех, родившихся в эти годы, произведений молдавских композиторов. Это были годы интересных содержательных встреч с творческими людьми – известнейшими композиторами и поэтами Москвы, Ленинграда, советских республик, среди которых были и «песенники» – Александра Пахмутова, Ян Френкель, Николай Добронравов. Общение с ними было не только приятным и увлекательным, но несло в себе большой творческий заряд, энергия которого затем выливалась в очередные сочинения.

Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 20 февраля 1973 года, за заслуги в развитии молдавской советской музыки, активное участие в эстетическом воспитании трудящихся и в связи с 60-ти десятилетием со дня рождения, ответственный секретарь Союза композиторов Молдавской ССР тов. Масюков Виктор Порфирьевич был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного совета Молдавской ССР.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Виктор Порфирьевич Масюков ушел из жизни 17 октября 1984 года, он похоронен на аллее почетных захоронений кладбища «Дойна».

К сожалению, в нынешних концертных программах и в учебно-педагогическом репертуаре редко услышишь произведения Виктора Порфирьевича. Такова судьба творчества многих талантливых композиторов прошлого столетия. Огромные пласты культурного наследия преданы забвению, хотя это вовсе не отражает их художественного уровня. Такова плата за нигилизм, перешедший из политической и социально-экономической сфер в культуру...

Украина, г. Ялта, 2013 г.

Фотографии – из архива Т.В. Масюковой

Фото Порфирия Масюкова и сборника стихов «Отголоски...»:
<http://www.bgpu.ru/museums/liter/exposition2.htm>

Материал подготовлен при содействии семьи Шептыкиных.

Татьяна Викторовна МАСЮКОВА – дочь композитора. Окончила Кишиневский медицинский институт в 1972 году. Работала в 1-ой городской поликлинике зав. терапевтическим отделением, в Министерстве здравоохранения (врач-инспектор, курировала терапию и кардиологию республики), работала в медсанчасти «Сигнал» (главный врач) по 2002 год. С 2002 года проживает в Ялте.

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

«...я, представляешь, родился в Красноярске, когда шла битва под Сталинградом, и красноярские полки добровольцев встали на пути танков дивизий «СС», прорывавшихся к окруженной гитлеровской армии, и почти все бойцы-сибиряки погибли в том бою», – однажды в интервью сказал Александр Милях, ровесник Сталинградской битвы, решившей ход Великой Отечественной войны. В его стихах и сегодня отчётливо слышны её отзвуки.

Литературный 2012 год завершился юбилейным вечером поэта в Российском Центре Науки и культуры. Ещё раз поздравляем Александра Владимировича с состоявшимся юбилеем!

«РП»

АЛЕКСАНДР МИЛЯХ

«ПЯДЬ ЗЕМЛИ В СЕБЯ ВОБРАВ!»

Стихи разных лет

СТАЛИНГРАДСКИЙ КОЛОС

Зерно упало в борозду.
 И проросло. И взвился стебель,
 Мечтая в огненном году
 О мирном и высоком хлебе.
 О хлебе радости. Тогда
 Пшеница в горе перезрела.
 Горели небо и вода.
 Земля от стали тяжелела.
 Смертельно раненый, боец,
 Родной земли услышал голос,
 Среди огня восстал, воскрес
 И уберег заветный колос.
 И колос, веру с ним храня
 В Победу, разделил по праву
 Частицу вечного огня!
 Честь боевой солдатской славы.
 И в год Победный, к ней,
 Родной,
 К земле, страдающей безмерно,
 Пришел солдат.
 Шел бороздой.
 И сеял, сеял зерна веры...

1967 г.

ОКНА

Мне не поверит житель
 Невский,
 В гранит влюбленный без ума,
 Что в раскаштановой Одессе
 Живут такие же дома:
 Скучают мраморно
 Богини,
 Зевают на фасадах
 Львы,
 Но гибнет день наполовину
 В кипучих поисках любви!

Так каждый год.

Но мне не плохо,
 Со мной любезен управдом,
 И с коммунальной эпохой
 Теперь вплотную я
 Знаком.

Она напротив.
 Под стеною,
 А до стены рукой подать?
 Мне часто кажется страну
 Стены...
 Особенная...
 Стать!

Но переулочок окаянный
 С небесной дружит высотой,
 Где проживаю с постоянной
 И очень милою
 Женой.
 И окна с видом на Европу
 Слова мне новые нашли,
 Где улицы пропахли
 Кофе,
 Как в Черном море –
 Корабли...

1973 г.

ГЕОРГИЙ. 1972 г.

На стене под красным бантом
 от клинка – тенистый

След.

Пожилого лейтенанта неулыбчивый портрет.
 А под ним – в такие лета! –

Только встать и снова в

Бой,

Точной копией портрета старичок сидит земной.
 Жил трудом, а не дарами, и не ждет чужих
 Даров,

На фуфаечке с крестами планка
 Красных орденов.

На гражданской..., на далекой? Было
 Недругов – не счесть,

Он прошел чины и сроки, от вождей спасая
 Честь.

Смерть слепую не прощал он, жизнь –
 Отчизне дорога!

Научился беспощадно бить лишь явного врага.
 Старичок, гусар бывалый, дай мундир – и
 Генерал,

Но, воюя кровью малой,
 Полководцем он не стал.
 И за два последних года фронтовых своих дорог
 Помкомвзвода до комвзвода дослужиться
 Честно смог.
 Помнит участь неизвестных, без имён
 Гранит
 Их чтит!
 Его саблю безвозмездно городской Музей Хранит.
 И теперь – с лицом гусара
   отставной
   солдатский
 Бог
 Осязает свойства пара – с кипятком
 Лохань у ног.
 Не возвысился, не взвился: тем хранил
 Страны успех,
 Что работал...
   И не спился!
 Поминая павших...
 Всех!

СЕЙНЕР

Вскрикнул сейнер, и вскрикнули птицы,
 Уходя от крылатой беды,
 И опять свет неровный струится
 Дальних окон. У близкой звезды,
 Рассыпаясь, сгорела ракета,
 Оставляя навязчивый след...
 Мне не хочется думать об этом
 На такой миротворной земле.
 Ей остыть от пылающей славы
 Не пришлось. И мерещится: в ряд
 Над плетнями поникшие мальвы
 Вдоль дороги военной стоят.
 Вдов в селе осталось немного –
 Время, жизнь, утверждая, спешит,
 И кружит объездная дорога
 Городское ворчанье машин.
 ...Я приехал такой же машиной
 В мир, встревоженный эхом войны, –
 Подорвался на ржавенькой mine
 Белый сейнер в разгаре весны
 В ясный штиль и в дождливую качку,
 Будто вновь провожая в бои,

Выходили на пристань рыбачки,
 Пели древние песни свои!
 Пахло рыбой и звездами лето.
 Дальний сейнер светился во мгле...
 Мне не хочется думать об этом
 На такой миротворной земле...

1969 г.

КНИГА

На обложке зловещие лица –
 Торжествует, кричит воронье...
 Мчит пустыней измученный рыцарь –
 Наготове и меч, и копье,
 Ни упрёка, ни страха не зная,
 Защитит справедливость и честь,
 Мальчик скорбную книгу читает,
 Книжку добрую хочет прочесть.

На обложке знакомые лица,
 На обложке – нет стертых имен –
 Ищет зло – очарованный рыцарь,
 Защитит всех обиженных он.
 Грянет бой, как возмездие, краткий,
 Враг отпрянет от города прочь!
 Тусклый пламень мерцает в лампадке,
 На исходе блокадная ночь.

КЛУМБА

В год юбилейных сновидений –
 Мечты прожекторных лучей.
 Во мгле ноябрьских озарений,
 В грозящих отблесках ночей –
 Нет простоты. В садах. В прохладе –
 Есть пустоты
 И зов, и власть,
 Чугунность красоты в ограде
 Зловещей силой налилась.
 Свеченье звёзд Неве немилу,
 И фонарей свет непригож,
 В ответ полночному светилу –
 Воды загадочная дрожь.

Закатом западным владея,
 Уняв восточные ветра,
 Жив город Ленина, надеясь
 На вечность города Петра.
 Живут растения блокады,
 И каждый стебель небу рад,
 Жестокой правдою ограды,
 Священной, окольцован
 Сад.
 И век любой – есть век народа...
 Людское горе знать готов?
 Как след голодный –
 Огорода
 Среди ликующих цветов!

КАК ВОСКРЕСАЮТ – РЕЧЬ И ЧЕЛОВЕК...

*Валерию Михайлову, редактору журнала
 «Простор», город Алма-Ата*

Стихи – стихают,
 если сердце внемлет
 Другому сердцу, чтоб его понять,
 Так небеса оберегают землю,
 Где обрели тебя отец и мать.

Где вырос ты.
 Не искривлённый ложью,
 С той правдой – обречённой, но прямой:
 Судьбою русской жить неосторожно,
 Что навсегда – с тобою и со мной!

Во времена унынья и позора –
 Пришли мы – из трагических времён,
 Мы сыновья –
 Победного Простора –
 Смертельно ранен, но бессмертен
 Он...

И ты – не вдруг, и я – не вдруг
 Поверил
 В него и в Русь. Вобрав в свои сердца
 Простор Любви.
 В тебе он, друг Валерий,
 Во мне живёт. Петь будет до конца
 Пути земного. Нашего. Не песни –
 Степей и гор, лесов родных и рек,
 Мы в них уйдём?
 Но с ними мы воскреснем,
 Как воскресают
 Речь и
 Человек!

8 сентября 2006 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. 1977 г. 2007 г.

В Молдавии, в стране слепых дождей,
 Где снились мне березовые страны,
 Я жил среди приветливых людей,
 И, всем открытый, не казался странным.

Великий город,
 Сдержанный в любви,
 Меня страданием цепким обеспечил,
 И помнят, помнят чопорные львы
 Мои опустошительные речи.

Я проходил по улицам иным,
 По улицам простых веселых песен.
 Где от вина – не тесен мир вины,
 А мир тепла, воистину, не тесен.

Где юности дворовый виноград
 Дорос до всех пределов по наклону,
 Где мать моя, который год подряд,
 Встречала, не тревожась, почтальона...

ПЕТРУ ДУДНИКУ* 1991 г.

Какая певческая сила
 В тебе бесхитростном была:
 Жила в твоих стихах Россия –
 Сраженьями добра и зла,
 Победы искреннего слова
 Над мраком косным совершил...
 Я познавал твою Молдову
 В свершеньях солнечной души.
 Я помню, как мы расставались,
 Гремя стаканом о стакан,
 В сорокалетних наших даях
 Ты видел века ураган –

Его предчувственные ветры
 Ломали строгость чутких строк,
 Вбирая боль и километры
 Ещё не пройденных дорог.
 От власти любящего вздора
 Своих писательских друзей
 Ты сердце доверял простору –
 И муки не было больней!
 Меня за них ты не осудишь,
 Ни власть, ни уличную тишь...
 Бегут, оглядываясь, люди,
 А ты с небес уже глядишь.

ИНОПЛАНЕТЯНИН

В телепротраций заветном тумане,
 В стране демонстраций, к которым привык.
 «...Что сделали с нами
 Инопланетяне!» –
 В толпу вопрошал одинокий старик.

Он ходит пешком – из столетий прохожий,
 И у вокзала в автобус не влез.
 Похожий на птицу – летать он не может,
 И тащит, хромя, свой собственный вес.
 В пальто из шинели, в проверенной ткани,
 В авоське картошка – четыре кило!
 «...Что сделали с нами – инопланетяне,
 Мне пенсии нет – уж в какое число!»

Судьбу испытал он в воздушном таране,
 Врага уничтожил над верной страной:
 «...Что сделали с нами – инопланетяне,
 А для меня – нет планеты иной!»

---

* Пётр Дудник – талантливейший поэт Молдовы конца прошлого века. Умер от сердечного приступа на уличной скамейке... (прим. автора).

Пошел по ступенькам, считая пролеты,
 Поскольку ему – на девятый этаж.
 Когда-то старик укрощал самолеты,
 А лифт не взлетает! Лифт выслужил стаж.

Старик – старику, возмущаясь без брани,
 О жизни и власти — который уж раз:
 «...Что сделали с нами – инопланетяне...»
 И лампочкой тщетной – в подъезде погас.

БЕЖЕНКА

Деревьев вечерние кроны
 Застыли в печальном строю,
 А женщина – кошку хоронит, –
 Ранимую радость свою.
 Гонимый звериным пожаром,
 Теплом человеческим грел –
 Потерянной дочки подарок
 В Россию приехать успел.
 А та – охладела до стона
 Расколотых колоколов...
 Гражданка – живет вне закона
 На переломе веков.
 Вне тайны – причин перелома
 Отчизны – и «этой», и «той»...

Дом отдыха... Значит, без дома
 Гражданка страны трудовой.
 Не верит она, что напрасен
 Погибшего крова огонь.
 И слезы опасные гасит
 Еще молодая ладонь.
 Не знает душа, что сгорела
 С поселком над быстрой рекой,
 Но радости брэнное тело
 Нашло в Подмоскowie покой.
 Гражданка – одна и едина
 С гражданством.
 Но как ей помочь?
 Отец – победитель Берлина,
 Обслуга в том городе – дочь.

БАБКА СТЕПАНИДА. 1975 г.

За деревьями не видно
 Приднестровское село,
 Здравствуй, бабка Степанида,
 Ты жива. Мне повезло.
 Жизнь – суровое мгновенье,
 Как удачу не лови.
 Подари траву-забвенье
 От беспамятной любви.

Травы бабка знает правдой,
 Каждый корень, лист в лицо,
 Приютила в год кровавый
 Трех израненных бойцов.
 Двух в дорогу проводила,
 В путь победный. В путь потерь.
 Отпоила, отмолила. Третий –
 памятник теперь.

У Днестра крут берег правый,
Не вернулся сын домой,
Оросила бабка травы
Горемычною слезой.
Бабка помнит боль и стоны
Сел молдавских и дорог,
Пусть висит ее икона,
Под иконой – в сердце
Бог!

Меркнут перед ней обиды,
Миром полон человек...
Здравствуй, бабка Степанида,
Проводи двадцатый век.

* * *

Пядь земли – спасала рота
Для себя...
и для кого-то,
Для того, кто жив сейчас,
Для прозренья детских глаз,
Для явившихся на свет,
На котором
Мира нет!
Пядь земли об этом – стонет,
Пядь земли во сто ладоней.
Рядом с сердцем. Не вдали.
А в ладони – горсть земли,
Горсть земли в ладони
Каждой
О покое вечном страждет,
Но не выпал им
Покой
И за подвиг мировой!
Пядь земли спасала рота,
Для меня, не для кого-то...
Рота встала на заре,
Там... на Волге, в Декабре,
На защиту детских прав,
Пядь земли в себя вобрав!

ИНФО - поле АРП РМ

СТУЧИТЕ! И ВАМ ОБЯЗАТЕЛЬНО ОТКРОЮТ...

– считает председатель Конгресса русских общин Республики Молдова Валерий КЛИМЕНКО. Не молчите, говорите обо всем, что вас волнует, – и вы будете услышаны. Подтверждение тому – недавно обнародованные решения российского президента, принятые им после IV Всемирного Конгресса российских соотечественников, в котором участвовала и делегация из Молдовы.

РОССИЯ О НАС НЕ ЗАБЫВАЕТ

В конце января во многих российских изданиях практически одновременно появились два в равной степени обнадеживающих сообщения, касающихся российских соотечественников, проживающих за рубежом. Оба содержат информацию о важных решениях президента и данных им поручениях Правительству Российской Федерации.

Первое – разработать план поддержки школ, осуществляющих преподавание на русском языке, в государствах СНГ и в других странах.

Второе – сформировать механизмы помощи зарубежным русскоязычным СМИ.

Насколько обе эти темы злободневны для русскоязычных «иностранцев» – жителям Молдовы пояснять не нужно... И значимость поддержки соотечественников Россией – причем на столь высоком уровне – у абсолютного большинства из нас вызывает надежду и благодарность.

У кого-то может возникнуть вопрос: а что ж столько ждали-то – почему лишь теперь? При всей его риторичности, ответ есть – и вполне однозначный: он отчетливо просматривается в обоих сообщениях. **По поводу помощи русскоязычным зарубежным СМИ** в информации есть конкретная отсылка: «...*Такое решение глава государства принял на основе доклада МИДа об итогах октябрьского Всемирного конгресса соотечественников в Санкт-Петербурге* (здесь и далее выделено нами. – Р. П.). Автор доклада – министр иностранных дел Сергей Лавров – рекомендовал Путину поручить Роспечати проработать механизмы содействия деятельности электронных и печатных русскоязычных СМИ за рубежом».

Что касается поддержки зарубежных школ с преподаванием на русском языке, то эта мысль ранее уже прозвучала в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию – 12 декабря 2012 г. Формулировка там была следующая: «...*Поручаю Правительству представить предложения по реализации дистанционного образования на русском языке. Оно должно быть доступно для молодёжи стран Содружества, для наших соотечественников во всём мире. Важно поддержать школы в СНГ и в других государствах, которые ведут преподавание на русском языке, включая поддержку учителей, помощь с учебниками, матери-*

альной базой. ...Качественному образованию на русском языке необходимо придать глобальный характер. В целом речь должна идти о том, чтобы расширять присутствие России в мировом гуманитарном, информационном и культурном пространстве». IV Конгресс соотечественников напрямую здесь не упоминается. Но вряд ли можно счесть случайностью, что за несколько дней до обнаружения Послания президента – 7 декабря – в «Российской газете» был опубликован подробный материал статс-секретаря – заместителя министра иностранных дел России Г. Б. Карасина «Уроки Всемирного конгресса соотечественников», в котором, в частности, было сказано: «Эффективное сотрудничество и взаимодействие с соотечественниками, прежде всего с подрастающим поколением, неразрывно связаны с поддержкой русского языка и культуры, сохранением их международных позиций. ...Русский язык – не только язык нашей общей истории и культуры, это объединяющее начало для многомиллионного русского мира. Не случайно русское зарубежье с нетерпением ждет скорейшего завершения работы над концепцией «Русская школа за рубежом» и разработки конкретных мероприятий по ее реализации».

Вывод очевиден: оба поручения президента России – это реакция на обозначенные участниками Конгресса наболевшие вопросы.

ЭТОТ ФОРУМ НЕ БЫЛ БЛАГОСТНЫМ

Те, кто внимательно следит за контактами русской диаспоры Молдовы с исторической родиной и не упускает из виду заметные события, связанные с этим, наверняка читали или слышали о том, что из Молдовы на IV Конгресс отправилась довольно представительная делегация, а возглавлял ее председатель Конгресса русских общин РМ Валерий Клименко, являющийся, к слову сказать, и председателем правовой комиссии Международного совета российских соотечественников, объединяющего 147 организаций соотечественников из более чем полусотни стран мира.

Мы попросили его рассказать о том, какие же уроки извлекли наши «полпреды» и он лично из прошедшего более трех месяцев назад форума соотечественников.

– Валерий Иванович, можно не сомневаться, что за время, прошедшее после Конгресса, Вы не раз мысленно возвращались к тому, о чем там говорилось, что вызывало повышенный интерес, дискуссии, какие проблемы оказались общими для всех, а какие – специфическими для отдельных диаспор. И вообще, стал ли этот форум лично для Вас каким-то особенным, отличающимся от предыдущих, или, мягко говоря, это была просто говорильня, которая, по сути, едва ли сможет повлиять на нашу жизнь здесь, на какое-то ее позитивное обновление?

– Даже у самых больших скептиков и критиков (а таких всегда достаточно, особенно в среде пишущей братии) вряд ли повернулся бы язык назвать столь масштабное мероприятие «просто говорильней». Потому что вместе собрались более полутысячи российских соотечественников из девяноста с лишним стран, очень разные – и по возрасту, и по «географии», и по степени удаленности – духовной и физической – от своей исторической родины. Среди них были и уроженцы России, волею судеб оказавшиеся за ее пределами, и этнические русские – бывшие граждане Советского Союза, для которых Москва была столицей их Отечества, и потомки эмигрантов времен Гражданской войны – в общем, люди с совершенно разными судьбами и жизненной историей. Понятно, что у жителей дальнего зарубежья и тех, например, кто в результате развала Союза в одночасье оказались отрезанными от России, превратившись в «иностранных граждан», – абсолютно несхожие проблемы. Но у всех они есть, у каждого своя боль и свои надежды. Тем не менее, всех нас

собрала в одном месте великая объединяющая сила: любовь к России, к ее культуре, духовному богатству, к русскому языку.

Я бы не сказал, что атмосфера была благостная – напротив, Конгресс проходил... несколько нервно, что нашло отражение в очень многих, зачастую полярных по сути, публикациях, в которых и журналисты, и руководители разных русских организаций пытались осмыслить и ход форума, и его итоги. В спор даже счел необходимым вмешаться Григорий Борисович Карасин, первый замминистра иностранных дел, выступив со статьей «Споры и диаспора», чтобы расставить все точки над *i* в вопросах, касающихся российских соотечественников за рубежом, – т. е. в сфере, которую он курирует и в которой наиболее компетентен. В своей публикации он обозначил позицию правительства России, и в частности МИДа, по этой проблеме.

И мне представляется наш с вами разговор вполне своевременным – по прошествии определенного времени, когда все желающие высказались, когда выявлены наиболее характерные точки зрения. Хотелось бы коснуться роли молдавской делегации в тех результатах прошедшего Конгресса, которыми можно считать принятые на днях решения президента России и данные им поручения правительству. Это принципиально важный момент.

– Что Вы имеете в виду?

– Именно мы поставили перед Конгрессом эти вопросы и настояли, чтобы они вошли в резолюцию, которая является, как сейчас говорят, своего рода «дорожной картой» – программой действий, концентрированной точкой зрения зарубежной российской диаспоры по наиболее актуальным для нее проблемам.

Я бы выделил четыре важные темы, обсуждавшиеся на Конгрессе. Две из них присутствовали в повестках дня всех ранее состоявшихся конгрессов – это консолидация российских соотечественников за рубежом и функционирование русского языка, особенно на постсоветском пространстве. А вот две темы можно считать новыми: русская школа и русскоязычные СМИ за рубежом. На них мы, представители КРО РМ, и сделали особый акцент – не только в связи с тем, что нам загодя предложили подготовиться и высказаться по Концепции «Русской школы за рубежом», но и потому, что они для нас самые животрепещущие. Но тут необходимо небольшое предисловие. Еще президентом Д. А. Медведевым в январе 2011 года было дано поручение МИДу России о разработке Государственной концепции поддержки русского языка за рубежом и Концепции программы «Русская школа за рубежом». В преддверии Конгресса соотечественников проект образовательной концепции был разослан руководителям русских общественных организаций во все страны, где есть русская диаспора, чтобы они подготовили и высказали свои соображения и предложения, – в расчете на то, что наши соображения будут изучены, обобщены и в дальнейшем включены в окончательный вариант документа.

ЗАВТРА БУДЕТ ПОЗДНО!

И мы на Совете КРО РМ приняли решение создать команду из числа профессионалов, которые тщательно проштудировали бы этот проект и внесли от имени Конгресса соответствующие предложения. Возглавила и собрала ее директор Русского интеллектуального центра Е. М. Буракова. Несколько месяцев этот коллектив анализировал документы. Это позволило выработать множество важных, на наш взгляд, предложений и мы направили их в Министерство образования и науки РФ, в Россотрудничество и в Госдуму России. Часть из них были приняты еще в период работы упомянутых ведомств над Концепцией, а некоторые – мы считаем, прин-

ципиально важные – не попали в итоговый документ. Передо мною стояла задача озвучить их на Конгрессе в момент моего выступления на пленарном заседании.

...Почему-то некоторые московские чиновники никак не могут понять нашу озабоченность насчет самого названия этого документа – «Русская школа...». Почему только школа? А детсады? А высшая школа? Если мы обеспечим нашим соотечественникам только это звено – среднее образование, а дошкольное и высшее – нет, как ребенок сумеет полноценно подготовиться к первому классу русской школы? А если в вузе он не сможет учиться на родном языке, зачем ему оканчивать русскую школу? И куда он пойдет учиться дальше? Опять-таки, в молдавскую группу, если, конечно, не уедет учиться в Россию. А что ж прикажете делать молодому человеку, если его, по сути, лишают выбора? Поэтому мы предложили заменить название на «Русское образование за рубежом», в котором бы рассматривалась и была разработана вся вертикаль – от детского садика до вуза. Или, если нельзя изменить название (говорят, это очень сложно сделать: в президентском поручении она названа именно так), – необходимо в документе предусмотреть преамбулу, поясняющую, что программа предусматривает построение всей вертикали образования на русском языке в зарубежье.

Оттягивать сроки реализации этой программы (а именно к этому сводились некоторые выступления: мол, надо еще поработать, послушать специалистов) недопустимо! И с трибуны Конгресса я категорически настаивал на том, чтобы она была запущена немедленно, потому что во многих постсоветских государствах идет массивное уничтожение образования на русском языке (как, например, у нас в Молдове – под личиной «оптимизации», о чем я делегатам доходчиво рассказывал). Если мы потеряем еще какое-то время, нам уже нечего будет сохранять: у нас исчезнет база для реализации этой замечательной программы.

Е. М. Буракова в своем выступлении на секционном заседании проанализировала положения Концепции касательно всех четырех рассматриваемых в документе типах школ, резонно заметив, что «при реализации программы **необходимо учитывать специфику** системы русского образования **в каждой стране**» и что для Молдовы и других постсоветских государств, в которых проживает значительное число русскоязычных граждан, *«нет необходимости вкладывать огромные средства в создание привилегированных русских школ. В первую очередь необходимо отрегулировать правовую базу (в том числе и на межгосударственном уровне) таким образом, чтобы создать условия для приобщения к российскому образованию всех соотечественников»*. Она затронула и другие немаловажные моменты: о необходимости международных соглашений о беспрепятственном прохождении педагогами русских школ стажировок и курсов повышения квалификации в России, о закреплении прав педагогов и учеников всех русских школ участвовать в российских образовательных проектах, о совершенствовании порядка приема в российские вузы молодых соотечественников и его неукоснительном соблюдении и т. д.

Ярким и аргументированным было сообщение на одной из секций председателя Лиги русской молодежи Республики Молдова Игоря Тулянцева, который обратил внимание на необходимость активизации работы зарубежной диаспоры по патриотическому воспитанию молодежи, противодействия фальсификации истории России.

А председатель Ассоциации русских писателей РМ О. Рудягина на секции, где обсуждались вопросы укрепления связей зарубежной российской общины с исторической Родиной, подняла тему острой необходимости поддержки творческой интеллигенции соотечественников и русскоязычных литераторов ближнего зарубежья, пребывающих, подчас, в духовной изоляции.

Хочу заметить, что именно выступления членов КРО РМ были наиболее острыми, и они существенно повлияли на ход дискуссий. И я рад, что всё это вылилось в уже упомянутый результат: поручение президента РФ правительству разработать

план поддержки русских школ в странах СНГ и других иностранных государствах. Причем в этом поручении указаны конкретные сроки: до 15 апреля представить план по созданию сети, позволяющей обеспечить дистанционное образование за рубежом на русском языке, до 15 мая – план поддержки русских школ в странах СНГ и других государствах. То есть мы видим, что наша поездка на Конгресс – отнюдь не туристический вояж, а работа на конкретный результат. Я не беру на себя смелости утверждать, что этот результат – только наша заслуга, но то, что и наша весомая лепта в этом есть, – несомненно.

ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ – СМИ

Теперь – о средствах массовой информации. КРО РМ считает своей обязанностью противостоять лжи, фальсификации исторических фактов, что сплошь и рядом происходит в Молдове. Не говорю о других странах, хотя во многих такая же ситуация. Но на практике оказалось, что у нас нет **инструментов** противостояния. Ведь вся эта фальсификация осуществляется прежде всего при посредстве СМИ: газет, телевидения, радио...

Да, у российской диаспоры есть малотиражная газета «Русское слово», есть еще небольшое количество изданий, отражающих точку зрения российских соотечественников. Но это капля в море! Поэтому я и поставил на Конгрессе вопрос ребром: для того, чтобы содействовать формированию положительного имиджа России – через массивную публикацию материалов об ее истории, культуре, традициях, экономике и т. д. – нужны СМИ. Так же, как для противостояния клевете, лжи, дезинформации. Даже просто для того, чтобы регулярно рассказывать заинтересованной в этом аудитории о жизни диаспоры, опять-таки, нужны СМИ. И без поддержки России, без ее участия в решении этой проблемы никак не обойтись. Следовательно, необходима разработка государственной программы поддержки русских СМИ в ближнем зарубежье. Вначале я предложил назвать её «Русские СМИ за рубежом», но потом мы несколько сузили ее содержательную нагрузку, предложив такую формулировку: «Русские СМИ на постсоветском пространстве». Потому что в дальнем зарубежье (в США, Германии, Израиле, Канаде) уже давно устоялись русские СМИ, да там и нет тех нюансов, с которыми мы сталкиваемся на постсоветском пространстве, – с неприкрытой, ожесточенной войной, развязанной местной политической националистической элитой против российских соотечественников. Есть настоятельная необходимость сначала в разработке программы, а потом – в создании и финансовом обеспечении деятельности таких СМИ. В условиях Молдовы это может быть телеканал или одна мощная, с массовым тиражом, газета. Я озвучил эту тему, а замглавы Россотрудничества Георгий Львович Мурадов меня поддержал, и мы с ним настояли на том, чтобы этот вопрос попал в резолюцию Конгресса – и он действительно туда был включен. Вот вам и второй результат – второе поручение президента правительству.

Говорил я, кстати, и о том, что в Молдове (и не только – знаю ситуацию и в некоторых других странах СНГ) ретранслируются российские телеканалы, которые облюбовала и использует в своих националистических интересах местная политическая элита. Парадокс: используя популярность этих каналов, их молдавские партнеры заполняют сетку вещания антироссийскими, русофобскими передачами, а российские, с полярно противоположной идеологией, переносятся на глубокую ночь, когда основная аудитория этих каналов уже видит десятый сон. А руководство российских телеканалов либо в полной мере не осознает абсурдности и вредности этой ситуации, либо руководствуется сугубо прагматическими интересами: а кто-де нам компенсирует те деньги, которые ваши молдавские компании оплачи-

вают за ретрансляцию нашего сигнала по Молдове? И получается, что, скажем, в год Первый канал экономит на передаче права вещания 220-250 тысяч долларов, а вреда политического России наносится на многие миллионы...

Я высказал свою точку зрения: правительство России должно в этом вопросе навести порядок. Другое мое предложение заключалось в том, чтобы на этих каналах раз в день давали 20-минутую информационную программу типа «Жизнь русской диаспоры в Молдове». Ладно, пусть не каждый день – хотя бы три раза в неделю. Российские соотечественники разобщены – они не знают, что происходит в диаспоре, чем она живет! Судя по информационным программам молдавского телевидения, нас, русских, и представителей других нацменьшинств, тут вообще нет! А мы есть, проходит огромное количество мероприятий, тут живет масса интересных и достойных людей, о которых можно и нужно рассказывать.

– Ну, на первом молдавском есть «Русский мир»...

– Ага, есть: 20 минут один раз в неделю. И всё! Нужно принимать меры, вплоть до лишения местных телевизионщиков, ведущих свои грязные игры, права вещания на российских каналах. Этот вопрос был мною четко обозначен, и мы и далее будем его отслеживать и настаивать перед российской властью об учете нашей позиции по данному вопросу.

И еще по поводу результативности Конгресса. Речь идет о российском консульском представительстве в Приднестровье. В присутствии Сергея Викторовича Лаврова я сказал прямо: нельзя далее так издеваться над нашими соотечественниками, им должны быть доступны консульские услуги. И призвал не рассматривать эту проблему через призму политики – она, скорее, бытовая, прикладная. 150 тысяч граждан России не могут вовремя и качественно получать консульские услуги в Приднестровье. Возьмем, к примеру, только паспорт: каждый из 150 тысяч получает его на пять лет – потом надо менять. Так вот, для того чтобы два консульских сотрудника (а именно столько их было в Тирасполе) справились с таким потоком, они в день должны принимать не менее 60 человек, что физически невозможно. А ведь кроме паспортов есть масса других вопросов, с которыми люди приходят в диппредставительство.

...Буквально через две недели после этого моего резкого замечания прозвучало заявление заместителя председателя правительства Российской Федерации, специального представителя президента России по Приднестровью Дмитрия Rogozина о том, что он выезжает в Тирасполь и Кишинев для решения консульского вопроса. Сейчас его рассмотрение – в стадии переговоров. Но некий промежуточный результат уже известен: на днях в Тирасполь прибыло еще 4 консульских работника. А всего их будет не менее 10. Хотя, с моей точки зрения, и этого недостаточно.

В конце нашей беседы я вот что еще хотел бы сказать. Напрасно многие думают, что Россия – далеко, там никому дела до нас нет и никто наши проблемы решать не станет. Это абсолютно не так. Российские чиновники высокого ранга не оставляют без внимания ни одного обращения или выступления, если оно взвешенное, продуманное, правильно сформулированное и хорошо аргументированное. Да, они порой могут спорить, не соглашаться, но когда ты убедителен – результат обязательно будет.

Так что не надо никому из нас сидеть и ждать у моря погоды. Если что-то мешает нам жить и развиваться, мы должны быть активными и говорить об этом во всеуслышание. Достучаться можно даже до небес – не только до живущих на этой земле. И мне кажется, что, говоря сегодня о результатах Конгресса и нашем участии в нем, я это наглядно продемонстрировал.

Беседовала Регина Прокопова

«Литературная Вена» открывает очередной сезон: творческий конкурс в рамках VI Международного форума русскоязычных писателей

Союз русскоязычных литераторов Австрии и журнал «Венский Литератор», Вена (Австрия) приглашает всех, кому исполнилось 18 лет, попробовать свои силы в ТВОРЧЕСКОМ КОНКУРСЕ в рамках проекта «ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕНА». Место жительства автора, гражданство, членство в творческих Союзах значения не имеют. Важно, чтобы: конкурсная работа была написана на русском языке и не ранее 2009 г.; не нарушала ничьих авторских прав; представленное произведение в международных конкурсах участвовало впервые и ранее официально опубликовано не было. И, безусловно, конкурсные работы должны соответствовать номинациям, объему, быть оформлены определенным образом.

Номинации конкурсных произведений: ПРОЗА; ПОЭЗИЯ; ПУБЛИЦИСТИКА; ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА; ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Участие в конкурсе для авторов БЕСПЛАТНО.

Творческие литературные работы принимаются **по 15-е июня 2013 года** включительно по адресу: **litwienkonkurs@gmail.com**

Условия участия в конкурсе, а так же вся дополнительная информация – на сайте **http://www.litaustria.org**, который является официальным информационным органом конкурса.

Победители будут объявлены на VI Международном форуме русскоязычных писателей «Литературная Вена», который пройдет в столице Австрийской Республики 15-20 октября 2013 г., награждены призами, почетными грамотами или памятными подарками.

Партнеры «Литературной Вены», учредившие свои призы участникам (грамоты, подарки, публикации):

- Журнал «Вопросы литературы».
- Мультимедийный фестиваль «Живое слово».
- Журнал «Радуга» (Украина).

ГОСТЬ НОМЕРА

Casa mare

СЕРГЕЙ КАЗНАЧЕЕВ

ВОТ ЧТО ТАКОЕ РУССКОЕ НИЧТО

Любопытно, что перемещаясь от Запада на Восток, мы обнаруживаем: понятие «ничто» кардинально меняет свой смысл, постепенно наполняясь конкретным и весьма значимым содержанием: если в Европейской цивилизации за этим словом преимущественно закрепляется значение пустоты, зияния, отсутствия, то в дальневосточных и индийских философско-религиозных системах **ничто** приобретает сакральный оттенок, сближаясь с важнейшим термином буддизма – «нирваной» (растворение, угасание), которая является состоянием, к которому должен стремиться человек для полного слияния с мирозданием.

Античная философия и эстетика достаточно подробно проработала эту категорию. Платон в «Государстве», к примеру, утверждал, что единое не есть бытие, но в отличие от общего, которое представляет собой **нечто**, выступает как **ничто**. Своеобразное понимание отрицательного термина можно найти у Демокрита, Прокла, Аристотеля и других мыслителей. Для периода зрелой классики античной философии характерно внимание к материи, которая вечна и неуничтожима. Так, скажем, А.Ф. Лосев подчеркивал аристотелевское понимание проблемы, как «Всякая вещь есть нечто; и ответом на то, что такое это нечто, является эйдос...»¹ Атрибутом всякой вещи становится то, что Лосев обозначает таким калькирующим термином как «чтойность», качество, которого, разумеется, лишено понятие «ничто». Однако диалектический принцип, которого придерживались Платон и его последователи, с необходимостью включал **ничто** в круговорот мироздания, и оно играло важную роль в процессе «становления чтойности». Иными словами, для динамики претворения эйдоса в вещь крайне важен этап, когда **ничто** превращается в **нечто**. В дальнейшем **ничто** станет важным звеном в диалектическом принципе отрицания отрицания, который тоже является манифестацией процесса **становления**.

В этом ракурсе рассматривает проблему Г.В.Ф. Гегель. Согласно его учению, ничто, которое он сравнивает с буддийской нирваной, выполняет важнейшую функцию в процессе становления наличного бытия. С одной стороны, по Гегелю, бытие противоположно ничто, с другой, это состояние необходимо при осуществлении материи. Нехитрая схема:

Чистое бытие → **Ничто (становление)** → **Наличное бытие** дает возможность предположить, что вещь может опредметиться (превратиться из ноумена

¹ Лосев А.Ф. История античной философии. М., 2005. С. 62.

в феномен) только благодаря переходу через промежуточную фазу уничтожения (отсутствия). Кстати, физики-ядерщики говорят примерно о том же, когда интерпретируют факт перехода электрона с одной орбиты на другую, так же как для электричества (направленного движения частиц) необходимо наличие вакансий («дырок»).

Но, пожалуй, наиболее развернутый анализ философской категории «ничто» был предложен И. Кантом. Во многих его работах, особенно в «Критике чистого разума» содержатся своего рода дифференциации этого многоуровневого понятия. Кант четверояким образом интерпретирует смысл **НИЧТО**:

- 1) Пустое понятие без существующего предмета (*ens rationis*), голое создание ума, которому ничто предметное не соответствует;
- 2) Существующий перед нами предмет, лишенный понятия (*nihil privativum*);
- 3) Пустое созерцание без существующего перед нами предмета (*ens enigmatum*);
- 4) Пустой существующий перед нами предмет, лишенный понятия (*nihil negativum*).

В этом списке дефиниций нечетные определения противопоставлены четным: если первые действительно относятся к гносеологической сфере чистого разума, то вторые наделены-таки некоторой долей онтологической предметности («чтойности»), поскольку голое мышление и созерцание трудно представить себе продуктивным, то пустой или лишенный понятия предмет вполне возможно наполнить некоторым реальным содержанием при помощи того же разума. Словом, и в европейской понятийной системе **НИЧТО** тоже порой предстает потенциально содержательным.

В большинстве европейских языков лексемы, олицетворяющие **НИЧТО**, звучат почти как однокоренные образования: *nothing* (англ.), *nichts* (нем.), *nada* (исп.), *niente* (итал.), *nic, nicosć* (польск.), *ніщо* (укр.); исключением в этом ряду выступает французское *rien*. Английское *nothing*, таким образом, можно перевести буквально как «не-вещь» (вспомним неологизм Оруэлла «нелица»), что тоже отсылает к древнегреческой трактовке термина. Кроме того, следует учитывать то, что аналогом слова **НИЧТО** можно считать и русскую форму **ничего**. Шекспировский король Лир в негодовании отчитывает любимую прежде дочь Корделию с помощью характерного оборота: «*Out of nothing comes nothing*» («Из ничего и выйдет ничего»). В русском языке, как мы далее убедимся, между двумя этими словами существует весьма существенная разница. Отметим лишь, что в данном контексте шекспировское слово обладает всеми признаками пустоты, лакуны, отсутствия конкретного наполнения, выразившимися в акте лишения дочери доли наследства в ответ на то, что сама Корделия не сочла нужным все расточать хвалы горячо любимому отцу. **Ничто**, таким образом, выступает в этой трагедии как движитель сюжета.

Крайняя европейская точка зрения на **НИЧТО** была сформулирована в рамках древнеримской культуры. Латинское слово *nihil*, по сути дела, стало международным знаком всеобъемлющего отрицания. На русской почве с легкой руки И.С. Тургенева и его героя Базарова понятия «нигилизм, нигилисты» получили широчайшее хождение в среде образованной публики. Опасная энергия полного отрицания встретила как поддержку в лице радикально настроенных лиц, так и

резкую критику людей положительного склада в виде целого шлейфа антинигилистических сочинений («Асмодей нашего времени» В.И. Аскоченского, который предшествовал тургеневскому роману, «На ножах» и «Некуда» Н.С. Лескова, «Преступление и наказание» и «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, «Обрыв» И.А. Гончарова, «Бродящие силы» В.П. Авенариуса, «Санин» М.П. Арцыбашева и т. д.).

Динамика общественно-политического развития в стране, к сожалению, показала, что предупреждающие мессиджи не были восприняты должным образом: нигилистические тенденции оказались преобладающими, что вылилось и в кровавые террористические акты, и в революционные государственные перевороты. Отрицательная энергия продолжала актуализироваться и в последующие времена, так, например, В.В. Маяковский уже в 1915 году декларировал:

Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделал
Ставлю «nihil»².
«Облако в штанах»

Чем, к сожалению, эта отрицательная интенция обернулась для самого поэта, всем хорошо известно.

Как уже было сказано, перемещаясь с Запада на Восток, **ничто** приобретает все более наполненную содержанием форму. Ветхий Завет не содержит прямых указаний на эту категорию, однако описание Земли накануне акта сотворения мира очень похожа на отрицательное состояние: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...» (Быт., 1, 2). Здесь нет указаний на материал, из которого Бог произвел на свет все сущее, в том числе и сам свет, но сам процесс напоминает актуализацию материальных начал из **ничего**.

Одним из наиболее глубоких и оригинальных философских учений Средней Азии считается суфизм, который предписывал своим адептам правило, чтобы **ничто** им не владело и он **ничем** не владел. Теоретик и практик суфизма иранский поэт Джалаледдин Руми в своем колоссальном труде «Маснави-йи ма'нави» оперирует парными понятиями «быть» и «небыть», где второе существительное, которое по смыслу близко к понятию ничто, но обладает большими потенциальными возможностями:

Смышлен и знающ он (разум – С.К.), но небытью не является,
покуда ангел *нетом* не станет, Ахриманом является.

Он словом и делом нам другом бывает,
Но лишь в (экстатическое) состояние ты войдешь, как *нетом* он бывает.

Нетом бывает, так как он не превратился из быти в небыть.
Поскольку *по воле* [своей] *нетом* не стал он, то *неволен* изрядно...³

Как видим, небыть у Руми, наделяясь содержанием, приобретает черты слова «нет» в значении существительного (см. у В.И. Даля: «У нас всякого нета припа-

² Маяковский В.В. Избранные сочинения в 2-х тт. М., 1982. С. 29.

³ Джалал ад-дин Руми. Маснави-йи ма'нави. Первый дафтар. СПб, 2007. С. 146.

сено с лета»⁴. С помощью экстатического состояния **быть** способна, пройдя стадию **не́быти**, обратиться **нетом**, одушевиться и одухотвориться, лишившись при этом личной свободы. Такова цена превращения Ахримана (злого духа) в ангела.

В буддизме и даосизме, напомним, понятие ничто приближено к состоянию нирваны – способа достижения блаженства путем растворения в мире, полного слияния с ним. Бесконечная череда перерождений (сансара), приносящая душе неисчислимы страдания может быть прервана благодаря нирване, достигаемой с помощью медитаций и другой духовной практики. Основоположник даосизма мудрец Лао-цзы неоднократно говорит о том, что **дао** (Путь, главная категория этого верования) пусто и даже ничтожно:

В мире все говорят, что мое дао великое,
Хотя и похоже на ничто.
А оно великое именно потому,
Что в действительности не похоже
На великое.
Если бы оно было похоже на великое,
То уже давным-давно стало бы ничтожным⁵.

Казалось бы, такого рода понимание мировых процессов в корне расходится с европейской традицией. Но, как отмечал академик С.Ф. Ольденбург, «при всех несомненных отличиях Востока от Запада Восток свою духовную жизнь строил и строит на тех же общечеловеческих началах, как и Запад, живет по тем же общечеловеческим законам исторического развития»⁶. И видимая ничтожность дао в значительной степени сходится с европейской практикой аскетизма, которая была свойственна большинству философско-религиозных доктрин.

Космогонический миф буддизма и даосизма, базирующийся на представлении об иллюзорности материального мира, во многом строится на возникновении Вселенной из пустоты. Кришна создает миры, играючи. Правда, в индуизме есть и другой символ рождения мира: из золотого яйца волшебной птицы. Аналогичные образы есть в германской, славянской и финской мифологии: «...прилетает орлица, соответствующая голубям карпатской колядки, садится на колени Вейнемейнена и несет яйца, из которых потом созданы были солнце, луна и звезды»⁷. Впрочем, особого противоречия в двух мифологических сюжетах нет: вспомним, как часто в сказках золото обращается в прах, исчезает, становится аналогом **ничто**. У редактора афанасьевского трехтомника – Юрия Кузнецова, кстати, архетип «яйцо» тоже встречается неоднократно: злая птица из стихотворения «Мужик» после неудачной попытки уничтожить героя тоже

...снесла всему начало –
Равнодушное яйцо⁸.

Но вернемся в Россию. Само геополитическое положение нашей страны (евразийство) предполагает некий синтез восточных и западных точек зрения,

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 563.

⁵ Дао дэ цзин: современный перевод с комментариями. М., 2006. С. 50.

⁶ Цит. по: Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980. С. 6.

⁷ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2, М., 1995. С. 238.

⁸ Кузнецов Ю.П. Стихотворения, 2011. С. 216.

и это на самом деле так. Но не только. В русской фольклорной, художественной и лингвистической традициях мы находим широчайший спектр значений, закрепленных за понятием русское **ничто (ничего)**, которые актуализируются смотря по контексту употребления. В.И. Даль трактует **ничего** как форму родительного падежа слова «ничто», ставшую наречием, и закрепляет за ней такие значения, как «пусть, не тронь, не мешает, сойдет с рук, порядочно, сносно, годно, авось пройдет»⁹. Но есть и другие сферы применения.

В народном сознании, например, так обозначаются вещь, предмет или обстоятельство (но в любом случае нечто, а не отсутствие), не имеющие существенного значения: «– А ты не боишься? – Ничто (ништо)!» или трактуется как нечто, обладающее несомненными достоинствами («– Как тебе невеста? – Ничего»). В стихотворении Владислава Артемова, симптоматично названном «Вещь», читаем:

Я ходил, глядел
 Два часа на него,
 Как он вещью владел,
 Ничего, ничего...¹⁰

В некоторых случаях отрицательное слово «ничего» и его производные и вовсе играют особо значимую роль. Просторечные формы «че» и «ниче» в народной песне приобретают черты эвфемизмов, необходимых в такой деликатной сценке, как объяснение в любви:

– Милый че, да милый че
 Навалился на плечо?
 – А я милая ниче,
 Я влюбился горячо...

Мы видим, что парню нелегко отважиться на признание, и он, выигрывая время, чтобы собраться с духом, прибегает к словечку, которое упрощает ситуацию для того, чтобы подняться до выражения высокого чувства.

Иногда слово «ничего» конденсирует в себе некоторую агрессивную энергию, необходимые для временно отложенного действия, когда будущая угроза мщения пока прячется под неопределенным выражением: «Ну, ничего!..» в значении: «Погоди, ты у меня еще получишь!» «Пустое», внешне нейтральное слово, таким образом, получает дополнительную и недвусмысленно выраженную экспрессию.

Бывают ситуации, когда «ничто/ничего» и вовсе наделяются свойствами своеобразной мантры, заклинания, способного выручить человека в критической ситуации. Известно, что Отто фон Бисмарк в молодые годы выполнял ответственные поручения в России. Сохранилась историческая байка, в которой, впрочем, нет ничего фантастического. Однажды будущему рейсканцлеру пришлось студеной зимой ехать через ночной лес. Лошади сбились с пути, мороз усиливался, началась метель. Молодой немец в ужасе следил за действиями возницы, который время от времени повторял: «Ничего, ничего...» Некоторое время спустя удалось

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 548.

¹⁰ Артемов В.В. Светлый всадник. М., 1989.

выбраться к жилью, опасность миновала. Рассказывают, что многие годы спустя, заняв высший государственный пост в Германии, Бисмарк в минуты опасного затруднения расхаживал по кабинету и, к удивлению подчиненных, повторял непонятное для них слово: «Нитцшего... нитцшего...»

Словом, в русском языке понятие **ничто/ничего** обладает безусловной смысловой и почти материальной наполненностью. И вот теперь самое время обратиться к текстам Юрия Кузнецова. Вполне закономерно, что в творчестве такого темпераментного и силового поэта нашлось место для множества отрицательных местоимений и наречий. Автор, резко и энергично реагирующий на любой внешний раздражитель, не мог не выражать своего негативного отношения к тому, что было для него неприемлемым. Но, что характерно, конкретная форма ничто достаточно редка в его лексике. Чаще встречаются слова «никогда», «никто» и, естественно, «ничего». В ранней поэме «Дом» Кузнецов напрямую говорит о многозначности этой словоформы:

Что в этом слове «ничего» –
Загадка или притча?
Сквозит Вселенной из него,
Но Русь к нему привычна...
Оно незримо мир сечет,
Сон разума тревожит.
В тени от облака живет
И со вдовой на ложе.
Преломлены через него
Видения пустыни,
И дно стакана моего,
И отблеск на вершине,
В науке след его ищи
И на воде бегущей,
В венчальном призраке свечи
И на кофейной гуще.
Оно бы стерло свет и тьму,
Но... тайна есть во мне.
И с этим словом ко всему
Готовы на земле.¹¹

Легко убедиться, что в этом перечислении присутствуют многие стержневые образы поэзии Кузнецова. А вот собственно **ничто**, сознавая его повышенную значимость, он словно бы приберегает для более серьезного повода. Тем не менее, в знаковой балладе «Четыреста» мы сталкиваемся со случаем, чрезвычайно наполненным смыслом – для изображения четырех сотен погибших солдат поэт прибегает к неожиданному образу:

В одной зажатые горсти
Лежат – ничто и все.¹²

¹¹ Кузнецов Ю.П. Прозрение во тьме. Краснодар, 2007. С. 412-413.

¹² Кузнецов Ю.П. Стихотворения, М., 2011. С. 91.

Как видим, тут уже есть подступ к диалектическому толкованию непостижимого единства противоположностей – **ничто** и **все**.

Кульминацией в интерпретации категории «ничто» в отечественной духовной практике стало стихотворение «Последний человек». Написано оно было, повторю, в 1994 году, ставшем одним из пиков кризиса русской идеологии. Дело в том, что в период с 1991 по 1993 год общество пребывало в состоянии идеологической прострации. Демократы не могли поверить, что кормило власти перешло в их руки, а патриоты продолжали слепо надеяться на некий реванш. Год 1994-й показал, что установленный в стране и мире новый порядок – всерьез и надолго. Юрий Кузнецов, обладавший особым рода чувствительностью к общественно-политическим пертурбациям, понял динамику изменений раньше многих соотечественников. Вот почему еще в 1993 году из-под его пера выходит немало стихов эсхатологической направленности: «Последняя ночь», «Ад над нами», «Плач о самом себе», «Что мы делаем, добрые люди?», «Федора», «Утешение», «Вечный изгнанник», «Заклятие в горах», «Сербская песня» и др.

Особое место в этом ряду занимает притча «Последний человек». Пожалуй, ни в одном другом месте отчаяние автора не высказалось в такой законченной, прочувствованной форме. Его герой (язык не поворачивается назвать его лирическим) возвращается с собственных поминок, ощущая собственное бессилие и ничтожество перед лицом воспреобладавших сил – глума и рынка. В определенной мере он сродни персонажу из стихотворения «Завещание» (1974). Но если тот нищий предстает полностью смирившимся и способен только на то, чтобы вытряхнуть снег из шапки, то теперь герой Кузнецова, которого дразнят калекой, готов признать, что отныне он – **ничто**, но с достоинством добавляет, что он – **русское** ничто.

Разумеется, это определение требует некоторого разъяснения, которые было предпринято выше. «Глухие», «слепые» и «немые», как поэт обозначает большую часть своих соотечественников, требуют от героя ответить, что за смысл вкладывает он в свою формулировку. И тогда «бормотание» человека, проигравшего в поединке со смертью, приобретает стальную чеканность:

С моим исчезновеньем
Мир рухнет в ад и станет привиденьем –
Вот что такое русское ничто.¹³

Напомним, что примерно в те же годы над судьбой Родины напряженно размышляют многие русские поэты, например, Николай Тряпкин:

Промчались дни, прошли тысячелетия,
В грязи, в пыли...
О Русь моя! Нетленное соцветие!
Свеча земли!¹⁴

Но если Тряпкин лишь с горечью стенает по поводу поругаемого Отечества, то Кузнецов грозит с кончиной России гибелью всему миру. Подобно черной дыре или воронке на месте тонущего «Титаника», наша страна, по мысли поэта, спо-

¹³ Кузнецов Ю.П. Стихотворения, М., 2011. С. 300.

¹⁴ Наш современник, 1993, № 12.

собна увлечь за собою в бездну всю мировую цивилизацию, а может быть, и Вселенную. Русское ничто представляется ему эсхатологическим символом, который определяет судьбу мироздания. Трудно сказать, насколько Кузнецов соотносился с восточной или западной традицией в понимании ничто, но при его энциклопедической начитанности сомневаться в его осведомленности не приходится.

Согласно фольклорному принципу повтора, глухие, слепые и немые не прислушались к предостережению героя этих стихов, зато . . . все остальные закричали:

– Так что ж ты медлишь, русское ничто?¹⁵

Со всегдашней русской запальчивостью публика выказала готовность уничтожить весь мир, раз на планете Земля не осталось достойного места для такой страны, как Россия.

Полагаю, что в те годы близок был к такой точке зрения и сам поэт. Но судьбою ему было предназначено прожить еще почти десять плодотворных лет. В конце 90-х он уже говорил Ст.аниславу Куняеву, что нужно прорваться в XXI век, и это ему удалось. Становилось ясно, что карта России еще не бита и есть пути для Возрождения и Преображения. Но и тревожные предчувствия прошли не навсегда: чего стоит тот энтузиазм, с которым человечество и Россия, в том числе, недавно готовились к концу света. Прогнозировать будущее всегда чревато. Как знать, может быть, человечеству придется еще раз вспомнить о том, что же такое есть **русское ничто**.

---

¹⁵ Кузнецов Ю.П. Стихотворения, М., 2011. С.

Сергей КАЗНАЧЕЕВ – родился в 1958 г. в селе Ундоры Ульяновской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 1992 г. – член Союза писателей России. Прозаик, критик, эссеист, литературовед. Доцент Литературного института. Автор книг «Незавершенные уроки» (1989), «Апология литературоцентризма» (2000), «Записки миллионера» (2002), «Планида» (2003), «Современные русские поэты» (2006), «Судьба русского реализма: происхождение, развитие, возрождение» (2012).

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

В начале 2013 года поэт Сергей Пагын, член редколлегии «Русского поля», стал победителем Международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна». А в Санкт-Петербурге, в серии «Библиотека Молодой Петербург», вышла его новая книга стихов «Перед снегом». Поздравляем, Сергей!

«РП»

СЕРГЕЙ ПАГЫН

«ГЕНИЙ МЕСТА СЕЛИТСЯ В ТИШИНЕ...»

РАЗГОВОР

«Тяжко мне, и воды мои мутны,
яблоки водянисты в моих корзинах,
старый друг приходит из тишины,
руку жмёт – и веет холодной глиной».

А она в ответ: «Мне во сне вчера
ласточки всё виделись на закате –
он был розов, будто сосны кора,
или как моё, если помнишь, платье...»

Знаешь, и было мне так легко!
Птицы проносились под облаками,
тёплыми, как бабушкино молоко.
Птицы с обжигающими глазами!

Всё летали рядом, касались лба...
Было много ветра и много света...»
И в пару дыхания все слова
обретали вес и объём предмета,

и, светясь, позванивали в тишине.
И тогда я чувствовал, что едины
ласточки, пролетающие во сне,
паданцы золотистые из корзины.

* * *

Мы ждали снега, а его все нет.
Вокруг такой непроходимый свет,
что белого за ним не видно света:
деревьев, огородов и домов,
над крышами изогнутых дымов,
собак в листве, которым снится лето.

И нет мне утешения ни в чем!
И, раздвигая медленно плечом
хрустящее сиянье сухостоя,
я все пытаюсь разглядеть за ним
печальный сумрак с кругом золотым
домашней лампы и лицо родное.

И плачет тонкокожая душа,
оберткою конфетною шурша –
из детства – с незабвенным Гулливером.
И хочет беспризорная она
не знания, где свет и тишина,
а бестолковой жалостливой веры.

* * *

*«И увидел я новое Небо и новую Землю...»
«Откровение»*

Дети в траве – Елена и Александр...
И тут понимаешь: времени просто нет,
есть лишь подсолнух этот, попавший в кадр,
птицы полет, сияющий велосипед.

“Nikon” опустишь, подумав, что щелкать им –
бледным сачком ловить повсеместный свет
или же горстью черпать пастуший дым.
Времени нет, а значит, и смерти нет.

Сын машет палкой, смеется, чему-то рад,
дочка, присев, склонилась над муравьем.
Новое небо всплывает из тайных врат,
ну, а земля –
на ней мы и так живем.

* * *

Гений места селится в тишине,
и свистит, строгая корявый посох.
И пчелиным воздухом по весне
наполняет здешние абрикосы.

Знает все о грозах и о траве,
и, росы не тронув, во тьме гуляет,
и ночные бабочки в голове,
как стекло прозрачной, светясь, порхают.

И однажды в горестном сентябре,
прошагав уныло сухой крапивой,
ты найдешь то место на пустыре
меж прудом заглохшим и старой ивой.

И в стихи пытаюсь сложить слова,
ты заснешь на куртке под веткой голой.
А во сне из посоха – все листва...
А во сне из воздуха – пчелы, пчелы...

* * *

А ведь так хотел невесомо жить –
над бедой скользить, над водой кружить,
и лететь над мглистым родным двором
золотистой стружкой, белым сном,
братом быть и музыки, и огня,
что горит в печи на исходе дня...

Только все острее и тверже страх,
тяжелее воздух в студеных снах,
где на мерзлой ряби ночной воды
все ясней, светлее мои следы.

* * *

И захочешь осени пустоты,
чтоб душе – прохладно, светло, просторно,
чтобы листья падали с высоты,
и потёртый ворот касался горла.

Чтоб картошку позднюю собирать,
сердцевину знобкую ощущая
тишины,
в которой отец и мать
вносят старый улей во тьму сарая.

* * *

Каждодневное мужество жить –
сигарету искать по сусекам,
дымоход почерневший чинить,
пить вино с овдовевшим соседом,

видеть гулкие горькие сны,
плакать в них, ощущая потерю,
утеплять в ожиданье зимы
пересохшие окна и двери,

всё латать прохудившийся быт,
где, дымя ввысь трубой обветшалой,
трёхоконное время стоит
над провалом...

* * *

«А рубаху мне ты не ту надел...» –
говорит ему покойный отец.
Дом во сне его невозможно бел,
на столе разложен чабрец –

на газете старой, и пахнет им
так, что сыну впору глотать слезу.
И стоит в передней пастуший дым,
тишину держа на весу.

А потом – темнеет, и дверь скрипит,
и отцовы меркнут во тьме слова...
Лишь в углу у шкафа горит... болит
белизна холщового рукава.

* * *

Сны и память входят в осенний быт,
где дым, фасоль, виноград...
И тот, кто напрочь тобой забыт,
идет вдоль кривых оград,

тебе улыбаясь издалека
и тая среди теней.
И ты замечаешь, что облака
все тоньше и все светлей.

И жизнь истончается, словно ткань
 висящих в свету рубах.
 И если ты встанешь в слепую рань,
 невнятный почувешь страх,

шагнешь с порога – и пустота...
 И лишь стародавний снег
 перстом тебе охладит уста,
 коснется горячих век.

* * *

В конце всех концов ты сидишь на пороге
 и смотришь в пустой огород.
 Не зная осенней тоски и тревоги,
 там ярко капуста цветет.

Летают над нею последние пчелы,
 наверно, для них это сад –
 сияющий, влажный...
 И в воздухе голом
 они все гудят и гудят.

Ботвою хрустя, подойдешь ты поближе
 и скудную сладость вдохнешь,
 стараясь запомнить и тучи, и крыши,
 и веток ореховых дрожь,

и этих соцветий живое свеченье...
 И к ним сотворишь ты потом
 в пределах посмертных и воздух, и тени,
 и бледный родительский дом.

Сергей ПАГЫН – поэт, автор стихотворных сборников «Обретения», «Прогулка в ноябре», «Сверчок в радиоприемнике», «Перед снегом». Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Живет в городе Единцы.

Стихи публиковались в молдавских изданиях, в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Кстаги» (Сан-Франциско), в приложении «Литературной газеты» «Евразийская муза», в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Дети Ра», «Северная Аврора», «Литературный меридиан», в сетевых литературных журналах, в антологиях «Современное русское зарубежье» (Москва), «Поэзия третьего тысячелетия» (Берлин), в «Антологии Григорьевской премии» (Санкт-Петербург). Финалист и дипломант международного конкурса имени Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2010 г.), лауреат премии «Молодой Петербург» (2011 г.), победитель международного конкурса «Эмигрантская лира-2013» (Бельгия) в номинации «Неоставленная страна».

КРИТИКА

Зёрна и плевелы

ТАТЬЯНА СУЗАНСКАЯ

ПРИНАДЛЕЖИТ КРАСОТЕ

(Или: СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА и ПРОСТАЯ СЛОЖНОСТЬ)

Современную русскоязычную лирику в Республике Молдова представляют интереснейшие поэты. Их творчество отличает, с одной стороны, оригинальность художественных исканий и необычность мировидения, с другой, – верность классической традиции. Среди поэтов «хороших и разных» надо назвать имена О. Рудягиной, В. Костишар, А. Миляха, Н. Новохатней, И. Ремизовой, В. Чембарцевой, О. Максимова, Ю. Харламова и др. Произведения этих авторов публиковались во многих изданиях не только Молдовы, но и России: в журналах «Дружба народов», «Знамя», в «Литературной газете», «Литературной России» и т.д.

Два имени в большом поэтическом ряду хотелось бы выделить особо. Это Сергей Пагын, выпускник Бельцкого университета, живёт и работает в Единцах, главный редактор еженедельника «Норд-инфо», лауреат престижных российских премий («Заблудившийся трамвай» им. Н. Гумилёва, «Молодой Петербург»), и Юрий Гудумак, научный сотрудник Института экологии и географии АН РМ, живёт в Кишинёве, яблонец по рождению и поэтическому призванию. Именно их творчество, на наш взгляд, наиболее внятно показывает, как безграничны возможности лирического слова в наше время, когда, казалось бы, «все слова уже сказаны» (Сергей Аверинцев), как высоко поднята в Молдове планка подлинной поэзии, другими словами, «искусства ставить слово после слова» (по выражению Беллы Ахмадулиной), как дорог человеку XXI века, несмотря на великую сегодняшнюю миграцию, хрупкий мир малой родины, как трепетна душа поэта.

В лирике С. Пагына и Ю. Гудумака восхищает философская глубина, редкостное умение увидеть поэзию в обычном и обыденном (вспомним ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»), а также умение выразить многообразие мира через простые детали. В результате жизнь природы и обычный быт человека предстают как мощное и значительное бытие.

* * *

Поэзию **Сергея Пагына** принимаешь сразу и навсегда. В его творчестве привлекает тончайший лиризм и высокий строй души, завораживает мелодия стиха, богатство интонаций, пластичность и выразительность образов пространства и времени. Человек и мир, человек и его малая родина («моё захолустье»), по вы-

ражению поэта) рисуются через прозаические, даже нарочито сниженные детали пейзажа, интерьера, ситуации.

Вот взгляд поэта выхватывает «пустячное» из общей картины жизни: оставленное кем-то на полу хозяйственное мыло, надтреснутую кружку с чайнками на дне, стружку на верстаке («Моя душа пустячное любила...»). Лирический ход 2-й части этого стихотворения неожидан, так как сосредоточенность автора на внешней безыскусственной картинке и подчёркнутая внешняя изобразительность не предполагают глубинных философских выводов. Однако, оттолкнувшись от живых и сиюминутных свидетельств повседневной жизни человека, поэтизируя их, автор делает блестящий поворот к философскому финалу:

Родство ли это, давнее желанье,
чтоб в замкнутой глубинке мирозданья...
предельно личным, милосердным Богом
я так же был замечен и любим?

Поэтичность предметной детализации и философский характер концовки произведения – одна из примет творческой манеры Сергея Пагына. Так, размышляя в стихотворении «Во времени всё больше вещества...» о времени, которое «густеет» и «принимает формы / окна ночного, / ветки, / рукава / висящей куртки, / бабушкиной торбы / с пучками трав от хворей и от ран», автор вводит в финал метафору «ветер-вечность», которая и предопределяет философское обобщение:

И если что-то липы гнёт окрест –
прозрачное и жгучее, как солнце, –
так это ветер из нездешних мест,
так это вечность над тобой несётся.

Вдыхая «квёлый воздух» своего «захолустья», запах хлеба и горелой щетины («верно, борова палат»), прослеживая взглядом «беглый почерк... дыма» над деревьями, герой стихотворения «Квёлый воздух моего захолустья...» идёт («прёт») по снежной колее «дрова колоть к бабе Вере», и это гораздо важнее, чем «бойня революций» или «крах великих империй». Затем поэт вновь обращается к привычному пейзажу малой родины, однако в последних строках картина внешнего мира и внутреннее состояние сливаются, и обычное природное явление, начало снегопада, передаётся как тончайшее ощущение неуловимого движения космического «маятника»:

И качнулось тихим снегом пошедшим
вертикальное, Господнее время.

Немудрёный переход через поле кукурузы («Через поле кукурузы») – для поэта такой же повод для философского обобщения:

Но лишь ветер – войдёшь в шелестенье,
где початка мелькнёт желтизна,
словно чудо, и сходятся тени
за плечами, листва, времена.

Рассмотренная выше поэтика финалов вызывает в памяти цветаевское высказывание о том, что всё стихотворение пишется ради последней строки.

Возникает ощущение удивительной лёгкости стихотворного текста Сергея Пагына, музыкальности лирического дискурса, которым не противоречит общее

впечатление многопредметности, наполненности разнообразными деталями (они как раз и создают полноту картины). Его лирика вызывает настроение светлой печали и неизбывной грусти, покоряет стремлением к любви и всеобщей гармонии. В душевном состоянии лирического героя преобладают горечь и жалость и вместе с ними нежность ко «всему живущему»: «И я опять просыпаюсь / с *огромной жалостью* к людям»; «...и будит поля голого безбрежность... к багряной лунке, к мятному листку / *последнюю пронзительную нежность*» («И только нежность проскользнёт сюда...»). Или:

Как хрупко всё живущее – хоть плачь!
 Вот горестный надломленный калач,
 в нём яблоко – дарованная малость.
 Вот свечка незажжённая.
 И вновь
 ты говоришь: «Любовь, родной, любовь...»
 Я говорю: «Родная, жалость... жалость».
 («Бессмертие проходит тишиной...»)

В процитированных выше стихотворениях развитие лирической мысли отчасти можно сопоставить с художественной логикой И. Бродского, выраженной, например, в «Большой элегии Джону Донну»: огромный каталог мира вещей, предметов, событий оказывается прологом для проникновенного монолога Души, для итогового философского заключения.

Уравнивая абстрактное и конкретное, сущее и воображаемое, целое и часть, обыденное и исключительное, поэт добивается слитности и слаженности самых разнообразных вещей, предметов и явлений. В его произведениях не существует никакой иерархии, кроме единственной – Божественной: «Пришел поводыр-ветер. / Сказал мне: / иди за мной – / когда терять уже нечего, / на всех на земных дорогах / находишь Бога («Уже не загадываю»). Сакральной мыслью одухотворено и творческое бытие поэта:

Холстину бытия словами расшивая
 вслепую, наугад, с изнанки ли, с лица,
 я говорю: «Зима...
 ...И светится во тьме
 немислимый узор, который виден Богу,
 но в плоскости моей, увы, не виден мне.

На наш взгляд, лирика С. Пагына тесно связана с модернистскими чертами «серебряного века» русской поэзии, в частности с творчеством О. Мандельштама, а также с поэзией И. Бродского. Хорошо известно мнение критиков, утверждающих, что именно Бродский (конечно, содержательно, а не хронологически) завершает «век». Связь эту мы усматриваем в акмеистической «прекрасной ясности» изображаемого мира, во внимании к «милым мелочам» жизни, в поэтизации земного мира, в материализации переживаний, в лейтмотиве памяти.

Думается, что важным истоком лирики Сергея Пагына является и так называемая «тихая поэзия»¹. Частотность слов с корнем *тиш/тих* – одно из косвен-

¹ Направление, родившееся в 70-е гг. XX в. в противовес громкой, эстрадной поэзии; самая яркая фигура в «тихой поэзии» – Н. Рубцов.

ных подтверждений тому: «И будешь *тих*, как ветка за окном, / и будешь *тих*, / как первый снег» («Кончается прозрачный керосин»); «Они лежат на уровне окна, / их лбы любовно гладит *тишина*...» («Спящие у окна»); «Улыбнись, улыбнись *тишине*, / что подобно последней волне, / поднялась и стоит над тобой...» («Улыбнись, улыбнись тишине...»); «А там – за кромкой слов, / за изгородью звуков такая дышит даль, такая *тишина*!» («Пространству к ночи...»); «Во сне моем *тихо-тихо*, / словно в осеннем поле...» («Во сне моём...»); «...Всхлипом *тишины*, / глубоким вздохом стародавней лиры / я опускаюсь в забытье травы...» («Моя тревога не встряхнет листа...»); «Во дворе – сквозная *тишина*...» («На похоронах старухи»); «Гений места селится в *тишине*, / и свистит, строгая корявый посох...» («Гений места селится в тишине...») и др.

Кроме образов ТИШИНЫ и ТИХОСТИ в художественном мире С. Пагына выделяется целый ряд словообразов, которые можно обозначить как ключевые: СНЕГ, ВЕТЕР, ТРАВА, ВОДА, СОН, СВЕТ и ОГОНЬ, ВРЕМЯ, СЛОВО. Они организованы в целостную художественную систему, воплощают земную и небесную сферы бытия природы и жизни человека, а также наполняются глубоким аксиологическим содержанием. На первый план выдвинуты не только живые приметы мира, его скрепы и опоры, но и некий вечный биос, в котором «травы дышат, настигая, в спину», «перелесок светится золотой», «меж двух озёр боярышник горит», сверчок «отважно свербит», бабочка несёт «ворох радужных открытий», «ходит ветер в холщовой рубахе широкой» и т.п.

Надо всем царит ДУША поэта, её переживаниями проникнут и пронизан его художественный мир: «Как *душа* в эту пору, светясь, холодела...»; «Играй, *душа*, на скрипке золотой, / мурлычь огонь, / шуми, моё дыханье!»; «Всё перемелет *мельничка души*: бесславие, отчаянье, юродство...»; «Ах, *душа* – золотая беловшейка моя!»; «Сорвёшься в краткую молитву – простую *музыку души*...»; «Моя *душа* пустычное любила...»; «А знаешь – нас и вещи не спасут, / весь сор, который освещал я тут / *своей душой* в отдельности и крупно: / сучок, щепка, яичная скорлупка, / по воздуху скользящее перо, / с весенней прелью ржавое ведро...» Философская и нравственно-эстетическая концепция такого феномена, как Душа, воплощается поэтом через целый ряд мотивов: *света, тишины, музыки, молитвы, тепла, любви*.

Душа художника стремится объять мир в его целокупности: «Я знаю: хватит мне души на птичий страх и звездный трепет...», ею определяются вечные пространственно-временные знаки бытия и пространственно-временное смысловое единство как отдельно взятого стихотворения, так и всего их корпуса. Как правило, в лирике Сергея Пагына движение взгляда или смена «точки зрения» автора, по выражению литературоведа Ю. Лотмана, направлены вдаль, часто через распахнутое окно и дверной проём и всегда – вверх: «И если нам не жить – / найдет душа насущное тепло, / прильнув к трубе, / смотрящей с крыши ввысь...» («Сухим дымком, беспамятством ветвей...»).

Характерно, что пространственный и временной планы в его художественном мире взаимопроницаемы:

День становится полем, потом – перелеском, дождём...
Так неспешно и тихо, омыто водой осветлённой,
время входит в пространство, как в отчий покинутый дом –
спи, дитя, засыпай на отцовской подушке солёной.

Одно из стихотворений Сергея Пагына представляет собой ярчайший пример воплощения поэтом важнейшей философской темы – вечной темы жизни и смерти.

Смерть, как мальчика, возьмёт за подбородок.
«Снегирёк... щеглёнок... зимородок... –
скажет нежно, заглянув в глаза.
– Ну, пошли со мною, егоза».

И меня поднимет за подмышки,
и глядишь: я маленький – в пальтишке
с латкою на стёртом рукаве,
с петушком на палочке, с дудую,
с глиняной свистулькой расписною,
с мыльными шарами в голове.

А вокруг – безлюдно и беззвёздно...
Только пустошь, где репейник мёрзлый.
Только вой собачий вдалеке.
Только ветер дует предрассветный.
И к щеке я прижимаюсь смертной,
словно к зимней маминой щеке.

В контексте данного стихотворения совершенно уникально сосуществуют идея конечности жизни, необычный облик ласковой смерти и трогательные образы детства (*петушок на палочке, глиняная свистулька, мыльные шары в голове*). Сравнение «И к щеке я прижимаюсь смертной, словно к зимней маминой щеке» усиливает этот контекстуальный оксюморон. Очевидно, образ нестрашной смерти, говорящей с лирическим героем, как с мальчиком, призван выразить мысль о том, что жизнь необходимо соизмерять со смертью постоянно, что их трагическую неразъятость следует спокойно принять. Мысль не нова, но совершенно по-новому выражена поэтом, поэтому данное стихотворение стало для читателей настоящим откровением. «Нам кажется, что смерть у нас впереди. А она сбоку, она всё время с нами», – писал выдающийся актёр Г. Бурков в своих дневниках, вышедших под заглавием «Хроника сердца». Данное стихотворение как раз и есть поэтическое выражение того, что смерть «сбоку». Поэтика зимнего пейзажа в его финале характерна для лирики поэта в целом: пространственная широта (безлюдная пустошь, даль, беззвёздное небо, предрассветный ветер), выразительность художественной детализации (*репейник мёрзлый, вой собачий*), завораживающая музыкальность, созданная с помощью инверсий, парцелляции (*Только пустошь, где репейник мёрзлый. / Только вой собачий вдалеке. / Только ветер дует предрассветный.*) и анафоры (*только*).

* * *

Творчество **Юрия Гудумака** не поддаётся первичному восприятию: его стихи надо декодировать, не один раз пройти по «лестнице смыслов», как говорил стиховед Е. Эткинд, в его лирику необходимо не одно «погружение», прежде чем

льй», а ветер невидим, как душа; Яблону, как отмечает Яблонец, разрасталась «встречь ветра», а «Яблоне́вые сады Яблонь, / равно как и местные легенды / о некоем полумифическом дереве, давшем ей имя, – / следствие, а не причина названия».

Путешествуя таким образом, Яблонец собирает «всякую всячину», коллекция собранного, в конце концов, становится «частью его экипировки», в ней все-му есть место (в этом он напоминает платоновского Вощева²): «прошлогоднему опалому жёлудю, перезимовавшему, но продырявленному червём», «семенам бобовых», «скелетику коноплянки», «цветку репейника», бруску из голубой глины («для заживления ран, . . . ибо все уязвимы») и т.п. «Яблонец рассчитывал добавить к низке / саму луну, когда она, убывая, / показывает червоточину».

Изображая Яблону и её окрестности, поэт воплощает в «Топографическом синтаксисе Яблонца» не только райский, но и земной геокультурный локус и делает это прежде всего с помощью целого ряда топонимов и гидронимов: Стугария, Алуниш, Камбольский лес, Дождливая гора, Кирпицы, Гужуманешты, Галдаруша, Копачанка, Устья, Пуяк, Пидметы, Гыртопы, – именно они становятся основой «топографического синтаксиса» и представляют безыскусственные и милые картины малой родины.

Широкий диапазон самых разнообразных геокультурных номинаций в обрисовке мира и человека определяет не только пространственный мир стихотворений, но и *композиционную структуру* сборника «Разновидность солнца» (2012).

1-я его часть, дискурс которой философско-географический, посвящена, как отмечено выше, Яблоне в её исторических и пространственно-временных срезах. Лирическая рефлексия автора, связанная с образом Яблонь, отражается, в первую очередь, в пространственных образах и мотивах. В сознании читателя их система складывается на воображаемой границе реального географического пространства, которое через метафору «топографический синтаксис» (отметим, что упор делается на синтагматике, т.е. мир Яблонь, её холмы, перелески, речушки, овражки и т.п. разворачивается по горизонтали) становится пространством художественным. Геокультурный локус Яблонь – это не только художественный образ определённого места, но и форма жизни Яблонца, в личности которого совмещаются переживания лирического героя и черты автобиографического.

Во 2-й части, называющейся «То, о чём я сейчас говорю», воплощены проникновенные образы родного дома, дворика, детства, мамы: «Вот он, дворик наш перед домом, / лежащий в зимнем оцепенении»; «Где уж там говорить / о боли утраты, которую может измерить, мама, / . . . лишь степень родства с тобой. / Как же просто это звучит. / Как глупо». Особенность лирического дискурса этой части – обращение к маме, которой уже нет: «без тебя, / мама, / я чувствую себя лишённым всего, / ни в чём более не нуждаюсь». «Не говоря уж / о рощах, цветах / и травах! / По старинному предположению, / все они – все – воспевают тех, / кто покинул нас». Детали пространственного мира во 2-й части сборника создают редкостный эффект присутствия дорогого и родного человека: «оставленная на

² «Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. „Ты не имел смысла жизни, – со скупостью сочувствия полагал Вощев, – лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить”» (А. Платонов, «Котлован»).

штaketнике пустая крынка для молока», «прищепка на бельевой верёвке», «ржавое ведро с известью для побелки». В этой самой эмоциональной части сборника локус повествования сужается до точки, которую можно назвать лирической кульминацией всей книги: *дворик, дом, мама*.

3-я часть, давшая название сборнику («Разновидность солнца») и самая обширная, неожиданно вводит читателя в необычайно широкий (планетарный) геокультурный локус: «Отеческий логос Греции», «Цветники Флориды», «Граница Центральной Азии», «Осенние виды Тянь-Шаня», «Юкагирский предел лесов», «На прекрасных Малых Антилах» и т. д. Названия материков и островов, очевидно, необходимы автору, чтобы создать, выражаясь словами поэта, «топографический синтаксис Человека мира». Неотделимы от топонимов имена учёных и путешественников, писателей, философов и художников, отсылающие к мировой науке и культуре и показывающие, каким должен быть уровень читателя, чтобы откликаться на «упоминательную клавиатуру»³ поэта. Автор доверяется просвещённому читателю, рассчитывает на его понимание. В лирическом контексте только одного небольшого стихотворения «Разновидность солнца» упомянуты Бюффон, Сент-Бёв, Сократ, Феокрит, Ван Гог, Хайдеггер.

Серьёзно-иронически выражая главное свойство природы героя «Топографического синтаксиса Яблонца», Юрий Гудумак в одном из программных стихотворений использует аллюзию на И. Бродского, добиваясь тем самым редкой философской стереоскопии, характерной, пожалуй, для всей его поэзии:

...Такова природа
пресловутого географического инстинкта Яблонца,
его непомерного интереса, точнее, привязанности
к тем или иным местам
и, в целом, к земным просторам,
которую он пронёс через всю жизнь,
пока ему рот, по выражению поэта,
опять не забили глиной.

(«О географическом инстинкте Яблонца»)

* * *

Вместо заключения. В ярком стихотворении Олеси Рудягиной «Заговор» с посвящением «*Серёже Пагыну, Юре Гудумаку*» автор закликает неведомые силы: «...ты не тронь блаженных моих / нежноглазых смиренных сквозных / *единого сверчка да / яблонского чибиса* / ты не тронь не замети пропусти / налегке в лоян отпусти / в молдавский такой лоян / где «аз есмь» вечно мудр и пьян / над грядущим ладони греть / да закаты миров глядеть...» Думается, не случайно в контексте «поэтического берега» О. Рудягиной сошлись имена и образы этих двух поэтов, так или иначе именно их творчество показывает важнейшие торные дороги русскоязычной лирики Молдовы.

³ См. об этом: М. Гаспаров. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама. // Гаспаров М. Избранные статьи. – М.: Новое литературное обозрение, 1995. Учёный пишет о поэтике реминисценций и употреблении поэтом «слов-памяток», которые уводят в подтекст единой мировой поэтической культуры. В «Разговоре о Данте» О. Мандельштам назовёт эту систему «упоминательной клавиатурой» (331).

Безусловно, каждый из них идёт в искусстве своим путём, они совершенно не похожи друг на друга. Объединив их имена в данной статье, мы лишь стремились показать разность поэтического дискурса, неповторимость и оригинальность художественного мышления при общности бережного, какого-то даже любовного взгляда на человека и мир. По нашему мнению, сущность поэтики Сергея Пагына можно определить как «сложная простота», а Юрия Гудумака – как «простая сложность».

И то и другое принадлежит Красоте.

Цитаты приведены по изданиям:

Гудумак, Юрий. *Разновидность солнца*. Кишинёв, издательство Cadran, 2012.

Пагын, Сергей. *Спасительный каютан*. Знамя, 2011, № 9.

Пагын, Сергей. *Сверчок в радиоприёмнике*. Кишинёв, Tipogr. Mitra-Grup SA, 2008.

Пагын, Сергей, *сайт автора* // <http://www.stihi.ru/avtor/serghei69>

Рудягина О. *Заговор*. // <http://www.poezia.ru/article.php?sid=85368>

Татьяна СУЗАНСКАЯ – преподаватель Бельцкого госуниверситета им. А. Руссо, доцент (доктор конференциар) кафедры славистики. Руководитель Русского центра университета (фонд «Русский мир»). Родилась на Украине, школу и институт окончила в Бельцах, аспирантуру в Москве. Автор действующих в Республике Молдова школьных учебников по русской литературе, а также куррикулумов, книг для учителя и гидов по русской литературе. Автор статей по истории русской литературы и методике её преподавания, современному литературному процессу, новейшей русской литературе, проблемам анализа художественного текста, с которыми выступала на научно-практических конференциях в Молдове, Украине, России, Китае.

ЛАРИСА ХРОМОВА

«ПОМОГИ НАМ, ТВОРЕЦ...»

*Между «Кошкой на раскаленной крыше»
и «Барабанищей»,
между плачем, что Бог один слышит, –
судьбой-обманищей,
между плеском аплодисментов,
забвением, смирением
Ученичества,
между счастьем безмерным звёздных моментов
и сиротством её величества
Женщины, Актрисы
яростного XX века –
Путь неподкупной Ларисы Хромовой –
русского
человека!*

01.11.10

Олеся Рудягина

«Я – ВОЛЖАНКА...»

Родилась и выросла в старинном русском городе на Волге – Саратове – в июне 1940 года. Поскольку родители мои были геологи, то уже через год я оказалась в Башкирии. Война застала нас в Уфе, где мы и прожили это лихолетье.

Бомбежками война не дошла до нас. Дома наши не были разрушены, но детство, все земное естество наше было нарушено, мы были все годы как бы под «прицелом войны», и навсегда остались «родом не из детства – из войны». Первые и самые сильные впечатления от жизни – оттуда.

В наших дворах не было мужчин, тогда это казалось нормальным. Всех детей объединяло одно – «мой папа на фронте». Это было нечто вроде родства, если у соседки Вики «папа тоже на фронте». Почти все дошкольное детство прошло взаперти в одной комнате – мама сутками была на работе, и соседка тетя Дуся стучала нам с братом в дверь, когда надо есть, когда ложиться спать... Геодезиче-

ские книги и карты мы рассматривали целыми днями, они были нашими первыми учебниками. «Художественной литературой» была книга о Сталине и его дочке Светлане. Их фотографии были для нас как бы выходом в другую реальность.

Когда темнело, можно было «смотреть кино», потому что от светящихся фар проезжающих машин по стенам и потолку пробегали фантастические тени, которые вызывали у нас с братом восторг – ведь они двигались, двигались в запертом, неподвижном и замкнутом пространстве нашей обители!

Жизнь исподволь приучала нас к одиночеству...

Однажды ночью мы проснулись от того, что за стенкой, у маленькой соседки Вики, вдруг стало очень шумно и весело – все что-то кричали, пели, смеялись – и так до утра! Такого в нашей жизни еще никогда не было – там было весело!!! Мы с братом, прильнув к стенке, пытались постичь это наваждение, понять, что бы это значило. Так и уснули на полу под это веселье, ничего не поняв.

Утром, когда с работы пришла мама, мы узнали, что к Вике с фронта приехал папа. От радости мы что-то верещали, прыгали вокруг мамы, кричали «Ура!» – значит, и к нам скоро приедет папа!.. Но мама молчала...

На следующий день мы видели из окна нашей комнаты, как так же шумно и весело Вика с папой, на грузовике, полном всяких вещей и мебели, уехали куда-то навсегда.

С тех пор я каждую ночь стала ждать чуда – как придет с войны мой папа, как он постучит к нам в дверь и как у нас тоже станет шумно и весело...

Но мой папа не вернется с войны ни тогда, ни потом – никогда! И мама никогда больше не выйдет замуж.

От отца остались его письма с фронта. Такие письма мог писать только человек, который в душе был поэт... Кроме всего, они были написаны аккуратным, красивым почерком. Просил и маму писать так же: «Здесь это очень важно...» В одном из писем он сообщил маме, что послал письмо Сталину, уверенный, что **ОН** многого не знает о том, что творится на фронте... Страдал за необученных юнцов, которые тысячами гибли в первом же бою...

«Я убит подо Ржевом...»

Последнее письмо заканчивалось: «...Завтра иду в бой. Вернусь – напишу...» И подпись: «Твой до могилы, которой не будет, и после нее. Николай».

Как в воду глядел... «Я убит подо Ржевом...»

Для меня от него тоже сохранилось письмецо с фронта.

Небольшой листочек меловой бумаги, на котором ярким красным карандашом летящим почерком написано: «Лара! Расти быстрее! Всегда слушайся маму! Твой папа на войне бьет врагов Родины. Николай».

Подпись «Николай» воспринималась мной, как высшая степень равенства и товарищества с отцом... Маму слушалась не всегда, но всегда верила, что отец придет с фронта, вернется, и у нас станет шумно и радостно!

Совсем взрослой еще писала куда-то, надеялась...

Однажды, уже в Кишиневе, мы сумерничали с семьей на кухне. Вдруг из своей комнаты с громким плачем и криками выбегает мама и пыгается нам что-то сообщить, но ничего сказать не получается – захлебываясь слезами, она сильно заикается ...

Как потом выяснилось, она смотрела по телевизору документальную передачу о войне, показывали кадры, где бойцы, взяв какую-то высоту, на радостях

братались... И вдруг, из-за бугра, на экране крупным планом появился наш отец... Радуюсь, он обнимал и целовал кого-то, смеялся... Это длилось, видимо, довольно долго. Во всяком случае, столько, что мама успела рассмотреть даже детали.

Он все-таки пришел к нам, в наш дом... Николай мой Филиппыч, отец...

В послевоенном детстве бытовало понятие «безотцовщина»... Говорят, у китайцев самое страшное проклятие звучит так: «Чтоб тебе вечно ждать и никогда не дожидаться». Что-то похожее случилось со мной в детстве... Жизнь потихоньку преподносила мне Уроки Судьбы.

Жажда отца, любовь к нему, тоска по отцу позже вылились у меня стихами:

Я росла без отца,*
 Потому – до конца –
 Жизнь живу – изживу без отца.
 Без отца – в декабре,
 Без отца – во дворе,
 Без отца – я училась,
 Вез отца – я влюбилась.
 В жизнь вошла – без отца,
 И она – до конца –
 Не во всем у меня получилась,
 Потому что всегда
 Я была – без отца!
 Но всегда – до конца! –
 Я любила отца.
 И – гнала я гонца,
 Ожидая отца.
 И – искала отца,
 И – молилась о нем...
 И – искала Творца
 Я – всегда и – во всем.

Николай мой Филиппыч, отец...
 Подо Ржевом погиб мой творец.
 Подо Ржевом погиб мой творец –
 Никогда не сказала «отец»...
 Почему так случилось, Творец, –
 Почему из ребят тех годов –
 Наших душ – выбивали отцов?..

*Много лет назад в одной из поездок по Республике в рамках Дней Славянской письменности и Культуры (у каждого была своя работа – я выступала с моноспектаклем по произведениям С. Есенина «Дорогие мои, хорошие...») Игорь Васильев вел разговор с Валентином Ткачевым о выпуске очередного номера литературного журнала «Ларец». Неожиданно В. Ткачев поворачивается ко мне с вопросом: «Ларис! А ты знаешь, что твои стихи об отце – гениальны?» Повисла долгая пауза... Затем добавил: «Я давно хотел написать стихи о своем отце в таком ключе – вселенском... Не случилось...» И как бы благословил на дальнейшее: «Чаще читай их со сцены».

Нам за что та беда?..
 И опять я одна –
 Моя дочь – без отца...
 И – не видно конца
 Когда ВСЁ – без Отца.
 Пусть не будет войны.
 Пусть не будет беды –
 Сохрани всех отцов!
 И – храни всех юнцов.
 Так! В конце-то концов!
 Помоги нам, Творец –
 Наш Единый Отец...

Порой жизнь подавала мне и добрые знаки – Театр... Впервые я попала в театр во время войны. Это было в Уфе. Мне было года три-четыре. Одна из наших соседок, артистка кукольного театра, устроила нас в первом ряду своего театра. Шла сказка, где хитрая, красивая лиса обдуривала белого, пушистого зайчика. Помню только, что я с этого первого ряда так рьяно помогала зайчику в его трудностях, так бесстрашно руководила его действиями на сцене, что мама, в конце концов, была вынуждена, несмотря на мой рев, унести меня из зала. Первое знакомство с театром как-то не заладилось.

Потом был Новый Год, и соседка-артистка принесла мне из театра Серебряную Куклу. Так я с первого взгляда окрестила ее. Принесла ее мне поиграть, видимо, хотела порадовать, загладить огорчение от первой встречи с театром. Она почему-то не раз спрашивала меня: «Хочешь, я возьму тебя в дочки?», на что я бесстрашно отвечала: «Хочу!» Соседка с мамой многозначительно переглядывались, а она продолжала: «Я не шучу». Я отвечала: «Я тоже». На этом, правда, процесс моего «удочерения» заканчивался...

Так вот, кукла та была неопикуемой красоты: платье, волосы, ресницы – все серебрилось и сверкало, мистически завораживая меня. Позже я ни за что на свете не хотела с ней расстаться. Я просто не могла остаться без нее. Наконец, меня убедили, что на столике у зеркала ей будет лучше видно меня, а мне – ее. И платье не помнется... С этим под ее взглядом я и уснула, изредка просыпаясь взглянуть на Серебряную Куклу: она не спала и преданно смотрела на меня широко распахнутыми глазами... Это было счастье.

...Утром «счастья» на месте не оказалось... Я не верила своим глазам... Я ни о чем никого не спрашивала... Не плакала. Просто надолго замолчала. Так я впервые узнала боль, боль где-то внутри... Боль, которую, как я прочту потом, Анатолий Франс называл самой страшной болью – «зубной болью в сердце»...

А серебряный цвет в любых проявлениях по сей последний день тревожит меня и завораживает...

Шло время, и мы с братом стали выходить на улицу. Помню, как меня поразили снежные сугробы – горы *серебряного* пушистого снега!.. Жесткое, замороженное белье, которое, если ломалось, то потом были дырки...

Время было лютое, и нам строго-настроено запрещалось выходить за ворота. Слухи пугали всех – исчезали дети. Сегодняшний юмор – «судью на мыло» – имел тогда страшный и вполне реальный смысл... Но дети есть дети. И детвора

«балдела» по-своему: Вырывали у ворот по дорожке между сугробами ямы, так называемые «обманы». Снега были огромные. Яма прикрывалась легкой фанеркой и присыпалась снегом.

Однажды старшими ребятами мне было разрешено стоять у ворот и издали смотреть на происходящее... Что было дальше, я увидела очень скоро.

Ватага ребят терпеливо ждала, пока вдали покажется очередная парочка. Затем все выстраивались около «обмана» так, что «парочка» никак не могла не попасть в него. И в результате один из них обязательно проваливался в яму. Это был случай, когда в яму уходила «она», а «он» бежал... Вот такой был «юмор». Потом дворовые олухи и их «водилы» сами помогали «ей» выбираться из ямы, сопровождая спасательную операцию нравоучениями в адрес ухажера, который, поняв, что серьезной опасности нет, все же вернулся и попытался приобщиться к «спасателям». Вокруг стоял победоносный гогот, когда «она», выбравшись, наконец, из ямы, накинулась на «предателя» с кулаками, а «он», как мог, защищался...

Вот такие были «герои» наших обманов. Больше меня на «обманы» не брали, т.к. я своим окриком чуть не выдала всех и тем чуть не сорвала этот «поучительный» спектакль.

«Я РОСЛА БЕЗ ОТЦА...»

Случалось всякое и в нашей тогдашней жизни, иногда могло случиться и большее, но Бог в такие минуты хранил нас.

Пурга. Темнеет... Мама везет меня на санках. Мы возвращаемся откуда-то через огромный пустырь. Вдруг вдаль на горизонте появились (черные на снегу) силуэты... Они стремительно надвигались на нас. Мама, повернувшись ко мне, коротко бросает: «Если что, кричи громче!» Но черные силуэты, окружившие нас, были любезны с мамой, спрашивая, откуда мы, да куда такие, в таком берете... И я никак не могла понять, почему мама кричит на них: «У нее отец на фронте, а вы...» Вдруг хватает меня с санок на руки, резко отталкивает ногой в их сторону – типа, «подавитесь!» И – мне в ухо: «Реви, реви громче! Ну же!..» А у меня от непонимания происходящего не очень-то получается, но хорошая затрещина приводит меня в нужное состояние, и я уже реву «по-честному»... Вблизи «черные силуэты» оказались взрослыми детьми, которых интересовали, конечно, не санки... Но мама сумела перевести психологические стрелки с «берета» на «санки», и мы бросились бежать. Вьюга была как бы в помощь – подхватила и понесла нас к дому. Они еще долго кричали нам вслед что-то про санки («раз отец на фронте»), но нам было не до них.

Летом на этом пустыре мы ждали самолетов. Малышня поближе ко двору, а пацаны уходили подальше – встречать самолеты... Когда раздавался гул, мы падали на землю, замирали и ждали «команды» от старших, а иногда, с криком «кресты-ы-ы», они бежали к нам. Нарастающий гул самолетов со страшной силой гнал нас домой. «Крестами» называли немецкие самолеты со свастикой. Иногда самолеты пролетали над нами низко-низко, и мы почти не боялись. Мы махали им руками и неистово кричали: «Наши, наши!», и чувствовали себя героями. Было весело! Мне было весело редко. Я почему-то всегда чувствовала себя взрослой и ответственной за брата, хотя он был старше меня почти на 3 года. Видимо, его улыбочивая открытость, ямочки на пухлых щечках делали его симпатичную мордашку наивнее своих лет, в отличие от моей серьезности не по годам и хитрости...

Не смотря на это, кличка его в нашем дворе была «генерал». Так прозвали его за то, что зимой он ходил в белой мужской дубленке, очень похожей по крою на взрослую, генеральскую, доставшейся ему из американской гуманитарии.

А однажды, в одну из первых зим, наше с братом замкнутое «общество» пополнилось присутствием экзотического экспоната.

Среди бела дня неожиданно появилась мама. Она в спешке что-то занесла в комнату и поставила в угол у окна. Мы получили строгое указание не подходить, не трогать, даже не смотреть на это «что-то» до ее возвращения. Мы никак не могли понять, что это за покрытое снегом чудо-юдо появилось у нас в комнате. Мы только хорошо поняли, что оно нам не опасно, потому что заморожено. Дальше – больше, осмелели, подошли ближе и стали трогать, поглаживать черные кудряшки неведомого существа, заигрывая с ним... И вдруг – о, ужас! – глаза его резко открылись! Мы с воплями бросились к двери, но она была, как всегда, заперта. Мы стали неистово тарабанить в дверь, звать на помощь, боясь даже оглянуться на страшный угол.

Наша спасительница тетя Дуся через дверь успокаивала нас, как могла, советовала накрыть это пугало чем-нибудь – как потом выяснилось, голову замороженного барашка... Постепенно собравшись с духом, мы осторожно сделали это: издали набросили какое-то покрывало на ужасные, блестящие, черные глаза...

Стало не так жутко... Мы прильнули к двери, по ту сторону которой была наша тетя Дуся, и просили, чтобы она не уходила и разговаривала с нами о чем-нибудь... Она рассказывала нам что-то, сколько могла, придумывала, а потом уговорила нас лечь спать... Но когда мы обернулись, то увидели, что в углу из-под нашего покрывала появилась огромная лужа – значит, под ним кто-то живой! И весь ужас вернулся снова!..

Уже в Саратове у нас во дворе была традиция – под вечер, в ожидании взрослых с работы, собираться всей ребятней на «дровах» и поочередно рассказывать страшные сказки. Чем страшнее, тем лучше. Одна я не любила эти посиделки и не только не рассказывала, но никогда не слушала эти сказки, если они были и правда страшные.

Моей любимой сказкой оставалась «Золушка».

А потом была Победа. Она ворвалась к нам ранним утром, барабанным боем в дверь нашей тетей Дусей, билась криками радости: «Победа! Победа! Слышишь, Клава, – Победа! Сейчас передали!» «Мам! Победа! Мам!» – мы с братом спросонья, всполошенные... Мама не спала, молча сидела на своей кровати, спустив ноги на пол.

Тетя Дуся продолжала отчаянно стучать... Когда мама все же пошла открывать дверь, она уже не стучала, но сразу бросилась к ней – «Клав! Радуйся! Победа!» Мама тихо: «А я и радуюсь...»

Тогда, в День Победы, мы с братом впервые узнали, что у нас больше нет папы (он погиб подо Ржевом в 1942 году). И я никак не могла взять в толк, как может быть Победа, если нет больше папы, или как может не быть папы, если есть Победа...

Теперь у нас во дворе стали чаще появляться те, о которых ребетня, захлебываясь от восторга, сообщала: «Пришел с фронта». Но почему-то не было уже так шумно и весело, как у соседской девочки Вики, когда за ней приехал «папа с фронта»... Конечно, шумели на радостях встречи, накрывали столы у крыльца,

пили и пели, а потом, случалось со слезами, громко ссорились. Раньше у нас во дворе такого не было. Мы немного пугались этого, потому что не могли понять, почему взрослые не радуются, не смеются, а плачут... Почему не шумят весело, а ругаются... Почему дядя Миша, который с одной только ногой пришел с войны, был больше похож на деда, чем на «папу с фронта». Он постоянно пел одну и ту же песню – «Калинка-малинка моя, в саду ягода-малинка моя». Пел он всегда стыдно – пьяненький, с каким-то вызовом, и мы думали, что песенка эта – «матная», и нам петь ее нельзя. Старшим ребятам мы верили...

А через год мы вернулись в Саратов и стали жить в доме недалеко от Волги, где из окна нашей с тетей Катей комнаты (будущей моей крестной), была видна красивая старинная церковь, она была совсем рядом. Ворота нашего двора были напротив знаменитого «Пешего базара» – «Пешки».

В Саратове мне все было как-то по душе, и я поутру, пока все спали, выбегала к воротам, садилась на корточки, чтобы было потеплее, закрывала глаза и слушала утро, вдыхая его запахи: с «Пешки» тянуло сладким запахом дынь и свежестью арбузов, как-то спокойно гудел базар, звонили колокола... И на душе становилось светло. Моя новая жизнь будет проходить теперь не только во дворе, но и около церкви...

Так судьба определила контуры моего внутреннего существования. Первые актерские шаги мною были сделаны в нашем многолюдном дворе под гомон «Пешего базара», под звон церковных колоколов...

Я придумывала всякие концерты с приглашением взрослых в качестве зрителей. Из простыней мастерили занавес. Корзина с выбитым дном играла роль кринолина для бального платья Золушки. Мне хотелось, чтобы это платье было похоже на платье моей любимой Серебряной Куклы. Репертуар был широк: стихи, песни, танцы, сказка... Все, конечно, на уровне дворовой сценографии и драматургии... Режиссер и ведущая актриса, естественно, были в одном лице...

Часто бегали в церковь. Любили смотреть венчания. Для нас это были спектакли, сказочные спектакли. Ходили в церковь и в будние дни, и в праздники. Нас никогда не прогоняли, видимо, мы вели себя там правильно...

А еще была Волга. Зимой – с катанием на санках, летом – пляжем и купанием. С запахом рыбы и торфа, гудками пароходов, с запретами ходить на Волгу без взрослых, потому что «опять кто-то утонул». Маленькой я была уверена, что Волга есть у всех.

Потом я поступлю и закончу 9-ую женскую среднюю школу. В старших классах школа перестанет быть женской, но за строгие порядки и «старинных» учителей будет долго иметь «дразнилку» – «женский монастырь». Наша директор – Вера Васильевна Сидельникова, участница ВОВ, за командирский нрав звалась нами за глаза не иначе, как ВВС (военно-воздушные силы). Не могу сказать, что она всегда была справедлива. Ко мне, **во всяком случае. На самом деле наши учителя** были редкостной породы, замечательные люди и педагоги.

Одна Анна Александровна Калашникова чего стоила – интеллигентнейший, тончайшей души человек... Не от мира сего (Царствие ей небесное!)... Она вела у нас русский язык и литературу... Была она в прошлом актрисой. И относилась ко мне как-то особенно. Опять мироздание подавало мне знаки... На этот раз они были просто «судьбоносными». Анна Александровна во многом определила мой путь – по окончании школы я поступила и закончила театральную студию при

театре имени Карла Маркса (ныне театр имени Слонова). В школе на литературном вечере я сыграла у Анны Александровны Марину Мнишек в сцене у фонтана («Борис Годунов» Пушкина).

Прошли годы после окончания школы, и я получила письмо от дочери нашей ВВС, написанное черными чернилами каллиграфическим почерком: она исполнила последнюю волю своей матери – сообщила мне о ее кончине, о том, что Вера Васильевна нежно любила нас и хотела, чтобы мы это знали... Да, мы о многом не догадывались, но мы всё равно любили их – своих учителей... Теперь мы узнали еще и то, что она считала наш выпуск лучшим, самым талантливым... Внешняя суровость не предполагала лирики в наших отношениях, но мы всегда любили свою школу, свой десятый «А»... И по мере взросления эти чувства только крепили и остались с нами навсегда.

«НОВЫЕ БЫЛИ И СКАЗКИ...»

А пока перед школой судьба одарила меня невиданным подарком: путешествием, можно сказать, через всю страну – в Казахстан. На «семейном совете» было решено «подкормить» меня перед школой и отправить на лето в теплые края, к брату мамы, куда забросила его профессия геолога. Бледная и худая я была настолько, что мамаша одной моей подружки любила спрашивать меня: «Лора, ты растение или человек?» Ее внимание постоянно притягивали голубые венки на моих висках.

Поехали мы вдвоем с тетей Катей. И ей нужно было поднабраться сил после больницы – у нее был бруцеллез. Она тоже была геологом, но на этом поприще пострадала, испив в одной из экспедиций сырого молока, оставшись, по сути, инвалидом на всю жизнь. Уговор был суров – полное послушание и аскетизм, денег было в обрез, только на проезд.

Мы почти всегда жили впроголодь, но такой голодухи, какая была в этом путешествии, я даже не представляла. Помню, как просила тетю на каком-то вокзале купить мне пшеничную лепешку, но она спокойно мне объяснила, что «или лепешка, или едем дальше». Конечно, мы поехали дальше. Но когда мы добрались до Самарканда (осталось только доехать до села-аула, где жил в своем доме мой дядя с редким именем Асколон), и тетя бесстрашно смогла купить мне эту лепешку, съесть ее я не смогла – она оказалась очень сухой и не глоталась.

Ехали мы долго, чаще при закрытых окнах и дверях тамбура, медленно, почти без остановки, но случались места, через которые поезд мчался со страшной скоростью. Пассажиры шептались: бандиты тут орудуют. Иногда окна даже заколачивали – значит, эпидемия. Дисциплина в вагоне была, что называется, военной – иначе не выжить.

И вот однажды проводники открыли все окна и двери тамбура. Все столпились подышать свежим воздухом. Там оказались и мы с тетей. Поезд шел в гору, шел так медленно, что казалось – ползет... Продвинувшись поближе к воздуху, я увидела непредставимое: по всему горизонту, сколько хватало глаз – легко и красиво полыхал огонь, но это никого не пугало... Я закричала: «Огонь!!!» Почему-то все засмеялись, а какой-то парень неожиданно соскочил с подножки и бросился в этот «огонь». Вот тут все ахнули! Неожиданно поезд стал набирать скорость. Все быстрее и быстрее стучали колеса... Все вокруг кричали, протягивали парню

руки, который бежал за поездом... с букетом ярко-красных тюльпанов. А он никак не мог ухватиться одной рукой за поручень... «Брось, брось цветы», – кричали ему, а он все бежал и бежал из последних сил... Но цветы так и не бросил. И когда все-таки заскочил на ходу в вагон, протянул их мне с улыбкой: «Вот он, огонь какой!» Всем вокруг было уже не до цветов и не до улыбок. Кто-то стал ругать парня, а тетя Катя – меня: «Зачем закричала, ведь он мог остаться там и тогда погиб бы, наверняка».

Цветы остались в тамбуре. А когда парень настойчиво принес их нам, тетя так глянула на меня, что я не посмела их взять и расплакалась от всего пережитого. Сама же тетя решительно отвернулась к окну. До сих пор помню выражение лица парнишки... Видно, эти цветы предназначались не мне...

Ночь настигла нас раньше, чем мы добрались до места. Тетя оставила меня сторожить «вещи», строжайше наказав не спать, а сама пошла искать то ли попутку, то ли встречающих. Но сон и голод буквально свалили меня с ног, и я упала в какое-то странное забытье: слышала, как меня хотели ограбить, но не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языком. Женский голос уговаривал кого-то не трогать меня, так как «и воровать-то, наверное, нечего, а если что и есть – тетка наверняка унесла с собой, да и не спит она наверное, а в голодном обмороке...» Меня не тронули, и очень скоро уже тетя тормозила меня: «Лара! Поехали дальше...» И мы куда-то поехали, а я «вырубилась» окончательно. Больше ничего не помню. Очнулась уже в теплой постели, в незнакомой комнате.

Был яркий день. Солнце буквально лилось из окна. Взглянув туда, я замерла от счастья – вдали сверкала, переливаясь тысячами солнц, Серебряная Гора... Чудо из чудес! Это был привет от моей Серебряной Куклы!

С тех пор я ни о чем не могла думать, кроме одного – скорее туда! Моя тетя-геолог убеждала меня в том, что вблизи эта гора совсем не серебряная... «Просто в этой горной породе есть что-то типа слюды, – пыталась объяснить она мне доступным языком, – которая отражает солнце и появляется эффект, который ты видишь» и т.д.

Слова были бессильны... Меня тянуло туда неодолимо. Рано или поздно мы с тетей и моей ровесницей – дочкой дяди Асколона – все-таки отправились на Серебряную Гору.

Путешествие было достаточно долгим – чем дальше мы шли, тем дальше от нас уходила Гора... И чем ближе мы подходили к ней, тем отчетливей умолкала в душе радость... Вблизи гора оказалась действительно не Серебряной – некрасивой, черной и приземистой. Я не пошла на гору «за камнями на память», а тетя с сестренкой Валею набрали целую сумку. Камни были разные, но одинаково плоские, с отчетливыми отпечатками веточек, трав, каких-то насекомых... Тетя подробно рассказывала об истории возникновения таких «захоронений» в плоских камнях, но я не слушала ее. ЭТО мне было не интересно... Старалась не показать виду, но этот «обман» заставил меня долго страдать и замкнуться в себе... Никто не понимал, почему я уже не радуюсь больше, ежедневно глядя из своего «далека» на Серебряную Гору.

Это был Урок. Урок на будущее.

А в настоящем еще случались и чудеса – однажды Победа опять пришла к нам... Это было ночью... Кто-то постучал в окно. Мы испугались (в аулах тогда случалось всякое). Дядя подошел к окну – полная темень (ночи там были кро-

мешные, часто под вой шакалов). Потом взял ружье и вышел из комнаты. Мы замерли. Мы – это две тети Кати, я и сестренка Валя... В сенях послышались глухие обрывки слов – переговоров через дверь... Потом – крики, шум падения, затем на какое-то мгновение все замерло... Сердце выскакивало – мы приготовились к худшему... И вдруг в комнату ввалились, вцепившись друг в друга, два мужских силуэта... Все кричали... С трудом, немного успокоившись, мы, наконец, уяснили, что мой дядя держит в объятиях своего родного брата Сергея. Так вернулся с войны дядя Сережа, так и не вернулся другой – младший – Саша. Погиб младшенький, всеобщий любимец Шурка... Вот такой у нас была Победа.

На радостях встречи и приближающейся Пасхи во дворе резали барашка. Собрался народ – взрослые и дети... Это был «ритуальный барашек». Мне было жаль его и я ушла со двора, но его истощное бляенье преследовало меня всюду, и я долго не могла избавиться от этого наваждения... Всем было непонятно, почему я не стала есть ни тогда, ни потом... Меня почему-то тошнило...

Немного позже я неожиданно заболела. Никто не мог определить мою болезнь. Особенно испугалась моя тетя Катя – мама предупредила ее, что я могу заболеть и заболеть опасно – так ей давно предсказала старушка, когда мы паромом возвращались из Уфы в Саратов: «Это должно произойти в семь лет». Сроки исполнились! На всякий случай сообщили маме в Саратов...

Но как неожиданно я заболела, так неожиданно и выздоровела, пришла в себя, но не помнила, что было со мной... Местные решили, что это был, видимо, укус ядовитого тарантула... Теперь дядя перестал меня сильно воспитывать и даже стал реже ставить в пример сестренку Валю, послушанием которой все восхищались. И я тоже...

Мы засобирались домой. Надо было возвращаться. В Саратове меня ждали мама, брат Боря и новая жизнь – школа.

После приезда домой, перед школой, тетя Катя срочно покрестила меня в красивой церкви напротив. Предупредила – в школе об этом не говорить.

«НЕ ТОЛЬКО БЕССМЕРТНОЕ, НО И ЖИВОЕ» НАША ШУТОВА

«Интересные взаимоотношения сложились у Ливии Васильевны с выпускницей Саратовской театральной студии, где, кстати, училась она сама, Ларисой Хромовой.

После учебы Лариса была принята в труппу актеров театра имени Карла Маркса, именно в то время, когда главным режиссером был назначен Н. А. Бондарев.

Однако работать им вместе довелось не в Саратове, а в Кишиневе, и, хотя разница в возрасте была довольно значительной, они становятся друзьями, не теряя друг друга из виду... С Ларисой Хромовой знакомство не прерывается до сих пор».

*«Театр – Храм», Раиса Кравцова,
Саратов, Приволжское издательство, 2012 г.*

На вопрос Серафимы Яковлевны, моей первой учительницы, «Кто родители?», я ответила: «Отец погиб на фронте, мама – министр газа». Никто не смеялся.

Сегодня мы переезжаем в новый Дом (мама, старший брат и я). «Министру газа» выдали в конторе «Саргоргаз», где она работает завкадрами, комнату. Уже темно. По лестницам, по этажам движутся фантастические тени. Люди плывут

по стенам – большие и маленькие, смешные и страшные (в руках то фонарики, то свечи, то керосиновые лампы, то просто спички). На языке послевоенного детства это называется «смотреть кино». Кажется, что этот театр теней будет длиться вечно...

«Лара, иди сюда», – голос мамы откуда-то сверху и более приглушенно: «Я познакомлю тебя с настоящей артисткой». У нас в старом дворе – я главная артистка, правда, ненастоящая. Почти на ощупь поднимаюсь наверх. В крохотном кружочке желтого света стоят возбужденные саратовские новоселки. Сильно стучит сердце – где же артистка? «Вот, Лара, запомни: эта тетя – настоящая актриса». Все: «Это наша Шутова». Недоверчиво смотрю вокруг, но никакой артистки не вижу. На голубой халатик в белый горошек, на который мне кивнула мама, смотрю с недоумением: Актриса в нашем послевоенном понятии, составленном по трофейным фильмам, это Дива, не просто Дива, магическое сверкание глаз, губ, одежды – словом, сказочный звездопад. Помню под эту категорию актрис-див у нас подходила и наша Тамара Макарова в роли хозяйки Медной Горы: «Что, Данила-мастер, не выходит у тебя чаша?» – говорит она и все обрывается в сознании, дальше – тайна.

Этого чуда здесь явно не было. Но было другое: от нее исходила необъяснимая нежность и ясность – у нас в старом дворе раньше таких не было. Это немного утешило и – запомнилось.

Как это у Есенина?

«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...»

«...Лица не увидать...» – да, но почувствовать нечто, быть пронзенной духовным посылом на всю жизнь, все понять, еще ничего не ведая, – можно. Знание без знания... Это когда истина делается доступной чувству без посредства рассудка. Мне было лет 12, когда я впервые пережила такое потрясение и оно не оставило меня уже никогда...

«Большое видится на расстоянии...»

Расстояние сегодня уже такое большое – длиною в жизнь, что можно попытаться увидеть «ЛИЦО» на этом расстоянии жизни, дающем право на духовное зрение. (Недавно 80-летие народной артистки России и Республики Молдова были отмечены и в Москве, и в Саратове.)

Саратов послевоенный... Суровое, жесткое время. Хмурые лица людей. Холодно, да и голодно (вечно голодающее Поволжье)...

В центре города в витринах магазинов, аптек, библиотеки выставлены фотографии артистов из спектаклей драматического театра имени Карла Маркса (ныне имени Слонова), театра Юного зрителя (ныне имени Кисилева), театра Оперы и Балета имени Чернышевского. Ежедневные прогулки после школы по Кировскому проспекту (местный Бродвей) – единственное тогда мое развлечение... Толпы

Ливия Шутова

идуших навстречу людей, говорящих-поющих по са-ра-тов-ски... Обхожу город, просматриваю витрины, как перелистываю любимую книгу...

Всех артистов знаю уже по фамилиям: Шутова, Каюров, Стенурина, Быстряков, Спирина, Сагьянц, Ермакова, Колобаев, Гурская, Адашевский... Простаиваю у витрин с фотографиями все вечера – при вечернем освещении ОНИ другие... Всматриваюсь в лица, угадываю, что они за люди за «образом»... Вот так и хожу к ним в гости каждый день... Из гастролеров больше всех запомнилась московская актриса Викланд...

У нас в доме часто не было хлеба, но в театры мы ходили всегда (это мамина заслуга): детьми – в кукольный, подростками – в ТЮЗ, юными – уже во взрослый театр (в «Карла Маркса» – так все говорили тогда). Это был торжественный, зримый переход во взрослую жизнь – почти ИНАГУРАЦИЯ...

Как тепло и многолюдно в театре!

Смягченные улыбками лица людей... Уютно гудит зал...

Балкон... Я далеко от сцены, поэтому стараюсь все увидеть, все услышать, запомнить...

Но чем больше стараюсь, тем больше все ускользает от меня... Вокруг как-то шумно... Обрывками долетает до сознания музыка стихов Яна Райниса... Спектакль смотрю – скорее, как немое кино с редкими титрами. На сцене девочка-девушка, удивительно нежная, ясная, красивая, как в сказке, погибает из-за любви. Погибает по-правдашнему. И жаль ее тоже по правде, как в жизни. Стыдно, но плачу, почти реву (где-то я ее уже видела)...

Спектакль закончился. Теперь в театре как-то торжественно грустно... Редкий шепот. Все расходятся, как бы пристыженные. (Уже будучи студенткой театральной студии «при Карле Марксе», я прочту в журнале «Театр»: «Байба Шутовой привлекала внутренней чистотой, одухотворенностью, женственностью...»)

А меня она тогда просто проняла своей «нездешностью» и искренностью. Она была как бы из других миров. Видимо, я ревела от этого – открытия чего-то неведомого, доступного чувству без участия рассудка...

Предзнание знания...

Я опять в театре. Уже на галерке. Идет «Дядя Ваня» Чехова. Весь спектакль наблюдаю в основном за Соней (разгадываю!). Как-то точно знаю, что только Соня – всамделишная, а все остальное – спектакль... Спектакль, который очень хочется, чтобы не кончался...

Почему-то нестерпимо больно за Соню, и когда я слышу: «Мы, дядя Ваня, будем жить... будем терпеливо сносить испытания... Будем трудиться для других... Мы увидим все небо в алмазах... Я верую, верую... Мы отдохнем... мы отдохнем...», не могу больше сдерживать слез и плачу, плачу от любви и жалости к ней, к себе, ко всему человечеству, ко всему миру, еще от чего-то, плачу, уткнувшись лицом в красный бархат галерки... Позже кто-то принесет мне сумочку, которую я упустила с руки в партер... Билетерша будет успокаивать меня, думая, что плачу из-за сумочки...

Спектакль давно закончился, но я все еще не могу оторваться от бархатного паркета, не могу уйти из театра – остаться без него...

Как-то еще раз прихожу на «Дядю Ваню», еще... Но мое тайное желание не сбывается – ДАЛЬШЕ ничего не происходит. «Мы отдохнем... мы отдохнем...» – и все. Занавес закрывается. Грустно, но уже как-то по-другому...

Здесь мне хочется, что называется, остановиться, оглянуться... Что это было? Что это за плач? Плач-потрясение?! Потрясение от соприкосновения с сокровенным, несказуемым... без посредства рассудка... Будто актриса обладала каким-то тайным знанием, которым интуитивно пользовалась в актерской работе. Она ЭТО не играла – ДЕЛИЛАСЬ с нами сокровенным. Великий французский актер Коклен писал: «Материал актерского искусства – это его лицо, его тело, его жизнь... (Его жизнь! – Л.Х.) В нем одно я – творящее, а другое служит ему материалом».

Весь актерский аппарат актрисы был совершенен, плюс еще что-то высшее – духовно бессмертное, одаренное светлым разумом и бесстрашной волей (для Даля душа – это бессмертное, духовное существо, одаренное разумом и волей).

В минуты творческого вдохновения с актрисой случалось ЭТО, работало все вместе и происходило Чудо! Соня Шутовой словами необъяснимое ЯВЛЕНИЕ. Может быть, и не надо до конца до всего докапываться. Ведь чудо оно и есть чудо, пусть ИМ и будет.

Остается добавить не менее удивительное – это потрясение осталось жить во мне на всю жизнь. Поныне. Время не притупило его. До сих пор слова Сони в финале, в любой форме – читаю или слышу, или произношу их сама, работая с учениками – вызывают во мне такую волну «содрогающегося сочувствия», исключаяющего всякую иронию, насмешку, издевку... И когда я вижу спектакли, где ЭТО ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ Чехова изуродовано мерзкими подтекстами современного сознания, во мне оскорблено все святое на свете. Я воспринимаю это как кощунство, которое сродни святотатству новомодных блудниц в Храме Христа Спасителя.

Чехов в чистом виде становится недоступен нам.

SOS!!! Спасите наши души!..

«Во всей русской и мировой классике, – говорит Ливия Васильевна, – нет художника, который был бы так близок мне постижением глубинной сущности человека. Его вера в торжество лучшего, что есть на земле – в красоту человеческой души – чиста и незыблема. Он одержим этой верой, и заражает ею всегда,

Актёры театра им. А.П.Чехова. 80-е годы XX в.

когда соприкасаешься с его творчеством». Теоретически, мне думается, и сама Ливия Васильевна по полочкам не разложит ЕГО ТАЙНЫ. И своей тоже. Она просто живет в ней.

«Если бы знать... Если бы знать...»

Почти сорок лет назад (в 1974 году) в Кишиневе в русском театре имени Чехова был поставлен «Вишневый сад». Поставлен молодым режиссером Гукленковым. Это была его первая работа. Неожиданно на спектакль отозвалась большой, эмоциональной статьей знаменитая молдавская певица Мария Биешу, ставшая впоследствии Баттерфляй Мира (к сожалению, ушедшая в вечность летом 2012-го). Ее статья называлась «Не только бессмертное, но и живое». Позволю себе подробные цитаты из ее замечательной статьи.

«Признаться, идя на спектакль, я не только волновалась, но и чуть тревожилась: состоится ли встреча с теми чеховскими героями, которые дороги мне давно, дороги тонкостью, изяществом чувств, богатством и сложностью характеров? Когда же я вернулась из театра домой, мне захотелось снять с полки томик чеховских пьес. Читала до самого утра...»

Однажды по пути на конкурс в Японию, прилетев из Москвы на Сахалин, я узнала там, что Чехов, этот великий труженик, оставивший нам огромное литературное наследие, врач, лечивший многих людей, сам серьезно больной человек, добирался до Сахалина три месяца... Чтобы написать свой «Остров Сахалин». Я была потрясена! Потрясена масштабностью намерений, целеустремленностью этого Человека! И когда? В пору телег, бездорожья, темноты, неизлечимых болезней! (Кто-то из зарубежных писателей впоследствии соотнесет этот подвиг Чехова с хождением Христа – Л. Х.)»

Эти мысли о самоотдаче творчеству, об умении проникнуть вглубь человеческой души, эти мысли не покидают меня...

Есть произведения не только бессмертные, но и живые. Я поняла это на спектакле «Вишневый сад». Театр отнесся к Чехову не только с уважением, но и любовью.

Речь, конечно, не о сюжете. Он остался неизменным. А вот живые люди, их чувства, их характеры, их стремление сохранить в окружающей жизни красоту, попытаться вернуться к прекрасному – это все волнует... Режиссер извлек все самые добрые чеховские мысли, ОН АППЕЛИРУЕТ К ЛУЧШЕМУ, ЧТО ЗАЛОЖЕНО В ЧЕЛОВЕКЕ... И это не все. Он идет дальше, к главному: зовет нас, зрителей, быть чуткими к внутреннему миру тех, кто рядом с нами!..»

Я могла бы назвать много замечательных сцен из спектакля, сцен, по-настоящему волнующих. Спектакль пробуждает в нас начало, без которого человек беден, если хотите – мертв. Особенно активно несет эти мысли Раневская в прекрасном исполнении Л. Шутовой... Я, актриса, по-доброму завидую моим коллегам, сумевшим так взволновать зрительный зал...»

Я радуюсь за них, за Чехова.

Чехов слишком сложен, чтобы можно было даже при самом искреннем стремлении сказать все...

Ну, и что? Чехов мудр и прекрасен, а спектакль дарит зрителю ЭСТЕТИЧЕСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ...»

*Мария Биешу,
народная артистка СССР*

Видимо, Мария Лукьяновна не была готова к столь сильному впечатлению – просто пришла на спектакль, но в антракте спешно кого-то послала за цветами, и в финале спектакля на сцену вынесли для артистов огромную корзину роз от Марии.

Дорогого стоит!!! Не правда ли?

Сегодня, по прошествии стольких лет, когда Великой Певицы уже нет с нами, но есть ее искусство, есть Национальный Театр Оперы и балета Республики Молдова имени Марии Биешу, театр – как Памятник Великой Певице, ее слово из давней взволнованной статьи звучит как «Не только бессмертное, но и живое!»

Когда-то я была на гастролях с театром имени Чехова в Ленинграде и там увидела в БДТ «Историю лошади» с Евгением Лебедевым. Это был случай, когда я еще раз, но уже взрослой, сама будучи артисткой, испытала потрясение сродни шутовскому. Нет, я не рыдала (внешне), но встать после спектакля не смогла – душа моя разрывалась. И не только у меня. На спектакле рядом со мной сидели знаменитые космонавты, а они – народ мужественный...

Лебедевское вселенское «И-ГО-ГО-ГО!» преследовало меня годы... Это была тоже космического звучания (знания) работа. На другом материале, другое время, другая форма существования актеров на сцене, но это было про ТО – наше ВСЕЛЕНСКОЕ бытие...

«Смерть – это форма расплаты с космосом за чудесную роскошь побыть живым» (Р. Бредбери).

Я не сравниваю ни спектакли, ни актеров, я только свидетельствую, что театр может творить НЕВОЗМОЖНОЕ, когда на сцене работают Божьи помазанники – Великие Актеры Великой Русской Театральной Школы. «Все потряслось снизу доверху, превратилось в одно чувство, в один миг, в одного человека, все люди встретились как братья в одном душевном движении: это такая кафедра, с которой можно сказать миру много добра» (Н. В. Гоголь).

Ливия Васильевна Шутова как актриса выросла в таком театре. Унаследовала лучшие черты русской национальной театральной школы. Это был ЕЕ театр. И на период работы в этом Храме (Сегодня – имени Слонова. Как символично!

Воулийоки, «Юстина»: Рикка – Л. Хромова,
Хильда – Л. Шутова

Ведь именно он в прошлом предрек ее будущее!), ОНА ОСТАВАЛАСЬ ВСЕГДА ЕДИНСТВЕННОЙ И НЕПОВТОРИМОЙ.

И уже останется!.. «Душа – это бессмертное, духовное существо, одаренное разумом и волею».

Эстетическое отношение к миру, стремление к красоте и гармонии предполагает не только любованье красивым, но и создание красоты...

В 2005 году он «вернулся в мой город, знако-

мый до слез...» Он – это Олег Павлович Табаков, город – Саратов! Все рвались к нему: он решил порадовать земляков, в связи с собственным юбилеем, гастролями обоих руководимых им театров: МХТ имени Чехова и популярной Табакерки.

Он приземлился точно в положенное время и спускался по трапу вместе с Мироновым, М. Зудиной...

Журналисты «закидали» народного артиста СССР, почетного гражданина Саратова, самыми неожиданными вопросами. Кто-то спросил его даже о том, что для него красота.

«Марина Зудина, – без промедления ответил Табаков, – моя мама и популярная в Саратове в свое время артистка Шутова. . .»

Он помнит ЭТО даже сегодня! ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ!

О том, что остается в жизни таких актеров на «невидимом фронте», можно только догадываться. Мне думается, что лучше всех об этом «догадался» Н. В. Гоголь:

«Призваны мы в мир вовсе не для праздников и пирований – на битву сюда мы призваны... А потому мы не на миг не должны позабыть, что вышли на битву и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей: как добрый воин должен браться каждый из нас всякий раз туда, где пожарче битва.

Всех нас озирает свыше Небесный полководец, и не малейшее его дело не ускользнет от Его взора. Не уклоняйся же от поля сражения. Вперед же, прекрасный мой воин! С Богом, добрый Товарищ! С Богом, прекрасный друг мой» («Исповедь»).

У меня сохранилась довольно обширная переписка с Ливией Васильевной за всю жизнь. Эти письма – живые свидетели «не праздников и пирований», а «жарких битв на поле брани»... И ее комментарии – жизненные, философские, вселенские – порой просятся на всеобщее обозрение, прочтение, осмысление... Но это уже другая сторона личности Актрисы, другая, как говорится, история...

Когда-то, много лет назад, я, будучи уже заслуженной артисткой Республики Молдова, успешной актрисой, в репертуаре которой были (идущие) такие спектакли, как «Барабанщица» – Нила Снежко, «Кошка на раскаленной крыше» – Мэгги, «Каменный гость» – Лаура и т.д., я поехала в Москву и поступила в ГИТИС имени Луначарского на театроведческий факультет. Хотела на режиссерский, но в тот год режиссерского заочного отделения не было («Случай, донна Анна...»). Попала я на курс известного театрально критика профессора Н. И. Эльяша. Помню, на собеседовании он задал мне только один вопрос: «Зачем Вам это надо, ведь Вы – играющая актриса?»

А у меня был период какой-то собственной недостаточности, и я искала себя. И в этом меня очень поддержала Ливия Васильевна. Помню свою первую сессию – приехала с чемоданом книг и связкой учебников... Меня встречали и помогли поселиться в гостинице «Москва» Натали с мужем (дочь Ливии Васильевны). Потом мы смеялись – великовозрастный Ломоносов за знаниями приехал в Москву...

И то, что я окончила институт, что этот период жизни в свое время открыл мне новый мир, в котором я живу и поныне – это в дальнейшем просто спасло меня – тогда, после успешного выступления с театром имени Чехова на международном театральном фестивале Румынской драматургии (в спектакле «Ти-

таник – вальс» я играла главную женскую роль), и была отмечена высшими категориями оценки актерского мастерства, но мне пришлось уйти из театра.

Ученики станут не новым, но главным смыслом моей жизни. И я смогу успешно поучаствовать в организации Театрального лица в городе Кишиневе, «родить» Республиканский Детский Центр Культуры имени Елены Рерих, стать художественным руководителем детского театра-студии и продолжать выступать с концертными программами – Пушкин, Тютчев, Цветаева, Есенин, Эминеску, Бунин, современная поэзия...

Регулярные поездки в Москву на экзамениационные сессии подарили мне «роскошь общения» с Ливией Васильевной – наши посиделки на кухне с разговорами на всю ночь после просмотров очередной премьеры или посещения репетиций Анатолия Васильевича Эфроса.

Помню, как-то приходит Ливия Васильевна из театра (она работала на Малой Бронной) и говорит, что Анатолий Васильевич выразил желание познакомиться со мной, когда она рассказала ему о моем понимании его спектакля «Три сестры». «Удивительно, – воскликнул он, – она говорит моими словами, будто присутствовала при разборке пьесы».

Нет, конечно, я не воспользовалась столь лестным для меня предложением.

Сохранились и мои работы-рецензии (кстати, среди них и «История лошади» в БДТ, творческие портреты актеров – среди них и творческий портрет Л. В. Шутовой). В дальнейшем писала о театре, об актерах в молдавских журналах, газетах, литературных изданиях... И это все с благословения Ливии Васильевны когда-то.

Черты русской духовности... При более близком знакомстве с Ливией Васильевной поражаешься ее сходству с творческим идеалом, который она утверждает на сцене – это, видимо, и дает ей нравственное право достойно нести свою миссию... «Какую Вы взяли на себя великую миссию и как достойно несете ее...» (слово зрителю!) – Чирков, преподаватель, после просмотра спектакля «Избираю мужество».

Жизнь как служение...

И если допустить, что духовное пространство человека – это он сам, его ближайшее окружение: семья, друзья, ученики, его Родина и, наконец, все человечество (причем каждый человек существует в нескольких ипостасях), то в духовном пространстве Ливии Васильевны на первом месте всегда оставалась работа. Этим досказано ВСЁ.

«С Богом, добрый товарищ!»

«С Богом, прекрасный друг мой!»

Спасибо за все, мой УЧИТЕЛЬ!

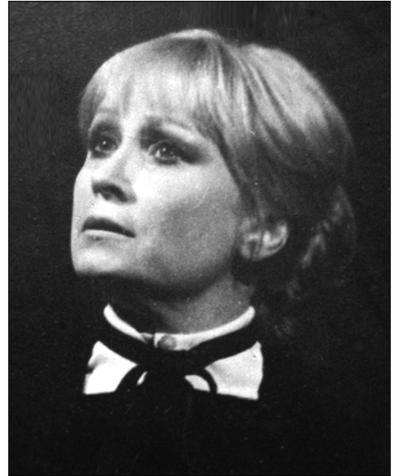
Лариса Хромова и Ливия Шутова

«А НАПОСЛЕДОК Я СКАЖУ...»

*«Я хочу воскресить весь тот мир –
Чтобы все они недаром жили –
И чтобы я недаром жила!»*

Марина Цветаева

Недавно, по случаю, мне довелось перечитать письма ко мне Ливии Васильевны – собственно, прочитать их как бы заново. Это чтение вызвало во мне сильнейшие эмоции – перед глазами еще раз промелькнула живая жизнь с ее страстями и тончайшими нюансами... Помню, как и раньше меня всегда трогала добросердечность ее писем, доброе расположение сердца и ее поступков. Эта тональность оказалась созвучной для меня с письмами Натальи Николаевны Гончаровой-Ланской, которыми я в свое время зачитывалась. Помнится, в «прошлой жизни» я говорила ей об этом... И спустя столько лет оказалось очень волнительным вновь окунуться в ее внутренний мир, вновь услышать голос любимой актрисы, вне роли... Конечно письма писались не для всеобщего обозрения. Тем дороже их искренность, сиюминутность во времени и пространстве... Но вот ее поздравительная телеграмма уже в связи с моим юбилеем была как бы открытым обращением ко мне, а посему – озвучена перед почтенной публикой в Органном Зале Кишинева, где в 2010 году проходил мой юбилейный концерт «Я – актриса...»: *«Дорогая и любимая Лариса Николаевна (Лорочка!). Я сердечно и от всей души поздравляю тебя со знаменательной юбилейной датой твоего служения искусству. Не перестая восхищаться разнообразием и объемом твоих талантов. Плодотворно и вдохновенно ты даришь людям счастье, радость, любовь, доброту и все то прекрасное, чем переполнена твоя щедрая творческая душа. Твое неиссякаемое завидное трудолюбие заслуживает высочайшего почтения, уважения и почитания. Ты состоявшийся большой мастер. И еще не все сказала. Лорочка, я желаю тебе крепкого здоровья, счастья и дальнейших больших блистательных успехов в твоём многообразном творчестве. С глубочайшим к тебе уважением и любовью.*

*М. Шатров, «Шестое июля»:
Спиридонова – Л. Хромова*

*Народная артистка РСФСР и Молдавской ССР Ливия Шутова,
Москва, 31 октября 2010 года».*

Эта оценка моих скромных трудов из уст моего Учителя – для меня бесценна. Один из героев Бредбери ненавязчиво дает понять, в чем главная ценность ушедшего: «Июньские зори, июльские полудни, августовские вечера – все прошло, кончилось, ушло навсегда и осталось только в памяти. Теперь впереди долгая осень, белая зима, прохладная зеленеющая весна и за это время нужно обдумать минувшее лето и подвести итог».

Портрет Заслуженной артистки
РМ Ларисы Хромовой в роли Мэгги
(Т. Уильямс, «Кошка на раскаленной
крыше») кисти Б.Соколова.

* * *

Ты меня покачай
На качелях земли,
Не до сна укачай,
Укачай до Любви!

А потом невзначай
Ты меня Полюби –
Высоко раскачай
На качелях Любви.

И храни Ты меня
Три поры – до Зимы.
До Зимы – для Земли
На качелях Любви.

И – храни меня! – в день,
И – храни меня! – в ночь,
И – храни меня! – так,
Чтобы было невмочь

Без Любви – те Дары –
Три поры – превозмочь.
Так – Люби! – три поры.

Три поры – до Зимы.
А в студеную ночь
Помоги мне Ты смочь
Притяженье Земли

И Зимы превозмочь.
И – с разлету – Любя!
С тех качелей меня –
В небо! –

Ввысь! –
Без «авось»! –
Навсегда! –
В звезды сбрось!

Лариса Хромова

Звезда над полем

*«Мы не скажем и слова о ней
В продолжение тысячи дней,
Потому что нам это и только осталось в наследство...»*

ГАЛИНА ОГОРОДНИКОВА
09.07.1959 – 04.11.2003

Какое наследство оставила мне Галя? Что я храню, как её завет?

Я часто вспоминаю Галю, и всё больше потому, что ничего подобного на моём пути не встречается. Так понимаешь значимость и величие человека.

Судьба Гали подобна метеориту. Загораживающее зрелище. Яркая точка, которая растёт в ночном небе, несёт много света и энергии, поражает воображение и, стремительно падая, разлетается вдребезги, оставляя огненный след и уродуя красоту чудовищным взрывом и размерами катастрофы.

Не могу сказать, что при её жизни я не понимал всей глубины и значимости этого человека для меня... Но вот после того, как много лет это место пусто...

Когда умирает близкий и родной человек, то на суде Божиим ты всегда стоишь вместе с ним. И тебя тоже судит Бог. Судит страшными вопросами: кто ты был в жизни покойного? Был ли ты сыном, другом, братом... Какова была твоя любовь и преодолел ли ты собственный эгоизм в отношениях? Было ли всё между вами по настоящему, по правде? А ведь если мы здесь не полюбили друг друга, то как сможем мы быть вместе в вечности?

Как-то Галя была на поминках человека, который покончил с собой. Было сказано много слов, выпито много вина. Галя вдруг встала и сказала, что если бы мы все сказали ему при жизни хоть по разу это, то он был бы жив. Галю, конечно, выгнали с поминок, но все понимали, что она права.

Однажды она сказала мне, что я никогда не стану Макмёрфи. Мы вышли из кинотеатра «Искра» после просмотра фильма «Пролетая над гнездом кукушки».

Мне было 16 лет, ну, в общем, дурак дураком. Не помню, о чём я говорил пока мы шли к остановке, но точно помню, что пытался делать вид, что могу легко рассуждать об этой истории. И вот тут прозвучал приговор. Всё произошло очень быстро, но я успел увидеть её взгляд. Она плакала... Она плакала обо мне!!!

Я познакомился с ней на кухне у главного «проводника» моей юности, который, по лучшему для меня стечению обстоятельств, был её мужем. Именно то, что она жена человека, который открыл для меня удивительный мир культуры, научил меня рассуждению и пониманию, заставило меня повнимательней вглядеться в образ этой женщины. Ведь не мог же Серёжа Тихомиров выбрать себе в жены случайную «тётку». Кстати, она упокоилась с его фамилией. Развелись они ещё в СССР. В свидетельстве о смерти она Тихомирова. Но на надгробии мы всё же написали Огородникова – так она звучала для нас всегда.

Маленькая кухня в доме на улице Алёшина, на дворе 1985 год. Гале тогда было 26 лет. Она, прислонившись к кафельной стенке, медленно курила и ждала, пока закипит чайник. Я пытался произвести хорошее впечатление какой-то пустой болтовнёй. Но очень скоро я почувствовал, что эта взрослая женщина не столько слушает меня, сколько смотрит на мальчика, которому ещё предстоит жизнь.

В этом был главный дар нашей Гали. Она слушала тебя, она замечательно умела слушать. Часто в разговоре было полное ощущение, что она сейчас принадлежит тебе, что ты – содержание её жизни. Именно поэтому каждый был уверен, что она – его лучший друг, что она ни с кем так не бывает доверительна, как с тобой. И это было во многом правдой!

Так завязалась наша дружба, благодаря которой я во многом есть тот, кто я есть.

Галя без сомнения мой учитель и воспитатель. Она никогда не ставила цели быть кому-нибудь наставником, но её личность была всегда настолько притягательна и неподражаема, что вокруг неё всегда были люди. В её присутствии можно было учиться.

Летним днём я зашёл в Чуфлинскую Церковь, просто потому что проходил мимо. Храм был полон народу, шла служба, было жарко и душно. Жару я запомнил потому, что лица священников, которые были одеты во все облачения, были красны. И тут я увидел Галю, которая стояла на коленях и молилась. Я дождался конца службы и проводил Огородникову домой. «Галя, – спросил я, – ты видела лица этих попов? Разве так должны выглядеть верующие люди?» Ответ Гали стал для меня не просто ответом, а словом, которое открыло для меня целый новый мир. Галя сказала: «Неверующих священников я не встречала, они все верующие. Но вот любящие ли?»

Она не договорила, но этого было и не нужно. Я не понял, что она имела в виду, как почти ничего и не понимал из её слов. Но Галя была человеком, щедро раздающим авансы! Большинство её слов обретали смысл позже. Уже став священником, я вспомнил её слово и готов под ним подписаться. Веровать в Бога не трудно – это меня ни к чему не обязывает. Но вот любить Его – означает жить по-евангельски и подражать Христу.

Галя писала песни на собственные стихи до какого-то времени. Потом наступил период, когда она стала петь песни на стихи других. Я спросил её об этом, и она сказала мне, что никогда не чувствовала себя поэтом, но при этом всегда чувствовала слова «великих». И здесь Галя не врала. Я слышал от неё стихи современных авторов, с которыми она встречалась на своём пути, она постоянно читала поэтов «золо-

того» и «серебряного» века. Она искренне восхищалась их талантом, могла часами рассказывать о красоте этих людей и их стихов.

Лишь ближе к смерти Галя снова стала писать песни и на свои стихи – но это уже была настоящая высота.

Сейчас, взглядываясь в прошлое, я вспоминаю, что у Гали никогда не было никаких проектов. Она не строила жизнь и не строила планов на неё.

Последние годы её жизни были ужасны. Трудно было узнать в ней ту Огородникову, которую мы знали. И если это было трудно нам, то тем, кто не знал её раньше, было вообще невозможно увидеть в этом почти божье то величие, о котором свидетельствовала память наших сердец. Не знаю, можно ли было что-либо изменить, но эту вину я чувствую всегда. Я был очевидцем её катастрофы, самоуничтожения, саморазрушения и не смог ей помочь. Прости, Галя, но, видимо, любящим я так и не стал.

А вот Галя могла любить и отдавалась всегда своей любви. Она любила нас, и эта любовь созидала нашу жизнь. Благодаря ей я понял, что любовь – самый быстрый способ познания. Если любишь человека, то его слово ложится в твоё сердце с радостью и светом. Ты не проверяешь это слово, не ищешь в нём изъян и не ждёшь подвоха. Ты благодарно принимаешь эту энергию любви и света, которые исходят из сердца, для которого ты дорог и важен.

Все, что было связано с жизнью Гали, носило на себе печать жизненной трагедии. Но именно это и давало ей силы быть уникальным человеком, свободным от того, что мы называем обычностью.

С точки зрения обывателя жизнь Гали выглядела полной катастрофой. Ни семьи, ни детей, ни дома, ни денег – ничего этого у неё не было. Вечная бедность, психические расстройства, алкоголизм – так выглядела её жизнь внешне. Но, Господи, как бы хотелось, чтобы эта пробуждённость хоть краем риз, хоть на секунду коснулась сердца каждого человека. Мой любимый Старец Софроний Сахаров однажды воскликнул в беседе с братией своей обители: «О, как бы я хотел, чтобы вы все были поэтами!»

Свой реквием, свой некролог Галя написала сама. Он звучит в песне, которую она посвятила своей подруге, но я уверен, что это слово Галя сказала о себе. Я принимаю его и как суд над собой, и как завет Гали.

Виталий Шинкарь

---

* **Виталий Шинкарь (о. Виталий)** – кишиневец, детство провел в ТЮЗе при 34-й школе. Крестился в 18 лет. Священник, клирик Свято-Георгиевской Церкви Кишинева.

ГАЛИНА ОГОРОДНИКОВА**БАБЕТТА**

(На диске: О. Апраксиной)

Мы не скажем ни слова о ней
В продолжение тысячи дней,
Потому что нам это и только досталось в наследство.
Мы не скажем о ней никому,
Ни в огне, ни в воде, ни в аду,
Пусть боимся чего – и тюрьмы, и сумы, и последствий.

Мы не скажем о ней никому,
Это непостижимо уму,
То, что мы вытворяем, чтоб только никто не увидел
Эту смертную бледность лица,
Эту тень жениха-подлеца,
Эту, в той, что святую обидел святую обитель.

Мы не выдадим тайны до тех
Пор, пока наш неистовый грех
Не превысит стотысячно меры её поруганья,
Мы отрубим ей воду и свет,
Мы пошлём ей терновый букет,
Мы назначим ей первое в пьяной бадыге свиданье.

Мы не скажем ни слова о той,
У которой обычай простой –
В завершенье всего поглядеть как ни в чём не бывало
На размытость изысканных черт,
Уплывающих в вечную смерть,
Мы не скажем ни слова о той, что себя отыскала.

Мы не скажем ни слова о ней
В продолжение тысячи дней,
Только Бог не Тимошка, и вправду Он видит немножко.
Так что нам что молчать, что кричать,
Все равно на Суду отвечать
За враньё, за упрямство, за подлость, за пошлость, за то что

Мы не скажем ни слова о ней.

* * *

Вот и дом, вот и двор,
 Во дворе чёрный пёс.
 В двух кварталах собор,
 В трёх кварталах погост.

Вот и стол, и постель,
 Вот святых жития,
 На стене акварель,
 Рисовало дитя.

Рисовало свой дом
 В изумрудном лесу,
 Под квадратным окном
 Рисовало лису,

Золотую, как ключ
 В неуклюжей руке,
 Золотую, как луч
 На румяной щеке.

Вот и дом, вот и двор,
 Во дворе чёрный пёс.
 В двух кварталах собор,
 В трёх кварталах погост.

* * *

(Переписано с автографа)

До светла грезить-гореть,
 До поры вольно дышать,
 До зимы, до холодов
 В синеве птахой кружить.

А потом крепко любить,
 без ума бредить-дрожать,
 а ещё в ночь пустырём
 волочить крылья в крови.

А потом жить-пропадать,
 что ни день Бога гневить,
 обмирать серым лицом
 и впотьмах горькую пить.

А потом петь-выживать,
 на ветру веру беречь,
 о судьбе думать-молчать,
 а ещё в небо глядеть.

А потом ликом сиять,
 у огня тесто месить,
 у окна ждать-ворожить,
 а ещё чадо рожать.

А потом скоро стареть,
 дочерна цвель-выцветать,
 что ни ночь, слушать пургу,
 а ещё думу таить.

А потом дверь отпирать,
 налегке в путь уходить,
 по звездам стыть-кочевать,
 запивать хлеб синевой.

И опять грезить-гореть,
 напослед вольно дышать,
 а потом вместе с землёй
 остывать в небо челом.

* * *

Бельё полощут женщины,
К босым ногам упругим,
В песке сыром замешаны,
Цветные юбки льнут,

В старинной пляске бешеной
Мелькают споро руки,
А женщины, а женщины
Рукам не в такт поют –

Нет, нет, нет – не о любви.

Но над рекою кружит,
Цветёт в глазах уверенных,
Навеки околдованных,
Приняв святой завет:

Ни домотканых кружев,
Ни простыней отбеленных,
Ни серебра столового
Бездонный звонкий свет –

Нет, нет, нет – только любовь.

Не надо о прошедшем,
Ведь всё, что было – было.
На редкость нерадиво,
И слов не разобрать.

Эскортом сумасшедшим
В глазах моих проплыло
Лицо, пейзаж дождливый,
Что было – не понять...

Да, нет, да... – нет, не любовь.

Что было – было в прошлом,
Не надо нареканий.
Теперь сильней, чем прежде
Не нужен суррогат.

Взамен приму лишь то, что
И слов, и обещаний,
И веры, и надежды
Важнее во сто крат:

Да, да, да – только любовь.

КИШИНЁВУ

Это город страстей и соперниц,
Неподкупных и в ревности чёрствых,
Кое-как переживших неверность,
Перешедших растерянно в сёстры.

Это город, где гордый мужчина,
Подарив неизбежным уходом,
Неизменно становится сыном,
Появляясь в дверях через годы.

Это город, где в ссыльные лета
Психовал и беспутничал Пушкин,
Это город трусливых поэтов,
За советом бегущих в психушку.

Это город намерений дерзких,
Подрастающих на самиздате,
Это город, где мальчик еврейский
Всё равно выбирает Распятье,

Всё равно выбирает дорогу
В стороне от проложенной нами.
Это город, отмеченный Богом,
И об этом пока что не знает.

* * *

(На диске: Саше Симонову)

Сына подарит Бог,
Бог и никто другой.
Будут рядить потом:
«Духом зачат Святым!»

Да снизойдёт и Дух
Божьей любви слугой!
Да снизойдёт и Дух! –
Бог обернётся Им.

Только ведь до всего
Деву увидит Он,
Деву полюбит Бог,
Лучше Которой нет.

Божий заставил страх –
Скажут о том потом.
Но для кого-то – страх,
А для кого-то – свет.

Так для кого-то Бог –
Если не враг, то бред,
А для кого-то жизнь –
Если не Бог, то ад.

Деву полюбит Бог,
Лучше Которой нет,
Сына подарит Ей,
Духом оставшись Свят.

Сына подарит Бог,
Бог и никто другой.
Будут рядить потом:
«Духом зачат Святым!»

Да снизойдёт и Дух
Божьей любви слугой!
Это захочет Бог
Сына – и станет Им.

УВИДЕТЬ*(На диске: Юре Орехову)*

Я бы хотела увидеть тебя страшно,
 Вызвонить, выцыганить у пространства,
 Сделать хотя бы единственный день нашим,
 Пестуя имя твоё и твоё пьянство.

Реже и реже вокруг узнаю лица,
 Чуждая всюду, а мне бы хотелось – рядом.
 Что ни выдумывай, жизнь без тебя длится,
 И означает, что мне никуда не надо.

Я не боюсь, одиночества – вон сколько,
 Этого, в сырых пределах земли нашей.
 Я ничего не хочу, ничего, только
 Я бы хотела увидеть тебя страшно.

**РАЗГОВОР С ШЕСТИЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКОЙ
 О КАРТИНЕ ИЕРОНИМА БОСХА «НЕСЕНИЕ КРЕСТА»**

– А кто вот этот, с бревном?

– Это Иисус Христос.

А нарисовал Его Иероним Босх.

– Иероним Бог?

– Иероним Босх.

Но ты почти что права –

Тот, что с бревном – Бог.

– Это бревно – Крест,

Жутковатая быль...

– А разве же Бог есть?

– У Босха, как видишь, был.

– А почему тогда

Он тащит бревно один?

Он всех рассердил, да?

– Скорее, опередил,

Точнее, переродил,

А в общем перепугал.

– Он что, полководец был?

– Ага...

Всё войско Его, представь,

Двенадцать бродяг босых,

Уверовавших в Христа,

В то, что Он Божий Сын.

– А почему Сын?
Он же ведь Сам Бог.
– Видишь ли, Бог един
В лицах, причём в трёх.

– Что ж это, три лица
У одного вдруг?
Да: Сына, Отца,
А третье зовётся Дух.

– А как Он таким стал?
И где же Его дом?
И что Он такое знал...
А мама Его кто?..

* * *

Один мужчина, умница и красавец,
Поэт ко всему, – чудная смесь!
Спросил меня – можете себе представить! –
Меня спросил: «А любовь есть?»

Я ответила. И ответ этот
До сих пор на меня из угла тарашится.
Я ответила: «Кажется...»

* * *

По ночам разбойный свист
Душу больше не пугает.
Я опять стою нагая,
Не поэт и не артист.

Жмусь поближе к небесам,
Выйдя из полуподвала.
Улыбаясь, жду начала:
Голоса и колеса.

ЛЮТНЯ

(На диске: Алёне Бавевой)

У этой лютни цвет твоих волос,
У этих листьев запах твой и шелест
Твоей одежды. Боже, неужели
Мне ощутить все это довелось!

Я до сих пор не знаю, для чего
Мне это всё запомнилось так прочно.
Рассказывай другим, что ты порочна!
Станцуй другим, что было до того!

Как я тебя, бессвязную, прочёл,
Не вчитываясь, чтобы не запомнить
Нечаянно деталей незаконных,
Которые здесь, в общем, ни при чём,

Которые случились не с тобой,
Которые хотели стать тобою.
Но ты была такой на поле боя,
Что мы с тобою выиграли бой.

* * *

(На диске: Юре Турчинскому)

Поведи меня туда,
Где сияет синь и зелень,
Где таинственные земли,
Где ни сора, ни стыда.

Покажи, как нужно есть,
Чтобы легче и свободней,
И тогда уже сегодня
Буду знать, что это есть.

И тогда смогу его
Привести сюда с собою,
Будет ясно нам обоим,
Что чудеснее всего.

И тогда, возможно, здесь,
Где всегда так много света,
Он, найдя в себе всё это,
Будет знать, что это – есть.

ЭТА ЖЕНЩИНА

(На диске: Марине Доля)

Эта женщина такая потому,
Что от жизни слишком крепко ей досталось,
Непонятно, как ещё она осталась,
Но о том известно Богу одному.

И о том известно Богу одному,
Что приходит к ней мужчина самый лучший,
Улыбается ему счастливый случай,
Но она не улыбается ему.

Просто смотрит проходящему в лицо,
Просто слушает и поит крепким чаем.
В самом деле ничего не замечая,
Провожает на высокое крыльцо.

А оттуда свод небесный виден так,
И такие подозрительные тучи,
Что мужчину беспокойство жжёт и мучит:
Для неё теперь взлететь – такой пустяк!

И поэтому спокойную её
Он поддерживает бережно под локоть,
Понимая, что с того немного проку,
Всё равно она сама и о своём.

Эта женщина такая потому,
Что от жизни слишком крепко ей досталось,
Непонятно, как ещё она осталась,
Но о том известно Богу одному.

МОЁ ПАДЕНЬЕ

(На диске: И. Солонкову)

Перешиби мой обух плетью,
Переживи моё паденье.
В простой узор на платье летнем
Впишись заблудшей светотенью.

Что было сил встряхни за плечи,
Неверный путь засыпь цветами,
Закрась своей горячей речью
Нелепый цвет моих желаний.

Заставь забыть навечно тайну,
Что стала явной мне при свете:
Наверно я стояла крайней,
Когда Всевышний шельму метил.

Заставь меня поверить снова,
Что где-то есть от губ – до гроба,
От озаренья – до остова
И от остова – до острога...

Но если всё-таки не в силах
 Перешибить мой обух плетью,
 Ты, уходя, впишись, мой милый,
 В простой узор на платье летнем.

* * *

Я жить без тебя не могу,
 Я жить без тебя не умею.
 Я пуст и я страшно жалею,
 Что ты на другом берегу.

Что смотришь иначе на всё,
 Что чуждым и чадным болеешь,
 Что жить без меня не умеешь,
 Но всё же и это снесёшь.

* * *

Когда подымается ветер
 В миру,
 Я знаю, что будет на свете
 К утру.
 Прольётся безудержный ливень
 Стеной,
 Сбивая июльские сливы
 В окно.
 Внезапно пахнёт побережьем
 Морским,
 И древний послышится скрежет
 Тоски.
 И словно лунатик, влюблённый
 В луну,
 Навстречу стихии бездонной
 Шагнул.
 И неумолимые струи воды
 Мои неподдельные вскроют черты.
 И тотчас светящейся сферы
 Слои
 Укажут дорогу химерам
 Моим.

Лицо безрассудное бросит
 В огонь,
 Взметнётся в далёкую осень
 Ладонь,
 И что-то качнётся в заветной
 Глуши,
 И праздник начнётся запретный
 Души.
 Где облик дражайший очертит луна,
 И смертно забьётся под сердцем вина.
 Где вновь от любви ни жива
 Ни мертва
 Единственно нужные вспомню
 Слова.
 И буду прощаться сквозь слёзы и смех,
 Прозрачные руки целуя во тьме.
 И счастлива буду как прежде
 От крох,
 Покуда рассвет не застигнет
 Врасплох.
 Когда подымается ветер
 В миру...

ПРЕДПОЧИТАЮ

Предпочитаю началу конец,
 Переговорам – выстрел в упор,
 Я киселю предпочитаю свинец,
 А разговорам по душам – приговор.

Расставив точки где надо давно,
Предпочитаю последнюю пьянь,
Когда копаются победно-умно
В моих глазах интеллигентная дрянь.

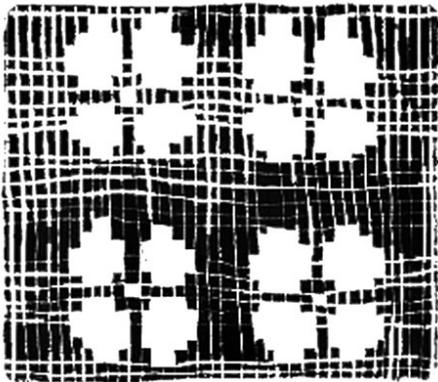
Предпочитаю хрустальный оскал,
А русской водке – нелюбимый коньяк,
Когда выплескиваю, харкнув в бокал,
В свиную харю – потому что свинья.

Владея пятками и головой,
Ван Гога я предпочту Пикассо,
Лишь потому что в гостях у него
По смуглым далям можно бегать босой.
Предпочитаю соплям корвалол,
И маникюр ломаю, чтоб не упасть,
Когда меня до юшки мордой о стол,
Но слава Богу, что не я, что не в грязь.

Предпочитаю неверным словам
Любовь без плана, реестра и мер,
Но только так, чтобы в тени – сорок два,
И чтоб зашкаливало наш амперметр.

Предпочитая всем пряникам плетть,
В анатомичку продам свой костяк,
Чтоб научиться над пропастью петь
И не цепляться от пустот за косяк.

Галя ОГОРОДНИКОВА

Егоркина Тайна

СПАСИБО
Спонсору
за желание остаться инкогнито
Звукорежиссёру Юрию Табучу
за адекватную реакцию
на неудовлетворительное поведение
во время записи
Ольге Апраксиной
за оформление обложки
Олегу Васенёву
за умение работать на компьютере
Свете Кукловой
за борщ

Записано
летом 2001 года
в продакшн-студии
InfoRadio

Галя ОГОРОДНИКОВА

<http://galina.phun.md>
© 2001 Галяна Огородникова

Галя ОГОРОДНИКОВА

Егоркина Тайна

Мы искали биографические данные Галины и получили вот такое письмо. Сокращать его представилось неправильным.

«Ксюша, привет! Ну так, навскидку, что помню: Огородникова Галина Петровна, родилась 9 июля 1959 года на Сахалине. Переехала с мамой в Кишинёв, думаю, в конце 60-х годов, так как в начальной школе училась уже в Молдавии.

Отец – военный лётчик, она совершенно случайно узнала о нём в середине 90-х, как выяснилось, он жил тогда где-то в Бельцах. Галка никогда в жизни его не видела и поехала с ним встретиться. Они провели вместе несколько часов, но, видимо телесное родство никак не влияет на душевно-духовное. Большие они не встречались.

Приехав в Кишинёв – Галина мама – Катерина Андреевна вышла замуж за Михаила Васильевича Святкина, и они поселились в доме, что в Фонтанном переулке. Почти как Ахматова и Фонтанный дом.

Да, что-то у меня длинная повесть ни о чём получается. Потому что точных фактов я не знаю. Собственно, для биографии поэта они не нужны.

Настоящий поэт – он всегда ниоткуда, с луны, с марса, его родина не здесь.

Вот не смотря на то, что Галка училась в обычной кишинёвской школе, ее грамотность как в речи, так и в письме была безупречна (откуда? она училась очень посредственно).

Окончила седнюю школу. Пару раз поступала на филфак, сдавала экзамены на все пятёрки, но сразу забирала документы.

Это всё в Одессе – ну, приехать на море, общага бесплатно, искупаться, позагорать, пока все зубрят русский и литературу. Экзамены были для неё не проблема. То есть это был такой способ съездить на море.

Дальше: лет в 18-20 она стала ходить в КСП и самодеятельный театр Альба. Выступала, разумеется, и там, и там, но никак нельзя было сказать, что Галя – девушка из КСП или из театра. Она была всегда с ними, с нами, и в то же время всегда – ВНЕ.

Работать долго на одном месте не могла вообще. Но из того, что я знаю – работала в археологических экспедициях, дояркой в каком-то колхозе, библиотекарем, дворником, посудомойкой, уборщицей. На рубеже 80-90-х был недолгий период, когда она собирала тусовку в ДКЖ, нечто типа

Маленькая Галя – на заднем плане

литературно-музыкального салона, и ей даже платили за это какие-то деньги. На этих вечерах было очень интересно и хорошо. Я многое отдал бы, чтобы снова окунуться в ту волшебную атмосферу хоть на полчаса.

С начала 80-х годов ездила на фестивали КСП, а так же в Москву и Ленинград, где у неё всегда находились друзья-подруги-поклонники, у которых можно было остановиться. Если кто-то из окружающих вызывал у неё интерес – знакомилась мгновенно, мимо яркого творческого человека не могла пройти.

Мне кажется, что Галкина жизнь состояла наполовину из творчества, наполовину из отношений с людьми. Она так себя реализовывала. В чём-то похожа на Цветаеву: если влюблялась – то сразу и на все сто, если сочиняла песню, то – хоть бомбу рядом взрывавай – пока не закончит, не оторвётся.

Ещё я думаю, что Галя вполне сознательно стала впускать алкоголь в свою жизнь. Она была создана для этого мира, но лишь отчасти. Нет, она не чувствовала себя слабой или неуверенной. Просто душа задыхалась. И дело не в отсутствии денег, общей неустроенности или нехватке любви. Как будто она всегда чувствовала эту тленность здешнего бытия, недостижимость вечности отсюда и тоску по Богу.

Порой, чем больше пила, – тем сильнее были стихи и песни.

Я думаю, все же она решила уйти. Ей здесь нравилось всё меньше и меньше. Водка – это было как раз то, что нужно. Не очень быстро и по типу тошнотворности – вполне соответствует впечатлению от жизни.

Как ни печально – таких людей много. Но мы редко о них слышим, т.к. не всем удаётся писать песни.

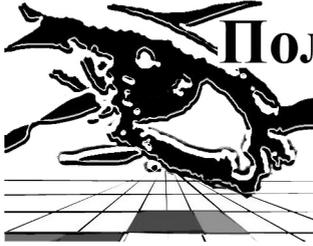
Теперь главное: песни. Они по большей части невесёлые. Красивые, завораживающие, задиристые – не важно. Какие бы они ни были, главное в них – это сам автор, который просто поёт ПРАВДУ. И это всё.

Вот, Ксюш, извини, все равно получилось сочинение... а фактов нет. А по-другому тут – никак.»

Сергей Тихомиров

Редакция «Русского поля» выражает искреннюю признательность Ксении Солонковой (Москва) и Сергею Тихомирову (С.-Петербург) за горячее содействие в подготовке публикации.

Поле зрения

ALEX PRODAN

КАК МЫ ЖИЛИ Цикл «мемуаризмов»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давно задумал цикл воспоминаний-размышлений о том, что помню и что кажется мне достойным упоминания. И вовсе не потому, что жизнь моя представляет из себя что-то исключительное, скорее наоборот, она во многом типична для большинства моих современников. Но все же это моя, единственная и неповторимая жизнь. В ней были и события, произошедшие только со мной, или же общие для многих вещи, которые мы по-разному пережили и вынесли из этих переживаний совершенно разный опыт. Вот на стыке типичного и особенного мне и захотелось кое-что вспомнить. А так как я всегда пишу лишь о том, что неплохо знаю и исхожу из собственного жизненного опыта и собственного же разума, то все, что я могу написать, будет насквозь пристрастным, субъективным и очень личным.

Я долго думал над планом этих размышлений и, в конце концов, пришел к выводу, что плана, как такового, придумать не могу, но могу выбрать лишь форму и метод. Что-то вроде автобиографии, строго хронологической, или же какие-то эскизные зарисовки тех или иных событий, явлений, памятных вех, симпатий-антипатий и еще то, что кажется мне сегодня наиболее характерным из происходившего со мной и близкими мне людьми. И я выбрал второй путь, а может это он меня выбрал, кто знает, тем более что я далеко не уверен, что у меня что-то путное получится, а если получится, то оно заинтересует кого-либо, и еще, что я сумею довести задуманное хоть до какого-то логического конца. Выводов же из всего этого мемуарного безобразия я и вовсе не намерен делать, т.к. еще жив и со мной все еще что-то происходит, так что подводить итоги мне просто недосуг.

Одна глава потянула за собой следующую, а та еще две. Ведь в памяти нашей все так связано, что стоит потянуть за ниточку и вот уже разматывается клубочек. В конце концов, мне пришлось набросать подобие плана предполагаемых глав, хотя их названия и последовательность менялись. Одно лишь для меня сразу стало несомненным и незыблемым, – это то, что первая глава будет называться «Трусы». Ударение на втором слоге, т.е. именно предмет туалета. Почему же именно трусы, а не, скажем учителя или партсобрания, или, на худой конец, рыбалка или книжки? Сам не знаю, но уверен, что именно так я и должен начать, это будет камертоном для всего, что мне удастся написать после этого. Итак:

Глава 1: ТРУСЫ

Начну с самого раннего впечатления. Я вспоминаю, что когда мама вывешивала свои только что выстиранные зимние штаны на бельевую веревку во дворе, то последняя провисала почти до самой земли, и я даже думал, что она может порваться. Но она не порвалась ни разу. Обычно мама вывешивала не более двух пар своих толстых, байковых, практически до колен и с резинкой внизу, трусов. Цвет, насколько я помню, был или бирюзовый, или голубой, но всегда светлый. Они были очень толстые и, будучи мокрыми, очень тяжелые. Это-то меня и смущало. И еще то, что наш петух нередко подпрыгивал и все норовил их клюнуть, словно бы говоря окружающим, что трусы эти покушаются на его исконную территорию.

Когда же мама, наконец, снимала их с веревки, то я с удивлением обнаруживал, что не такие уж они и тяжелые, и радовался, что они такие солидные и теплые, ведь мама работала далеко от дома и ездила на суточные дежурства в больницу сначала в одно, затем в другое соседнее село, а если дело происходило зимой, когда трусы эти занимали подобающее им место, то они защищали ее от ветра и стужи при ожидании попутки или по дороге на ж/д станцию через продуваемый всеми ветрами луг. И все равно даже эти надежные и теплые штаны не всегда спасали ее от простуд и всяких воспалений сугубо женских и нежных органов. Я пытаюсь сейчас вспомнить – сколько же у мамы было про запас таких штанов, и прихожу к выводу, что не более трех-четырех. Но были, конечно, еще и летние, тоже довольно большие, совсем не похожие на нынешние веревочки, и даже других цветов – кремовые, розовые, некоторые даже с кружавчиками, но и этих было очень мало, вот за это ручаюсь. И еще помню, что у мамы никогда не было специальных купальных трусов или купальников, и когда мы иногда по воскресеньям всей семьей ходили на озеро позагорать и порыбачить, то мама просто надевала свои лучшие трусики и лифчик и выглядела в них потрясающе, и мы все ее еще больше за это любили.

Вспоминаю я и папины трусы, практически всегда черные и очень длинные, т.е. по длине такие же, как у Мохаммеда Али или Кости Дзю. Но были они, конечно же, куда проше и шире. Именно в таких трусах папа играл в футбол за сельскую команду и ездил по воскресеньям на районные соревнования в близлежащие села. Иногда брал и меня с собой, и это были совершенно незабываемые впечатления. У меня даже сохранилось несколько фотографий папы в составе команды, где он гордо позирует именно в таких, до колена, черных сатиновых трусах. Думаю, что у папы их было чуть побольше, чем у мамы, т.к. моя бабушка, а папина мама, нередко делала ему подарки, присылая из города несколько пар этих галантерейных изделий. Маме же она не присылала ни трусов, ни чего-либо другого.

И вот я плавно перешел к своим собственным, детско-юношеским, трусам. Было их у меня тоже негусто, вряд ли больше четырёх пар – две темно-синих и две черных. Купался же я обычно и вовсе без трусов, если, конечно, на берегу не присутствовали дамы любого возраста. И я вам должен сказать, что черные трусы очень практичны в первую очередь потому, что их приходилось значительно реже стирать, чем если бы они были белыми или светло-голубыми. Это я понял, когда в школе мне выдали именно такие, белые с синими лампасами трусы, для поездки на районные соревнования. Я их и недели не пронесил, как их уже нужно было стирать; морока, короче, сплошная. Но самое незабываемое впечатление моего подросткового возраста, это когда наша хорошая знакомая привезла из Чехословакии мне в подарок первые в моей жизни плавки из кримплена, небесно-голубого цвета с золотыми звездочками, пояском и металлической пряжкой, на которой был вытеснен какой-то герб со львом. Ничего подобного я до того не видел и будь моя воля, то я ходил бы в этих трусах день и ночь, не надевая штанов. Впрочем, про штаны я зря здесь упомянул, т.к. это уже совсем иная материя и я поясню почему. Трусы, они все же обычно скрыты от взглядов посторонних, они просто часть тебя и не предназначены для всеобщего обозрения. Штаны же, совсем напротив, хоть и твои, но они всегда напоказ и именно по ним окружающие делают о тебе кое-какие выводы. Так что о штанах пока погодим говорить.

Глава 2: ИГРУШКИ

Всю свою жизнь я во что-то играю, но в детстве это было значительно интереснее.

Игрушек этих у нас-то как раз почти что и не было, я вам их сейчас по пальцам одной руки все перечислю.

Конь гипсолитовый, крашенный, на деревянной раме с колесиками, с отбитой мордой и без одного колеса. Но мы с братом его очень любили и нередко по-братски спорили за первенство обладания им. Хорошо все же быть старшим братом. Была еще лягушка резиновая со свернутым резиновым аппендиксом на животе, в который через тонюсенький шланг нужно было качнуть резиновой грушей воздух, и тогда лягуш этот делал попытку подпрыгнуть, хоть это и не всегда ему удавалось. Да и вообще, прыгал он недолго, т.к. шланг прохудился, груша куда-то запропастилась, и все такое прочее. Под третьим номером я с трепетом и нежностью вспоминаю самую любимую нашу игрушку, за которую мы соперничали с братом аж до годков 12-13 (моих, а братовых на 3 года меньше). Это был вельветовый мишка весьма скромных размеров, с двумя глазами-пуговицами и

при рождении обладавший буро-травяным окрасом. Мы с ним спали по очереди – две ночи я и одну брат, т.е. по-честному. От этого совместного спанья рубчики вельветовые очень быстро стерлись, цвет медведя стал трудноопределимым, один глаз пропал вовсе. Со временем выяснилось, что мишка наш, оказывается, был набит обычными древесными опилками, которые из прорех начали покидать измученное тельце. Наш косолапый друг к этому времени был уже полным инвалидом и потерял одну из верхних лап т.к. попал однажды в пасть нашему Тузику, не помню, из какой династии – у нас все дворовые псы были Тузиками, а один даже прожил лет 14 и скончался от благородной старости, а не от заряда дроби или под колесами машины.

Как же мы любили этого искалеченного мишку, это просто невозможно себе представить! Я вот сейчас, вспоминая его, просто совершенно не владею собой от прилива каких-то давно подзабытых чувств. Мир праху его, как и всему нашему детству.

А еще у нас с братом как-то появился конструктор, т.е. набор алюминиевых планочек с высверленными вдоль них отверстиями, каких-то реечек, скобочек и кучи винтиков-шпунтиков, которыми эти реечки друг к дружке прищипандоривались. Ах да, были еще, недолго, правда, колесики на резиновом ходу и еще что-то, но что, убей бог, не помню. Прожил у нас этот конструктор почти целый год и доставил нам с братом немало радостных творческих минут в промежутках между ссорами по поводу очередного проекта сборки.

Но самыми любимыми для меня все же были обычные будильники, их в нашем доме поперебывало немало из-за моей невинной детской страсти, а уж сколько тумачков принесло мне мое неумное любопытство, об том я лучше промолчу. Что можно сделать с будильником? Правильно, разобрать. Это совершенно упоительное занятие, особенно пока этот чудо техники тик-такает. Но в процессе разборки всякая жизнь покидала обреченный механизм, а я наслаждался видом всех этих шестеренок, пружин, анкером. Но все это было лишь подготовкой ко второму акту драмы – собрать и посмотреть, что из этого получится. Как ни странно, но сборка проходила на удивление гладко, если не считать такой мелочи, как пара ненужных зубчатых колесиков благородного латунного цвета. Первая сборка потрясла меня тем, что будильник этот так и не пошел, хотя с виду был даже лучше прежнего, живого. Потом я к этому привык, хотя чувство легкого недоумения по поводу ненужных деталей так и не покинуло меня до сегодняшнего дня.

Справедливости ради не могу не упомянуть еще одну совершенно обалденную и фантастическую игрушку, которую я выменял на старый мамин халат у старьевщика, что раз в месяц посещал наше село. Это был калейдоскоп. Назвать его просто игрушкой, конечно, нечестно, скорее это было для нас тем, что сейчас называют домашним кинотеатром или мультимедийным центром. Разглядывая эту феерическую симметрию я буквально впадал в нирвану, хотя слово это пришло в мой лексикон значительно позже.

Все описанное мною игрушечное разнообразие относится к самым ранним моим годам в промежутке от двух до семи лет, но именно эти игрушки так и остались для меня самыми любимыми. А Мишка одноглазый и однолапый до сих пор жив во мне и даже пару раз приснился.

Уже живя в городе, я обзавелся другими игрушками, на них тоже хватило бы пальцев второй моей руки. Во-первых это был велосипед «Орленок»,

темно-кофейного цвета, который у меня через год украли. Потом появились коньки, их подарила бабушка. Настоящие канадки, наглухо прикрученные к ботинкам, и я стал заядлым хоккеистом. К сожалению, играть на коньках приходилось только зимой, а они в ту пору были довольно длинными и холодными. Дважды переломанная ключица, рука, вторая, разбитый лоб, нос, не говоря о синяках и шишках, сопровождали мою страсть к патинажу. А потом мною овладели чисто интеллектуальные игры – всякие там эрудиты, буриме и прочее, которые вскоре полностью вытеснил преферанс – вначале на щелбаны, колодой по ушам, выпитой литрами водой, а затем и по полкопеечки за вист. Правда, к тому времени и детство мое как-то неожиданно кончилось, и наступила совсем другая пора, другие развлечения, другие заботы, да и я стал другим. Но кое-что во мне все же осталось прежним и во-первых – неумное любопытство и умение обходиться малым за неимением большего. Говорю же я об этом здесь потому, что именно игрушки и страсть к игре сыграли в моей жизни немалую роль и научили рисковать и не загадывать далеко наперед. Так вот и живу, перебирая в своей памяти все эти шпунтики уже прожитой жизни, а фактически – игры. И чем больше об этом думаю, тем отчетливее осознаю, что все в нашей жизни или игрушки, или игроки. Но поразительнее всего то, что одни с другими нередко меняются местами, пока какой-то неведомый игродел не складывает и тех, и других в свой бездонный ящик и не заводит новую игру.

Глава 3: МЕДИЦИНА

Если я скажу, что с детства мечтал стать врачом, то это будет наглая ложь. Ни о чем подобном я и не помышлял. Мне вспоминается, что в самом раннем детстве я хотел стать пожарным, потом клоуном, потом библиотекарем, а накануне принятия окончательного решения я склонялся к журналистике и собирался поступить в университет.

Но... Тут придется сделать отступление, надеюсь, меня простят за него, но иначе мы не тронемся дальше.

Моя любимая бабушка много лет проработала акушеркой в том самом селе, где я родился, потом она пошла на повышение, перешла медсестрой в тубсанаторий, потом стала старшей медсестрой районной больницы, той самой, куда увезли рожать мою маму, т.к. роды были тяжелые и сложные. Под влиянием моей бабушки, мамы моего отца, мама бросила работу фининспектора, закончила сестринские курсы и до самой пенсии проработала медсестрой в разных больницах. Мой дядя был знаменитым и лучшим в республике хирургом, профессором, заведовал кафедрой, а его жена и моя тетя, сестра моего папы, – кандидатом биологических наук, но всю жизнь проработала в медицине, заведовала лабораторией в мединституте.

Уф, вот и конец отступлению, а вы, я надеюсь, поняли, что при таких медицинских корнях я был обречен стать врачом. Тем более что два года проработал в мединституте, когда учился в 10-11 классе вечерней школы, т.к. нужно было зарабатывать себе на жизнь. Работал я сначала курьером, затем личным секретарем ректора (родного брата моего дяди), а затем еще и начальником канцелярии

мединститута, т.е. регистрировал всю входящую-исходящую корреспонденцию и давал задания машинисткам по распечатке всяких приказов и пр.

И вот тут, в приемной ректора, я познакомился со всем профессорско-преподавательским составом мединститута. И еще одно маленькое отступление, не сердчайте, пожалуйста.

Кишиневский государственный мединститут был организован сразу после войны, в 1947 году, но возник он не с нуля, а на базе полностью переведенного в Кишинев II-го Ленинградского мединститута, более того, он был усилен рядом профессоров из других ВУЗов Союза. И, должен вам заметить, не худших. И вот я, 16-летний сопляк, сидел в приемной, как апостол Петр с ключами от врат, и от меня зависело, попадет ли профессор N к ректору, а если попадет, то когда, и один я знал какое настроение у ректора, и не спрашивал ли он о профессоре и пр., и пр. Я же вел список записи на прием. Но не это главное. Все эти ученые и ужасно интеллигентные люди, с множеством званий, наград, а порою и титулов (был профессор-граф, у брата которого в Швеции даже был фамильный замок) в процессе ожидания общались со мной, юнцом, да не просто общались, а вели долгие беседы о том, о сем, хотя вот убейте меня, не вспомню, о чем, настолько я был потрясен самой возможностью общаться с такими людьми на равных. Нет, это они со мной были на равных, а я только рот разевал, да глаза тарашил и старался понять – что из бесед со мной они могли вынести, о чем со мной можно было говорить, и как я вообще смел рот открывать в их присутствии и что-то там вякать? Но говорю так, как есть. А веду вот к чему – знакомство с такими потрясающими людьми понемногу изменило мое отношение к выбору будущей профессии и поэтому моим родственникам не пришлось слишком долго меня уговаривать, и я подал документы в мединститут.

В мое время это был очень хороший институт, а может и лучший в республике. Он достоин более подробного рассказа о себе, но я этого делать не буду, так как пишу сейчас не о нем. Скажу лишь, что из него вышло немало высококлассных специалистов различных медицинских профессий. Но больше всего мне запомнились мои друзья-евреи, которых было не так много (в то время действовало 5%-ное ограничение, лимитирующее прием евреев в ВУЗы), но именно они учились не за страх, а за совесть, и почти все стали выдающимися врачами. Трудятся они, правда, в большинстве своем в других странах, в основном в Израиле. А кое-кого уже нет в живых. Многие мои друзья-медики стали ведущими спецами и у себя дома, возглавляют крупные больницы, кафедры. Но продолжу о себе. На 4-м курсе, еще не дойдя до знакомства с психиатрией, я все же взбрыкнул и ушел из мединститута, уехал к своей будущей жене в Подмоскovie, где и прожил почти год, а вскоре и женился в возрасте 23-х лет. Жена моя ни под каким видом не хотела переезжать в Кишинев, тем более что получила московское распределение и настаивала на том, чтобы и я перебрался в Москву. Дело чуть не дошло до развода, но она все же сдалась и переехала ко мне. А тем временем мои высокоученые родственники-эскулапы пытались вернуть меня в гиппократово русло и пока что оформили мне задним числом академотпуск, в надежде, что я одумаюсь и вернусь в альма-матер. И я вернулся, а куда мне было деваться! А вскоре начались занятия по психиатрии, и я попал в группу к человеку, который сыграл большую роль в моей судьбе.

Он, кандидат медицинских наук, был ассистентом кафедры, но именно к нему в группу мечтали попасть все студенты, – вот как мне повезло! Владимир

Михайлович Михлин, сын заведующего кафедрой органической химии профессора Михлина, – из той, первой, ленинградской плеяды профессоров. Скажу сразу, именно встреча с моим преподавателем курса психиатрии примирила меня с медициной и позволила выбрать будущую специальность. С самим же Володей, – так мы в дальнейшем общались, поскольку стали со временем друзьями, в том числе и по части книголюбства, – встречались мы не только на занятиях, но и дома, и в клубе книголюбов, который я в то время возглавлял. Но дружба наша продлилась недолго, Володя был тяжелым гипертоником и вскоре умер в возрасте 44 лет, а его семья из страны уехала.

После окончания института я попал в Центральную клиническую психиатрическую больницу (кстати, крупнейшую в Европе на тот момент), в замечательное отделение пограничной психиатрии. И тут мне снова повезло, так как именно пограничная психиатрия, – неврозы, психопатии, патологические развития личности и пр., считаются самым трудным разделом психиатрии. Важно еще и то, что наши больные как бы не перешагнули некую грань, отделяющую их от «нормальных», не душевнобольных людей, и у них сохранились шансы вернуться из своей болезни в нормальную жизнь. Эта школа дала мне очень много в понимании людей вообще, особенностей их характера, темперамента и других душевных качеств. А так как я человек очень открытый и контактный, то могу сказать, что мои больные научили меня куда большему, чем научил их я. Через четыре года мне предложили возглавить новое отделение наркологии, и я согласился. Здесь я проработал 14 лет как заведующий, пока не ушел из медицины навсегда.

Просто для сведения замечу, что по-настоящему обеспеченным человеком я был именно в бытность свою врачом. Полторы ставки, заведование, доплата за категорию, 25% надбавка за вредность, отпуск в 48 рабочих дней и зарплата от 300 до 500 рублей в месяц! На пенсию я вышел именно по врачебной зарплате, хотя пенсия эта нищенская, но считается у нас неплохой: у жены, к примеру, она в два раза меньше.

Мне кажется, что я был неплохим врачом, через мои руки прошло около трёх тысяч больных, многие вернулись к нормальной жизни и навсегда бросили пить. У меня пролечились двое сыновей моих учительниц, в том числе и самой первой. Работа мне нравилась, отделение располагалось при промпредприятии, вдали от больницы и поэтому я был свободен в своих действиях, все решения принимал сам, и не только по медчасти, хватало и других забот. Коллектив отделения состоял только из женщин: восемь сестричек, одиннадцать санитарок и трудинструктор. Эта женская команда тоже многому меня научила, и я навсегда останусь им благодарен за науку и даже за те выговоры, которые получил. Отделение было рассчитано на 50 мужчин, у них я тоже научился многому и закалил кое-какие свои качества. Легко ли работать врачом? Я отвечу – очень тяжело, хлопотно и это большое испытание тебя как личности, а не только как специалиста. Учиться я любил и люблю, так что в специальности своей не отставал, но вот огромное чувство ответственности за каждого больного и каждого члена коллектива, за все, чем руководишь – это может измотать любого. Тем более что помощи мне ждать было не от кого, в отделении я был один в полутора лицах. Но это и вдохновляло, не позволяло расслабиться, и все время требовало от меня быть на высоте положения. Это хорошая, но изматывающая школа. Мне же не хватало общения.

Медицинская среда – довольна косная и даже ограниченная, хотя я знал немало врачей, которые были высококультурными, начитанными людьми, с богатым жизненным опытом, умеющими неформально общаться. Но, во-первых, я находился вдали от коллектива больницы и, во-вторых, в 80-е годы начался выезд из страны именно тех, с кем я дружил, с кем имел общие интересы, кого уважал, у кого учился. И мне стало тяжело.

В конце 1990 года было организовано городское общество книголюбов как отдельная организация, и были назначены выборы председателя будущего правления общества. Я узнал это случайно при посещении республиканского общества. И подал заявку на участие в выборах, вот так сразу, не раздумывая. Через две недели я эти выборы выиграл и на следующий же день подал заявление на увольнение, с 1 января 1991 г. приступив к своим новым обязанностям. Вот и все о медицине в применении к собственной биографии. Добавлю лишь, что именно тогда и, пожалуй, впервые в своей жизни я понял, что такое свобода. Твоя, личная, та, которую ты обрел самостоятельно! Мои родственники-врачи, выразили мне свое возмущение, назвали предателем и на время даже перестали со мной общаться. А я до сих пор благодарен судьбе за то, что сделал этот шаг. Я твердо знаю, что не смог бы работать в современной медицине, иначе мне бы пришлось слишком многое в себе предать и вообще стать другим человеком, я же предпочитаю оставаться самим собой.

Глава 4: РАДИО

Вряд ли современный человек моложе сорока лет, если он специально не интересовался этим вопросом, способен представить себе, чем было радио в стране советов и какое влияние оно оказывало на граждан этой страны. С ним не могли сравниться ни газеты, ни кино, ни книги, ни даже политинформации и открытые партсобрания, конкуренцию ему составляло разве что тоже радио – так называемое «сарафанное». Но я собрался говорить не об этом рупоре пропаганды и сеятеле разумного, доброго, вечного в масштабах всей страны, а лишь о своих личных взаимоотношениях с ним. Не более.

В мою жизнь оно вошло 7 марта 1953 года, когда до моего пятилетия оставалось чуть более месяца. Естественно, это радио в виде приличных размеров черного ратруба висело на стене у окна и ранее этой даты, из него периодически доносились всякие звуки, музыка, какие-то разговоры, но меня до этого дня они не задевали, у меня было немало куда более интересных забот и занятий, тем более, что я только научился читать и буквально изводил маму своим умением складывать из букв слова, используя для демонстрации старые журналы, заголовки газет и вообще любой клочок печатной бумаги. Но в этот день случилось нечто, что повергло меня если не в недоумение, то в состояние некоей задумчивости. Это было в первой половине дня, когда из радиоточки раздался голос, очень красивый и значительный, который что-то говорил, я не помню что – я смотрел на своих маму и папу, которые напряженно слушали этот голос и плакали. До того я никогда не видел плачущим папу, а мама если и плакала, то совсем не так, как в этот день. Они буквально рыдали и долго не могли прийти в себя уже после того, как голос смолк, а из ратруба доносилась какая-то очень печальная музыка.

Поведение родителей очень озадачило меня, и на мой вопрос о причинах такой скорби мама со слезами в голосе сказала, что умер Сталин. Сказать, что я не слышал этого имени ранее, будет, пожалуй, неправдой, наверняка слышал, но меня это не касалось, как и это радио, как очень многие другие вещи за пределами нашей комнаты, дома, двора, огорода. Я был счастлив, беззаботен и открывал окружающий меня мир без всякого плана и цели. Но в этот день мир повернулся ко мне какой-то новой стороной, и касалась она не только радио или того, что взрослые люди могут так горько плакать из-за какого-то усатого дядьки. Этот факт вызвал во мне, быть может, первое сомнение и поколебал уверенность в том, что все не просто хорошо, а очень хорошо и пребудет таковым вовеки. Только не подумайте, что именно эти мысли пришли ко мне тогда, конечно нет, они появились намного позже, но первотолчок им был дан именно в тот день, 7 марта 1953 года, спустя два дня после смерти друга всех детей и отца всех народов.

Как ни странно, но еще немало лет я оставался совершенно равнодушен к тому, что вещала эта радиоточка, как и к ней самой. Мое любопытство просто не распространялось ни на сам предмет (да и что в нем было исследовать?), ни на производимый им шум. Я больше доверял своим глазам, чем ушам, а их всегда было чем занять как в реальной жизни, так и в мире книг. Собственно, так оно и продолжается по сегодняшний день.

Родители мои жили уже в другом селе, а я в Кишиневе, у бабушки, но все каникулы, а нередко и выходные, стремился провести в деревне. И тогда я заметил, что мой папа очень увлекся недавно купленным радиоаппаратом, со стеклянной разграфленной шкалой, двумя ребристыми ручками, с лакированными деревянными панелями по бокам. Все вечера, а нередко и часть ночи он сидел у этого агрегата и искал в потоке попискиваний, потрескиваний, завываний что-то, в чем, вероятно, остро нуждался. Папа стал заядлым радиослушателем. Я не знал, что именно он ищет и что слушает, да и папа об этом со мной в то время не говорил, но все же вскоре я понял, что папа слушает на коротких волнах всякие зарубежные станции, которые почему-то очень плохо слышны, и поймать их в волнах эфира не такая простая задача. И опять то же самое радио, но больше – увлечение отца этими таинственными голосами, доносящимися из него, – внесло в мою душу новое сомнение и даже смуту, так как я вскоре узнал, что лучше никому не говорить об этих ночных посиделках у дьявольского радио, чтобы не навлечь на папу какую-нибудь беду. Я и не говорил. Мама же всегда относилась к увлечению отца весьма неодобрительно и не раз ругала его за это, но я тогда не мог понять за что именно – за само увлечение радио или за то, что оно вещало и что папа непременно хотел услышать. При мне и брате до определенного возраста родители никогда не говорили о политике ни под каким соусом, справедливо, на мой взгляд, полагая, что чем позже мы этим заинтересуемся, тем меньше вреда себе причиним. И я им за это до сих пор благодарен.

А потом случилось так, что и я увлекся этим дьявольским изобретением, во время посещения своего школьного друга, заядлого поклонника рока, и страсть эта овладела и мною. Я рос на песнях Битлов и Высоцкого. Позже к ним добавились Роллинги, Лед Дзеппелин, Ху, Шэдоус и многие другие, а кульминацию венчали бессмертные Пинк Флоиды. Но и Окуджава, Галич, Дулин, и вообще вся бардовская песня и лапушки Никитины, – всех их я люблю до сих пор. И, хоть природа не наделила меня ни голосом, ни слухом, ни вообще музыкальными спо-

собностями, но я знал и пел (смешно сказать) все песни Высоцкого, Битлов, Галича. Это моя юность. И вот я поднапрягся и ценой невероятных жертв (за счет книг, конечно, - это самая большая жертва, которую могу себе представить!) я накопил нужную сумму и купил свой первый и последний радиоприемник, Спидолу, производства Рижского радиозавода. Вот тогда только я понял папину страсть к радио, хотя поначалу слушал исключительно музыку, передаваемую вражескими радиостанциями, всякие чарты, топы и остро болел все за тех же Битлов, если они вдруг уступали первую строчку в еженедельном рейтинге какому-нибудь другому ансамблю или исполнителю. Я слушал Севу Новгородцева как бога, хотя ни в каких богов никогда не верил. Только в Севу. Продолжалось это безумие несколько лет и постепенно сошло на нет. Я остыл и к радио и, частично, к року, прикипел к джазу, а затем и к классической музыке, но не ранее, чем обрел свою первую квартиру и свою первую радиоаппаратуру с вертушкой, усилком и приличными динамиками.

Второй раз я женился в 30 лет, жена моя танцевала в ансамбле Жок и постоянно разъезжала по Союзу, ближнему и дальнему зарубежью. А коли так, то у меня появилась реальная возможность обрести приличный комбайн, с магнитофоном, радио и достаточно приличным звуком. Первый аппарат был японский, фирмы JVC, на него я записывал песни бардов, которые в составе целого клуба дневали и ночевали в нашей квартире. Затем жена привезла еще более приличный агрегат, фирмы Пионер, тоже японский, он, кстати, до сих пор (спустя почти 30 лет) помогает жене заниматься с учениками в ее танцевальном классе в школе. Но былая страсть не вернулась, к радио же, как таковому, то есть вещателю новостей, сплетен и скандалов я остыл навсегда. Это же касается и телевидения, которое есть то же радио, но с картинками для совсем уж умственно отсталых и непродвинутых. Книги и сама жизнь вытеснили далеко на периферию увлечение тем, что принято называть новостями. А газет, кроме Литературки, я и раньше не читал.

Глава 5: ОДЕЖКА-ОБУВКА

Так уж получается, что о предметах туалета или гардероба я пишу уже второй раз, первая часть, если вы помните, посвящалась трусам. Сейчас же речь пойдет о вещах менее интимных, то есть об одежде в самом широком смысле слова.

Если задать простой вопрос – может ли эта самая одежда серьезно повлиять на твою судьбу или, по крайней мере, в нее вмешаться и что-то в ней изменить, то вряд ли кто возьмется ответить на этот вопрос утвердительно. Вот и я, пожалуй, не буду ставить вопрос ребром, а лишь поделюсь кое-какими воспоминаниями на этот счет.

С шестого по восьмой класс я учился в сельской школе в небольшом поселке, куда был переведен из школы столичной по желанию моей мамы. Первый год ходил пешком ежедневно из нашего села до школы и обратно, а это 8 км, а уже в седьмом и восьмом классах жил в интернате при школе. Здесь начал заниматься спортом, выступал на школьных, а потом районных соревнованиях. И вот в классе 7-м я выиграл школьный чемпионат по прыжкам в высоту, чему до сих пор поверить не могу, так как ростом не вышел, но перепрыгнул всех верзил! Бывает. А вскоре после этого меня вызвали к директору школы и сообщили, что я

премирован путевкой в Артек. Тогда я был уверен, что именно победа в соревнованиях была тому причиной. Сейчас я все же склоняюсь к мысли, что тому были другие причины, и первая из них, что от путевки кто-то отказался и нужно было срочно найти замену, т.к. уже через два дня нужно было быть в Крыму. Меня же выбрали по причине «интеллигентности» – учился ранее в хорошей кишиневской школе, много читал, умел красиво говорить, а главное – относительно грамотно и по-русски. А это немаловажно, так как более половины моих соучеников были из украинских сел, расположенных в округе, и разговаривали они на таком тарбарском языке, что я только к концу первого года научился кое-что из сказанного понимать. Впрочем, это не так уж и важно, и вот почему.

В тот же день я отправился домой и сообщил эту новость маме. И еще сказал ей, сколько примерно будут стоить проезд туда и обратно (это за наш счет), а еще, что в тех штанах и туфлях, что у меня были, поехать никак нельзя, чтобы не лопнуть со стыда и не посрамить себя, школу, республику и весь великий молдавский народ. Мама с папой считали недолго и вынесли приговор – столько денег у нас нет и взять их неоткуда, а значит, Артек мой накрылся медным тазиком. Не помню, плакал ли я тогда или перенес удар стоически, но случай этот запал в мою память очень крепко и я не раз возвращался к этому эпизоду на разных этапах своей довольно бестолковой жизни. И каждый раз, хоть и по-разному, недоумевал – неужели такое вроде вполне преодолимое препятствие нельзя было все же преодолеть. Скажу вам честно, ответа на этот вопрос я не знаю до сих пор.

Ни до того, ни после я ни разу не был ни в каких пионерлагерях, каникулы я проводил с друзьями на маленькой станции, расположенной среди молдавских Кодр, сейчас там огромный заповедник, общался с друзьями, рыбачил, влюблялся, ходил по лесам, стрелял диких голубей, ночами разглядывал звездное небо, какого в городе вовек не увидишь, и читал, читал, читал. То есть был счастлив и не мечтал о чем-то ином. Но Артек... Для любого пацана моего поколения это был не какой-то там пионерлагерь, а страна обетованная, где исполняются всякие мечты и начинаются тропы в нечто неведомое. И этот мир приоткрылся для меня на мгновение и тут же сгинул, так и не успев посвятить меня в свои тайны. И если бы не этот случай, то я бы никогда, пожалуй, не задумался о таких прозаических вещах, как одежда-обувка, поверьте.

Я смотрю на свой старый снимок, где мне лет 12-13. Штаны закатаны по причине их короткости, а не просто из форсу, но это я говорю вам по секрету и прошу поверить мне на слово, что меньше всего я задумывался в те, да и в последующие годы, о том, как я одет и что это имеет вообще какое-то значение, тем более судьбоносное. Такое уж было время, и была масса куда более важных вещей и забот, чем какие-то штаны да туфли.

Когда я вернулся в Кишинев и пошел в ту самую школу, в которой проучился первые пять лет, то бабушка, с которой я жил, конечно позаботилась об обновлении моего гардероба, и я получил новые штаны, рубашку и туфли, а к зиме мне было справлено первое в моей жизни взрослое пальто, которым я очень гордился сам не знаю почему, думаю, что я вступил в переходный период и мой внешний вид стал приобретать некоторое значение. Но я не помню ровным счетом ничего ни об одной своей вещи того времени, кроме вот этого пальто и еще кое-чего, но это особая история.

В нашем дворе жил моряк, который ходил в дальние рейсы, и вот однажды, вернувшись из очередного, он предложил мне купить у него джинсы, аж за 10 ру-

блей. И не подумайте, что это была какая-то тряпка, нет, это были настоящие «дубовые», – стоящие колом, если поставить их на пол, - джинсы фирмы Ли, небесно-голубого цвета, с всякими этими клепками-заклепками цвета старой меди, фантастической строчкой по швам, карманам и пр., и пр. У меня было 5 рублей, бабушка добавила свои, и я стал обладателем этих убойных штанов. Вот когда во мне впервые разыгралась гордость, было мне тогда уже 16 лет, и я целый день проходил в этих штанах, пока подкатанных, т.к. бабушка намеревалась укоротить их только вечером.

Утром я проснулся и сразу вспомнил про свои чудо-штаны, они лежали рядом на стуле и я сразу вскочил в них, но... тут я понял, что случилось нечто непоправимое – это были уже не ковбойские штаны, а какие-то галифе, они уже не облегали мои скудные чресла, а висели на мне мешком. Я был в ужасе, когда обнаружил причину этого: бабушка их укоротила, а из того, что отрезала, сделала два клинышка и вшила промеж штанин, наивно полагая, что негоже так обтягивать свою задницу и что приличные люди так не носят! Наивная бабушкина душа, грех мне за это на нее обижаться, но огорчен я был очень, особенно когда выяснилось, что обратной дороги нет и джинсы испорчены окончательно. Следующие мои джинсы лет через 15 мне привезла моя вторая жена из зарубежных гастролей, но прежней радости я уже не ощутил.

Вот, пожалуй, и все мои радости-огорчения из-за такой ничтожной вещи, как вся эта мануфактура. Добавлю разве, что костюм у меня был всего один, свадебный, пиджаки я носил лет до тридцати, а потом все сплошь маечки да свитера, галстук не ношу уж более сорока лет, да и нет у меня никаких галстуков. Пар 5-6 джинсов да столько же свитеров, вот и весь мой гардеробчик. Что мне, думать больше не о чем?

Глава 6: МАМА

Наверное, было бы справедливо начать свои воспоминания именно с главы о маме, но я не решился это сделать, и все же мама в первой главе присутствует, хотя и с несколько неожиданной стороны. Мне и сейчас очень трудно писать о ней. Она ушла в 2003-м году, но я с ней еще не расстался, она все время где-то рядом, иногда приходит по ночам, хотя уже значительно реже. Моя жена порою обзывает меня «баба Нина», так звали мою маму, говоря, что я точная ее копия. Я этого не осознаю, даже сопротивляюсь внутренне, но все же понимаю, что очень многое во мне именно от мамы. А это означает, что начни я описывать маму, это невольно приведет меня к рассказу и о самом себе, причем с той стороны, которую я, наверное, таю сам от себя. Вот как все это закручено.

Примерно за год до ее кончины мне удалось уговорить маму начать писать воспоминания о себе и своей семье, настолько мне были интересны ее отрывочные рассказы то об отце, то о двоюродном брате, в честь которого меня и назвали, то еще о чем-то. Но все это она рассказывала как бы между прочим, бессистемно и с недомолвками. А ведь мама прекрасно владела искусством рассказа, речью вообще, очень грамотно писала по-русски и умела говорить убедительно. На нашей маленькой станции, где она прожила много лет, она славилась умением писать всякие жалобы, прошения, заявления в разные инстанции. В те времена

подобные заявления помогали порою кое-чего добиться. Помню, как благодарили ее деревенские женщины, когда заявление, написанное мамой, помогало. Приносили кто курочку, кто домашние яйца, кто баночку домашней сметаны.

И мама написала эти воспоминания, последнюю страницу она еще писала за день до смерти и написана она дрожащей рукой, обычно четкие буквы валяются на бок, строчки набегают друг на друга и мне стоило некоторых трудов расшифровать их. Довела она их до момента приезда в Молдавию в 1946 году по комсомольской путевке, после окончания Саратовского финансово-экономического училища. В республику она была послана на укрепление банковской системы Молдавии в качестве фининспектора в один из районных банков. В 1946 году ей исполнилось 19 лет. Но мама не дописала свои мемуары вовсе не потому, что умерла, а потому, что сочла их законченными, так как сделала главное – рассказала о своей семье, что помнила и берегла все эти годы, и не хотела продолжать далее, как я ее ни просил. Эти воспоминания, подытоженные мною, опубликованы в одной хорошей интернет-библиотеке, и я думаю, что мама порадовалась бы этому – она всегда мечтала, что найдет кого-то из своих дальних родственников. Но она до этого не дожила.

Вроде бы я начал рассказывать о маме, а фактически даже еще не подступился к этому и все откладываю и откладываю начало. Но начать все же придется.

Мама рано осталась сиротой, в 15 лет, в год начала войны. Ее отец пропал в белорусских болотах вместе с батареей, которой командовал – он был майором артиллерии. Мама её умерла августе 1941-го, и моя мама осталась одна. Работала на гранатном заводе, на золотых приисках, попала в результате эвакуации в Поволжье, отсюда и приехала в Молдавию. В городе, куда она попала по распределению, ее нашла моя будущая бабушка, мама моего будущего отца. Она и своей старшей дочке нашла мужа, такая уж у меня была бабушка, но я о ней я еще расскажу, она этого заслужила.

Мама не была счастлива в браке, и именно из-за свекрови, точнее – из-за слабых характеристик моего отца, для которого его мама навсегда осталась высшим авторитетом. Но в первый год знакомства бабушка отнеслась к будущей невестке по-матерински, и мама поначалу потянулась к ней. В 1947 году мои родители поженились.

1946 и 47-й годы были в Молдавии неурожайными и голодными, люди умирали целыми селами. Одна надежда была на бабушку, которая приносила из больницы, где работала, свой паек и чуть-чуть сверху. Мама вспоминала, что ей доставалась пол-литровая, а отцу литровая банка перловой каши, хотя мама была уже беременна мною. По настоянию свекрови мама ушла из банка, поступила на курсы медсестер и в дальнейшем всю свою жизнь проработала в разных больницах. Об этом своем шаге она очень жалела, и я хорошо ее понимал. Она была очень умна, контактна, мгновенно находила общий язык с людьми, была начитана. По характеру она была очень сильным и волевым человеком, благодаря чему могла, несомненно, добиться в своей жизни куда большего, чем в итоге получила от нее. Меня и брата она рожала очень тяжело, в больнице, и в обоих случаях это едва не стоило ей жизни. После рождения брата мама больше не могла рожать и ее мечта о дочке так и не исполнилась.

Так получилось, что маму я помню хорошо только в самые первые свои годы, примерно с трёх до семи, в школу я пошел уже в Кишиневе и с этого времени

жил то у тети, сестры отца, то у бабушки. Может быть именно потому, что мы с мамой так были похожи и потому, что я с детства был очень независимым и вечно ищущим приключений ребенком, в семье дубасили только меня, но только мама, – отец нас пальцем не тронул. Ну а мне доставалось за двоих. Брат мой рос ангелочком, любимчиком мамы, потом учителей, но шkodил не меньше меня, только втихую. Вот мне доставалось и за него. Но я не жаловался и зла ни тогда, ни после не помнил, видно, эта наука шла мне на пользу.

Очень рано мама научила меня читать, мне еще пяти лет не было, и читать я научился за каких-то две недели. С этого времени с книгами я не расставался ни на день и это исключительно мамина заслуга. Мама многому научила нас с братом, в том числе и таким девичьим занятиям, как вышивание, вязание, нехитрая готовка. Отец научил нас стрелять, ездить на велосипеде, рыбачить и привил любовь к живой природе, хотя мы и так росли среди нее, она стала нашим домом, куда я все чаще возвращаюсь в последние годы.

Итак, пуповина, связывающая меня с мамой, порвалась, когда я уехал из деревни в город. Да, я приезжал на каждые каникулы, иногда на выходные, но прежней близости с ней уже не ощущал, возможно, она даже ревновала меня к бабушке, с которой я в основном жил. Думаю, что именно по этой причине мама настояла на моем переводе в школу в соседнем поселке (русскую), где я в седьмом и восьмом классах жил в интернате при школе, так что с родителями по прежнему общался мало. Эта школа не пошла мне на пользу, и в девятом классе я вновь вернулся в Кишинев.

С мамой сблизиться я начал уже учась в мединституте, особенно после 3-го курса, когда проходил сестринскую практику, причем попросился в сельскую больницу, где она работала. Позже, уже работая наркологом, я иногда получал своеобразные весточки от мамы – она присылала мне особенно тяжелых больных, так как в то время тоже работала в наркологическом отделении поселковой больницы.

Надо сказать, что мама была очень хорошей медсестрой, не просто доброй, внимательной, но и очень инициативной, умеющей успокоить больного одним только взглядом и словом, она не боялась острых и критических ситуаций, всегда находила нужное решение и не теряла головы. Маму уважали все, кто ее знал, и как медика, и как человека. Она была заслуженным донором, сдала чуть ли не 200 литра крови, и этих красных капелек за каждые, по-моему, 5 или 10 литров у нее было несколько десятков. Но кровь мама сдавала не из патриотизма, а лишь потому, что нашей семье всегда не хватало денег на самое необходимое. Этими «кровными» деньгами она поддерживала и меня, пока я учился.

У мамы был очень сложный характер, все главное о себе она таила в душе и исключительно редко делилась своими переживаниями. Она очень редко плакала и чаще над каким-нибудь израненным котом или отравленным Тузиком. Очень любила животных вообще. Вспоминаю, как впервые в жизни она решила зарезать курицу, обычно это делал отец. Мама просидела с этой курицей на коленях во дворе на табуреточке часа два, глядя ее по голове и вздыхая. Одной рукой она гладила курицу, а во второй у нее был нож. Я в это время был дома, приехал на каникулы, смотрел на маму и курочку и жалел обеих. Наконец она решила чиркнуть ее по горлу, но сделала это неумело, не до конца, курица вырвалась и долго трепыхалась по всему двору, хрипя и разбрызгивая кровь. Больше мама на такие эксперименты не решалась. Я, кстати, тоже.

А еще мама очень нами гордилась, больше братом, он всегда был примерным мальчиком, круглым отличником, комсоргом, ленинским стипендиатом, комиссаром целинного отряда, потом комсомольским и партийным работником, пока не стал бизнесменом. Но по душам мама все же чаще разговаривала со мной, особенно в последние годы своей жизни, когда переехала с моим отцом в Кишинев. Именно мама была цементом всей нашей семьи, только она объединяла наши с братом семьи, только у нее в гостях мы забывали все наносное и вспоминали про кровные узы и былые привязанности. В эти закатные мамины годы мы очень много с ней говорили обо всем, начиная с книг и кончая прошлым ее семьи, вот только о политике никогда не говорили – ею увлекался мой папа. Я приносил маме книжки, у нее вновь появилось время читать, но мама при этом вовсе не бездельничала, и как ни сопротивлялся мой брат, но она организовала небольшой бизнес у ворот дома, в котором жила, подключив к этому и папу. Торговала всякой мелочью, сигаретами, жвачками и т.п. Когда ей уже было трудно одной ходить, она просила помочь ей сходить на базар, чтобы пополнить ассортимент. Пожалуй, именно эта независимость, нежелание ни от кого зависеть, сохранить свое достоинство и свободу, были определяющими в ней. Думаю, что это перекочевало ко мне от нее и стало и для меня в жизни главным.

Мама сильно болела все последние годы, у нее было несколько болезней, одна другой экзотичнее и любая могла свести ее в могилу. Но она очень мужественно сопротивлялась, нам с трудом удавалось периодически положить ее в больницу и подлечить. Никого она не напрягала своими болячками, если иногда жаловалась, то только мне, как врачу, а не сыну. Умерла ночью, быстро и без мучений, от сердечного приступа, в своей постели, через десять месяцев после смерти мужа. Ее похороны, как и папы, организовывал я и моя жена, брат платил, но даже глянуть боялся в мертвые лица и старался держаться подальше от гроба. Он всегда боялся смерти – его, в отличие от меня, не закалила медицина. И он не знал, что бояться можно только живых.

Продолжение следует...

Пути-дороги

ТАТЬЯНА ОРЛОВА

ФИЛОСОФИЯ ОТКРЫТКИ

Два необычайно ярких события произошли в моей жизни за прошедшие два года. Нет, конечно, событий было множество, но именно те, о которых пойдёт рассказ ниже, значительно обогатили моё представление о русском мире как мировом пространстве, о соотечественниках, о России.

НЕМНОГО «ОФИЦИОЗА»

Более года назад прошел международный форум молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств: «Молодежь СНГ – Будущее Общественной Дипломатии». Мне посчастливилось быть в составе молдавской делегации, в качестве представителя журнала «Русское Поле», благодаря Российскому Центру Науки и Культуры в лице господина Валентина Рыбицкого, а также благодаря АРП РМ. Сам форум был организован в рамках реализации Президентской программы краткосрочных ознакомительных поездок в РФ. То есть, основная цель форума состояла в формировании у делегатов благоприятного представления о России с тем, чтобы вернувшись к себе на родину, они смогли поделиться увиденным и услышанным. По сути – замечательная задумка не только для престижа РФ и карьеры молодых делегатов – журналистов, юристов, историков, представителей творческой интеллигенции. Это явилось и зачином для многочисленных деловых и творческих контактов, а в настоящем уже и сотрудничества между молодыми людьми из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Украины и Молдовы. И сегодня, по прошествии времени, совершенно очевидна необходимость и продуктивность подобных встреч.

* * *

О форуме можно рассказывать бесконечно – круглые столы, мастер-классы, осмотр достопримечательностей Москвы, экскурсии. Но, в последнюю ночь, после торжественного ужина, любуясь видом на просторы ночной Москвы, который открывался из огромного окна моего шикарного гостиничного номера, я вдруг поняла, что вернусь в Кишинев с неким скромным, но очень важным сувениром, который смогу подарить любому. Это – ОТКРЫТКА. Прошло достаточно времени, впечатления улеглись, и, чтобы понять значимость такого сувенира, важно разглядеть его философию.

Итак,

1. Открытка – это знак. Она указывает на какое-то событие в жизни человека: его рождение, юбилей, памятную дату, особенный день в году, союз двух людей, путешествие.

Моя открытка указывает сразу же на несколько событий: это путешествие по Москве: Кремль, Храм Христа Спасителя, металлические башни и языки пламени над байк-центром “SEXTON”, музеи, галерея современного искусства на винзаводе, незабываемая поездка в Константиново и Рязань. А также моя открытка указывает на рождение (новые впечатления и знания как будто бы рождают нас заново) и на союз, но не двух, а многих людей. Форум стал неким продолжением съезда молодых литераторов в «Переделкино», где я побывала осенью 2011, а это значит снова душевные посиделки вечером, чтение стихов, разговоры о вечном и очень земном.

2. Открытка – это квинтэссенция. На открытках запечатлено только самое лучшее, самое интересное и манящее, что есть, к примеру, в городе, его визитная карточка.

Моя открытка – это квинтэссенция форума. Интересного много, но самым главным и ярким для меня оказалась поездка в Рязань и Константиново:

... На белом листе снега, плавно переходящего в молочное небо, как будто нарисованные фиолетовой пастелью, – березы. Мы въезжаем в Константиново. Есенин. Где-то внутри будто что-то звенит, чувствую... стихи. Пытаюсь услышать их, но меня окликают, и я понимаю, что это звенит воздух, колокол в маленькой странной, из-за удлиненной формы куполов, церкви. Подходим к деревянному домику – белые кружева из дерева вокруг окон и крыши (ощущение старинной скатерти). На домике памятная табличка: «здесь родился и жил великий русский поэт Сергей Александрович Есенин». Заходим во двор. В отдалении – скульптура поэта. В нас вселяется детство – бежим фотографироваться к нему – держимся за золотой от многочисленных рукопожатий туристов пальчик (на литературное счастье!). Рядом с величественно возвышающимся над нами бронзовым гигантом мы и вправду ощущаемся себя детьми.

В домике у Есенина тепло и уютно – деревянная мебель, глиняная посуда, иконы в красном углу. Экскурсовод рассказывает о жизни поэта, а я заглядываю в комнатку, где он спал – на кровати лоскутное яркое одеяло.

Выбегаем из домика. Нас торопят – опаздываем на первый урок в начальную земскую школу. Заходим вовнутрь. Рассаживаемся за настоящие парты! На доске алфавит – «аз, буки, веди...». Учимся писать тушью (не очень-то удобно, зато можно рисовать, рисую березы...). Звенит звонок, мы неохотно выходим из класса, но нас ждут дома – целая семья (батюшка, матушка, сестры и братья). Нас наряжают в костюмы, разыгрываем сценку, чтобы на себе почувствовать быт и внутреннюю жизнь этого края.

Вечер – чаепитие и встреча с рязанскими молодыми поэтами. В чае смешиваются варенье, мед, лимон и сахар, а в душе – поэзия Рязани, Казахстана, Армении, Белоруссии, Узбекистана, Украины. Это смешение вкусов очень приятно.

Автобус торопится – спешим в Рязань. Хочется уже отдохнуть, но нас ждут в рязанском музее. Выставка современных скульптур в полумраке – путешествие по фантазмагорическим снам художника. В зеркалах отраженный и преображен-

ный мир. Из сна через узенькие двери попадаем снова в реальность. Ощущаем тяжесть напеченного впечатлениями дня, но удивительная, серьезная музыка, исполненная на... балалайках, заряжает бодростью. Вечером в гостинице собираемся вместе почитать стихи.

Утро нашего второго дня пребывания в Рязани. «А у нас в Рязани – грибы с глазами» – задорно так говорит экскурсовод. За окном автобуса, который везет нас к старинному рязанскому Кремлю, дождь. Думается – при такой погоде и не такие грибы вырастут! Выходим. Без усталости трудятся фотоаппараты. Вдруг становится тихо. Смотрю, а наша группа уже скрылась за одной из деревянных дверей, ведущих вовнутрь кремлевского комплекса. Растерянно читаю стилизованные под старину указатели, но интуиция не подводит, нахожу правильную дверь, догоняю нашу группу. В сувенирной лавке все спешно раскупают домовята. В автобусе они весело глядят нарисованными глазами из сумок своих новых хозяев. А мы едем на конный завод! Смешно смотреть, как серьезные дяди и тети превращаются в сущих детей. Девушка, которая приводит нам двух лошадок, возмущается – взрослые, а хуже детей! В павильонах нельзя кричать – лошадь испугается, понесет. Еду на статном вороном жеребце и улыбаюсь.

3. Открытка – это иллюзия. Она никогда не покажет неприглядные, плохие стороны. В открытках не пишут критики. В открытках только хвалят.

Глядя на светящуюся Москву из моего окна, я вдруг подумала о том, что те далекие ожерелья из огоньков – вблизи вереница машин, которая уныло стоит в бесконечных московских пробках. Эти пробки мы хорошо ощутили и на себе, когда возвращались из Рязани – вместо 3-х наш обратный путь занял 6 часов, причем добрая половина была проделана, а вернее «простояна» в самом городе. У форума тоже были свои «неоткрыточные стороны»: путаница в организационных моментах, к примеру, нам как писателям интереснее было бы попасть на литературный мастер-класс, а не слушать что-то из области дипломатии, посещение театра тоже разочаровало (подумалось – лучше бы поскромнее условия проживания, а посмотреть спектакль действительно достойный). Но критика пишется не для того, чтобы поругать, а для того, чтобы улучшить, ведь, как мы поняли, форум планируют проводить и в будущем, увеличивая число стран и его участников.

4. Но, что же самое главное в философии открытки? Какие открытки храним мы дольше всего? Те, которые красивее или новее или... Нет! Открытка, открыть – найти внутри нее самое важное – подпись, письмо, послание, поздравление, пожелание от близких людей. Открытка – дверца и мы входим в нашу память о людях, каждый раз, когда открываем ее для себя и других.

Подписи на моей открытке созданы и вечерними прогулками по Арбату и совместной охотой за книгами, и нашими приключениями с Викой Осадченко (поэтом из Узбекистана), в поисках одного магазина и задушевыми беседами в Рязани, в Москве с поэтами и писателями из Армении, Беларуси, Украины, Казахстана. Кроме того, приятно было познакомиться и пообщаться с нашей делегацией из родной Молдовы. Необыкновенно интересные и талантливые люди!..

А год спустя, вновь при поддержке Россотрудничества, прошёл Форум русскоязычных писателей зарубежья.

НОВОГОДНИЙ УТРЕНИК. ДЕД МОРОЗ, ПОДАРКИ, СЧАСТЛИВЫЕ ДЕТИ И НЕ ТОЛЬКО...

С 18-го по 22 декабря 2012-го года в Москве (Перedelкино) проходил Форум русскоязычных писателей зарубежья.

Организаторами форума выступали Международное сообщество писательских союзов (МСПС) и Россотрудничество, которое взяло на себя все расходы по проведению столь широкомасштабного мероприятия.

Как и всё в нашей жизни, не случайно пришлось дни форума на канун Нового Года, и несостоявшийся конец света. Но все мы, писатели, творческие люди, да и просто взрослые – немножко дети, поэтому форум получился похожим на детский новогодний утренник, в котором не обошлось без Деда Мороза, подарков и праздника.

...Ну-ка, ёлочка, зажгись! Или начало форума.

На форум со всех краев мира съехались-слетелись хранители русской культуры в Австрии, Чехии, Норвегии, Франции, США, Сербии, Израиле, Венгрии, на Кипре и большинстве бывших советских республик...

Зажигали ёлочку форума в конференц-зале «Дома Ростовых» (где ныне располагается штаб-квартира МСПС). Не обошлось без доброй магии творчества. Неожиданно как вестники и пророки появились: народный артист СССР Василий Семёнович Лановой и народный артист России Валерий Золотухин (сейчас он пребывает в тяжёлом состоянии после операции и мы все – бывшие форумчане, молимся за его выздоровление и возвращение!). Вдохновенно звучали стихи Пушкина «Духовной жаждою томим...», гармонизируя и настраивая невидимые струны пространства. Волшебство продолжило твориться и песнями, танцами юных волшебников.

Ну какая ёлка без Деда Мороза? На нашем форуме их было целых три, нет, не потому, что у нас от праздничного настроения троилось в глазах, а потому, что три Деда Мороза – это сила! А, чтобы организовать такое мероприятие, без неё – никак, да и вместе веселее ёлочку зажигать. Форум приветственным словом открыли председатель МСПС поэт Иван Переверзин, Георгий Мурадов – один из руководителей «Россотрудничества» и, наконец, прозаик, режиссер и актер Валерий Иванов-Таганский (одновременно отвечавший за организационную сторону проведения форума). Дед Морозы говорили о том, что отношение России к соотечественникам меняется в целом. Что отныне русские писатели в зарубежье будут чувствовать себя нужными и востребованными, и как материальное воплощение этого, в их поддержку будут выделяться суммы, в разы превышающие прежние... Да будет так, а как же иначе? Ведь дед морозы-то настоящие!

А потом меня неожиданно пригласили на бал. Вообще-то это был музей имени Александра Сергеевича Пушкина, но у поэтов и писателей, особенно нежного возраста и слабого пола всегда всё не как у людей. Наш гид рассказывала о многом, но мне особенно запомнились балы и танцевальная обувь барышень. Обувь была матерчатой, её век, как жизнь бабочки, проходил ярко и быстротечно, едва-едва хватало одной пары на один бал, а то и запасную брали. Может быть, разглядывая танцевальные «черевички», мы все смогли на одно чудное мгновение ощутить прелесть женских ножек, которые когда-то обували их. Женские ножки ведь не раз вдохновляли поэтов!

«Расскажи-ка Дедушке Морозу стишок!». Круглые столы, мастер-классы и обсуждения.

Что главное на детском новогоднем утреннике? Конечно же, подарки! А выступления? Выступления – это ритуально-стратегический ход, чтобы оные подарки получить. Поэтому, все мы приехавшие выступали на пленарном заседании, читали стихи на мастер-классах (которые провели поэт В. Бояринов и заслуженный работник культуры, поэт Л. Котюков) и делились наболевшими проблемами и бесценным опытом их решения на круглых столах.

Особенно яркими были выступления на пленарном заседании председателя Московской городской писательской организации Владимира Бояринова, главного редактора журнала «Наш современник» Станислава Куняева, главного редактора «Новой Немиги литературной» Анатолия Аврутина, председателя Международной Федерации русскоязычных писателей Олега Воловика (Венгрия), главного редактора киевского журнала «Радуга» Юрия Ковальского, поэта Натальи Волковой из Праги, а также президента Союза русскоязычных писателей Австрии Марины Калашниковой.

Кроме того, за круглым столом собрались, чтобы обсудить разные насущные вопросы, сказочные рыцари – главные редактора журналов и представители различных издательств. Были среди них мудрые и вечно юные журналы-старцы со столетней историей и молодые, но уже победно прокладывающие свой путь в будущее, и те, кто из юности перешагнул в зрелость. Главное, что в них живет душа, а то, бывает, проникнет на праздник, непонятно зачем, воскрешенный зомби. Хотя, чего бояться? Жизнь зомби не может быть долгой. Одна оболочка долго не протянет.

В конце нас ждала творческая встреча с писателем, журналистом Гарри Каролинским из США и презентация его книг. Украшением презентации стал не традиционный шестой вопрос, хотя и он имел место быть, а мини концерт на два голоса. Песни незаметно проникали в сердце, а мы уже ощущали предчувствие долгожданных подарков.

Квест по Переделкино за подарками

Переделкино само по себе напоминает огромную коробку с подарками. Подарки прячутся среди зимнего леса, писательских и не совсем писательских дачных участков.

Первым подарком оказывается дом-музей имени Пастернака. Я здесь уже во второй раз, оттого, наверное, ощущение возврата к чему-то родному. Пытаюсь разглядеть церковь сквозь «витраж». Огромное окно состоит из многих маленьких оконцев. Они похожи на ящички комода. Что хранилось у поэта в каждом из них: ветры, сквозняки, звуки или вдохновение? В верхней комнате на кровати спит огромный ленивый котиче. Наш гид с улыбкой рассказывает, что именно на ней спал и любимый пёс Бориса Леонидовича. У кота, оказывается-то, особая должность в музее – продолжать традиции.

А мы уже спешим к другому подарку. Из-за зеленого забора видно странное чудо-дерево. «...Не листочки на нём, не цветочки на нём, а чулки да башмаки, словно яблоки!». Толкаясь и подгоняя друг друга (холодно, минус двадцать как-

никак!), входим в дом-музей Корнея Ивановича Чуковского. Ольга Лаврова, поэт из Австрии заметила и запечатлела на своем фотоаппарате чудесное явление преобразования наших лиц. Из угрюмых и скучноватых, зятянутых в маски взрослости, мы, по мере нашего пребывания в музее превращались в сияющих детей, верящих в чудеса. Я до сих пор думаю, а может наш гид, который с жаром рассказывал о Мухе-Цокотухе как о подлинной жизненной драме, не обыкновенный человек? Хотя, как можно остаться обыкновенным, если со стены смотрит портрет Корнея Ивановича в индейском оперении. Это, по меньшей мере, окрыляет.

Музей-галерея Евгения Евтушенко оказался подарком в подарок. Рассматривая картины и фотографии, мы не знали, что через пару минут будем запросто разговаривать с самим Евгением Александровичем. Такие встречи – всегда знаковые. В разговоре с Евгением Александровичем затрагиваются разные вопросы. В том числе о судьбе мировой литературы. Он говорит о том, что не хватает писателя большой величины. Габриэль Гарсия Маркес – последний из, он же хороший друг Евгения Александровича. В общении и шуткам находится место – Евгений Евтушенко, улыбаясь, делится с нами своими первыми и вполне остроумными творениями, которые он сочинил в... 4 года! И снова разговор возвращается в серьезное русло. Спрашиваем о самом главном, о творчестве. Евгений Александрович говорит, что и двадцати лет не хватит, чтобы описать все, что было в его жизни, а когда пройдут эти двадцать лет, накопится новый опыт, который тоже захочется отобразить в творчестве.

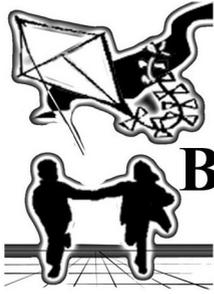
А, напоследок, всегда песня. Нас, заблудившихся в переделкиновском снежном лабиринте, подбирает машина, и мы мчимся на встречу с домом-музеем Булата Окуджавы. Мне кажется, главное свойство музеев в Переделкино – создать ощущение подлинной встречи с живым Пастернаком, Чуковским, Окуджавой. Именно здесь они становятся близкими и родными. Почему-то вдруг вспоминается малозначительный, смешной, но очень человеческий факт из экскурсии по дому-музею Булата Шалвовича. Старенькая бодренькая экскурсовод показывает нам на небольшой телевизор и говорит, что Булат выиграл его в телевизионном конкурсе на лучший анекдот.

Добро побеждает! Закрытие форума.

Двадцать первого декабря победило, конечно же, добро! Правильно написала поэт и писатель Елена Шуваева: «А тот, кто не вписывается в общий конец света, забаррикадирован в своей комнате мебелью со всего коридора...» Закрытие форума превратился в начало – нового понимания, новых планов и сотрудничества. Как говорится, и я там была, красную икорочку ела и слушала русские народные песни в прекрасном исполнении Ксении Захаровой-Воловик. Кроме того, в очередной раз порадовалась за наших. Марина Калашникова передала через меня медаль за победу в конкурсе «Литературная Вена» Олегу Краснову.

Вечером, собираясь в дорогу, с любовью упаковывала в чемодан подаренные мне книги.

А будучи уже дома, отпраздновав Новый Год, я неожиданно получила подарок – книгу, сборник повестей и рассказов Феликса Ивановича Тацкого «Обвиняются в доброте», которую он пообещал прислать мне в ответ за подаренную ему мою книгу стихов. Настоящие писатели не разбрасываются словами.

Взлётная полоса

НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Необыкновенно рада тому, что могу представить в этом номере журнала подборку произведений моих дорогих коллег по литературе и друзей, с которыми я познакомилась на Первом международном совещании молодых писателей в Переделкино и молодежном форуме «Молодежь СНГ – Будущее Общественной Дипломатии». На форумах мы все дружили и прекрасно уживались в едином творческом пространстве, уверена, что на страницах «Русского поля» продолжится эта замечательная традиция. В настоящую подборку вошли молодые прозаики из Риги Ирина Вахитова и Николай Котов, о которых я уже упоминала в своей статье «Корабль Переделкино». А также поэты Вика Осадченко из Узбекистана, Елена Крикивец из Белоруссии и Асмик Симонян из Армении.

Татьяна Орлова

ВИКА ОСАДЧЕНКО (г. Ташкент)

Живу в городе Ташкент, Узбекистан. Стихи публиковались в журналах «Звезда Востока» (Узбекистан), «Книголюб» (Казахстан), «Новая Юность», «Дружба народов», «Литературная газета» (Россия), «Интерпоэзия» (США), альманахах «Преддверие», «Сегодня», антологии «Анор/Гранат» (Москва). Участник шести Ташкентских открытых фестивалей поэзии (2001, 2002, 2003, 2005, 2006, 2008), лауреат приза зрительских симпатий «Глиняная книга» 5-го Ташкентского открытого фестиваля поэзии. С 2006 г. член Союза писателей Узбекистана. Сборники «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух». В 2011 году стала участником форума «Молодежь СНГ – Будущее Общественной Дипломатии».

* * *

В дверь, приоткрытую на ширину кошки,
входит сквозняк, острым пальцем ведет по коже.
Сильные снегопады заносят город
и набухает слово в горячем горле,

и вырывается птичкой из темной клетки.
Снова озноб и тоска и глотать таблетки,
ты не приедешь и ночью не отогреться.
Сны как открытки с видами франций-греций,

но оттого наутро еще печальней.
 Я позвонила богу – не отвечает.
 Пальцы примерзли к диску, а трубка – к уху.
 Я набрала твой номер – там тоже глухо.

А за окном бело, и летит красиво
 снег под фонарь, и я говорю «спасибо»,
 я подхожу, к стеклу прижимаюсь носом.
 Воздух забит снежинками. Нас заносит.

Воздух рябит. Мы празднично, плавно тонем.
 Медленно кружим в набухшем сыром картоне
 наших домов-коробок. Вплываем в космос.
 Пробую дозвониться, пока не поздно...

ГОЛЛАНДСКОЕ

ты мельница меня перетираешь
 белесыми своими вечерами
 меня шлифует ветром и прибоем
 и сквозняки сочатся из пробоин
 ты сладкая вода из моря горстью
 прекраснейшая Смерть из церкви в делфте
 ты тридцать дней со мной играла в гости
 самозабвенно как играют дети
 дожди твои дома смешные крыши
 кого взамен меня ты возвращаешь
 пусть самолет поднимется повыше
 чтоб разглядеть сумела на прощанье

1. MOSCOW

Оставь слова
 лежать по местам, не трогай.
 Поймешь, что поздно, когда тебя дернет током.
 Защищен провод,
 заточен ножик,
 кончайте споры.
 Хитин ломаешь,
 в тоску ныряешь,
 как будто в прорубь.
 Вернись нескоро.

Бездушный город,
 кроваво-серый

и желто-серый,
и серо-голый.
Лети на волю, найди мне небо,
мой белый голубь.

Мелькнет монета.
Твои слова
подступают к горлу.

2. ГДЕ-ТО ЕЩЁ

Иногда приходит ответ, а потом вопрос.
Это значит, наверно, что ты до него дорос.
Иногда понимаешь, что все напрасно и жизнь пуста.
Перекинь страницу, начни с другого листа.

Иногда к тебе ходят призраки танцевать в ночи.
Иногда к тебе ходят менты, санитары, врачи.
Иногда ты небесная лодка, лежишь на земной мели,
никуда не взлетаешь, глядишь наверх, говоришь: или,

элохим, говоришь, адонай, забери в свой край.
А тебе говорят – вставай, говорят – играй,
говорят – танцуй, говорят – тоскуй, только силой твоей тоски
эти хрупкие лодки летят к луне, невесомы и высоки.

Это ты открываешь дверь, но стоишь внутри,
провожая ночные фонарики, негасимые корабли
там, где крутится круг, там, где гаснет последний свет,
и не смеешь задать вопрос, потому что ты сам – ответ.

3. ГОСТИ

Не туман ли там за окном
затянул стекло полотном?
Впереди зима, позади Самайн,
в ледяную мглу вплетены дома.
Ты лежишь без сна, смотришь в темноту.
Вкус сырой тоски у тебя во рту.
Ты лежишь без сна, ждешь своих гостей.
Не видна луна, холодна постель.
Кто танцует там в темноте?
Чьи шаги тебе не слышны?
Каждый раз в туман ждешь гостей,
что приходят с той стороны.

* * *

Ты окунаешь руки в свет.
 Ты лепишь мир из янтаря.
 Луч преломляется в стекле
 и где-то люди говорят,
 и гул огромных городов,
 и ветка, сжатая в руке...
 Свет значит то же, что любовь,
 на самом первом языке.

* * *

Порой я не вижу Твоих путей –
 лишь лезвия вразнобой.
 Но дверь, если нужно, сойдет с петель,
 раскрывшись перед Тобой.
 Стена, если выхода больше нет,
 рассыплется по кирпичу.
 Поверить, что Ты есть и ад, и свет –
 я большего не хочу.

ЕЛЕНА КРИКИВЛЕЦ (г. Витебск)

Член Союза писателей Беларуси. Член Союза писателей России. Автор сборника стихов «На грани света» (2008 г., Минск). Стихотворения поэта вошли в антологию «Современная русская литература Беларуси», печатались в коллективных сборниках, журналах «Западная Двина», «Неман», «Немига литературная», «Второй Петербург», «Вместе с Россией», в «Литературной газете». В 2011 году стала участником форума «Молодежь СНГ – Будущее Общественной Дипломатии».

* * *

В глухой тиши ноябрьских ночей
 дрожат слова, как воробьи на ветках,
 уставшие от пафосных речей,
 бессмысленных скандалов и наветов.

Береза свой заржавевший пятак
 бросает вниз (пожалуй, не убудет),
 и познается поздний Пастернак
 светло и глубоко, «до самой сути».

И хочется морозной чистоты,
 и белизны нетронутой, хрустящей,
 и мыслей, что понятны и просты,
 и чувства, что зовется настоящим...

Но сколько душу к чуду ни готовь,
 заглядывая в призрачное завтра,
 а поздний снег, как поздняя любовь,
 виски прохожих серебрит внезапно.

* * *

Я ухожу из осени твоей,
как в юности из дома уходила:
в ней горечь почерневших тополей,
скрипящих, будто мачты без ветрила.

Так птицы вылетают из гнезда,
поднявшись на крыло звенящей ранью.
Там, в небесах, еще горит звезда,
и тает на глазах, и душу ранит.

Наверное, могла бы быть другой
твоя ветрами порванная осень,
но память тащит годы за собой,
как женщина тяжелую авоську...

Ноябрь замаячит вдалеке,
пройдут дожди, и, если разобратся,
моя рука лежит в его руке.
Все остальное – смена декораций.

* * *

А когда затеплятся вопросы:
для чего звезда дрожит в окне
и такие тютчевские грозы
будоражат небо по весне,
вдруг душа забытая заноеет,
станет рваться из последних сил –
ты услышишь за своей спиной
взмах *его* шести свободных крыл.

И начнешь светло и неустанно –
слово к слову –
ткать свой главный труд,
что потом из ящика достанут
и с листвою опавшею сожгут.
...Осень в устремлении наивном
красит небо яркой бирюзой,
только не меняется Калинов
и опять повеяло грозой...

* * *

Малыш отпускает воздушный шарик
и, жмурясь, с улыбкой глядит на солнце.
Он словно задачу в уме решает:
когда это чудо к нему вернется?

Так я отпускаю твои ладони,
скрывая тоску, как письмо в комод.
Смотрю, опираясь на подоконник,
как ты через двор в тополя уходишь.

Так мать отпускает дитя в дорогу,
и крестит, глаза утерев украдкой,
и в церковь идет помолиться Богу,
надежду согреть огоньком лампадки.

...Защиплет глаза от стального света,
и хлынут слезинки, как дождик в мае.
Он вместо заветной упругой ленты
уйдет, пустоту в кулачке сжимая.

* * *

Душа не ночевала дома
и воротилась, не спросясь:
в твои двуспальные хоромы
заря, как чудо, ворвалась.

И запах трав, налитых соком,
и небо с кляксами чернил
там, в неразгаданных высотах,
ты знал, наверно, и любил...

Не до конца поверив счастью,
но одинаково легко
ты слышал жилку на запястье
и ветер, бьющийся в стекло,
и предрассветный шорох листьев,
как незаслуженный укор...

И левитановскую кистью
к утру окрасился простор.

АСМИК СИМОНЯН (г. Ереван)

Родилась в городе Ереван. Член союза писателей Армении, поэт. В 2005 году вышел поэтический сборник «sleep walker words» и в 2010 поэтический сборник «scatter rooms». Лауреат конкурсов «Время», объявленный Sona Van (2004), «Маленький принц» (2005), а также лауреат фестиваля «Будущее принадлежит нам», премии Накоб Карапенс, Нрант Матевосян, лауреат премии в номинации поэзия, объявленной газетой «Gretert». В 2006 году удостоена армянской Президентской награды для молодежи в области литературы. В 2011 году стала участником совещания молодых писателей в Переделкино, участник форума «Молодежь СНГ – Будущее Общественной Дипломатии».

ТИГР ТРЕЙСИ

вот несколько строк о сигаретах –

несколько страниц вслух письма Д. М.
о персиковом коньяке,
об италии,
об араме пачяне,
о тебе,
обо мне,

о кистях, разбросанных на полу и так похожих на обрезанные женские ноги,
о книгах,
о нашем поколении
из нескольких человек,

о карьере искусствоведа,
 о роли искусствоведа в доме и снаружи,
 несколько слов об одиночестве,
 о неимении читателя,
 о мизантропстве,
 о людях, несчастно нас любящих,
 о наших родственниках и особенно о наших родителях,

несколько строк, написанных
 с поникшей головой,
 о безответственности и о нашей бедности,

несколько слов, по-скотски гениальных,
 что богаты, как пикассо,
 и бедны, как ван гог,

несколько слов об истаивающей сигарете,
 о пустых карманах,
 о бросающем пакет сухого хлеба и о ветхом искусстве,
 о боге, который сам покинул небо
 и отправился то ли в италию, то ли в пари́ж,

несколько погасших сигарет и истощенная богема...

* * *

в один день, когда вы своими грязными устами
 больше не будете чистить слова мои,
 когда я стану старше,
 когда я буду малолеткой
 или почти неродившейся,

однажды открою дверь,
 войду внутрь,
 поставлю чайник, чтобы согрелся –
 чайнок насыплю много, воды налью мало,
 сяду и напишу
 о вашем проклятом племени,
 заматерюсь на ваше зажатое табу:
 курящие женщины – стервы,
 плюну на ваш лоб
 и вместо сигареты вдохну огарь спички,
 и от неприятного вкуса подступит тошнота,
 и я действительно себя почувствую стервой,
 так как во время писания
 курение – обязательное условие,
 когда в пепельнице давишь ненужные слова,
 и в здоровом теле стиха

появляются только здоровые слова со здоровой душой
и стройностью красивой женщины

и гибкостью,
как дым,
вас душаций...

в один день, когда я напишу и порву,
когда напишу и порву,
обессилев от вашего бессилия,
плюну на себя, что родили меня,
вернусь обратно
в ваше чрево,
закручу пуповину вокруг шеи
и пообещаю родиться,
когда мир станет другим...

в один день, когда мои тарелки будут перемыты,
чай выпыт
и последняя спичка изжевана и переломана...

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

(Основано на реальных событиях)

одна книга жила в большом городе
все над ней подтрунивали
никто не интересовался ею
никто не ласкал ее страницы
любовью не занимался с ее словами
и книга решила совершить самоубийство
она пошла в национальную армию
и отслужила страницу за страницей
в туалете национальной армии

ОХОТА

я закрываю дверь и окна,
одеваюсь, застегиваюсь, заматываюсь душачим шарфом,
завязываю глаза, затыкаю уши и нос прополисом,
чтобы ты никак не вошел в меня –
через воздух, микробы, шепот, голос –
чтобы не вошел никак,
был предан забвению и улетучился

я придумываю скорбь по твою честь,
тысячекратным «помилуй» умерщвляю тебя,
прокалываю твой труп обваленными в моей любви стрелами-
ядовитыми и страстными,
затаскиваю твоё тело в сарай –
сырой и холодный, без света и без Асмик Симонян,
оставляю тебя, как корм для крыс,
плачу над тобой, как маленький ребенок,
и непотребные слова
говорю в твой адрес –
в основном, любовного характера,
замок на двери смотрит и не понимает: открыться или закрыться,
лестница спрашивает: «сейчас рухнуть или как, Асмик Симонян?»
«рухнуть-мухнуть нет, – говорю насколько возможно безразлично и мирно, –
стань пеплом и прахом»...
и смотрю на небо, чтобы слезы не упали вниз

опухшими глазами не вижу, но чувствую,
что солнце этого часа – моя отрезанная голова,
кровоточу о тебе этим закатом,
каждый обычный день,
как добросовестный государственный чиновник
от усталости забываю и тебя, и себя
и продолжаю забывать от Площади до улицы Абовяна и Северного проспекта...
не трудно угадать, что ты нарочно и коварно
пойдешь навстречу, завидев меня издали –
полрта приветствуют тебя невидящим взглядом,
чтобы ты случайно не узнал, что это я однажды выла в своем дневнике:
не целовать твои губы – то же самое, что не иметь губ,
сплела бесчисленные песни и придумала скорбь в твою честь...
не я была, любимый,
ты был,
это ты проколол мое тело ядовитыми стрелами любви,
это ты с голодными глазами, сверкающими диким блеском,
ликовал из-за удачной охоты,
издавал гортанные звуки,
и мое обескровленное тело
раскачивалось безразлично и мирно
на твоём мускулистом плече,
источая смрад, что есть полностью любовь,
с отрезанной головой, которая не видела, но чувствовала,
кровоточила о тебе, о тебе, о тебе...

МОЛИТВА

аквариумный город,
открывай свои крылья,
как я...
как замедленный кадр фильма
на лице небрежно будет таять панно слез,
босые ноги опустишь в воду,
и Иисус второй раз пройдет по водам,
и в сетях рыбаков
появишься ты
и настоящая русалка без хвоста
со сказочно длинными волосами

аквариумный город,
открывай свои крылья
и принимай в объятия блудную дочь свою,
бегущую в тишине по раскаленным крышам...
и теплый шум улиц,
поднимающийся как пар,
оседает на сказочно длинных волосах...
потерявшую одну из туфель 38 размера
в полудутом розовом пальто,
блудную дочь свою принимай в объятия, город,
и отходи от окон –
они не для того, чтобы выбрасываться

с крыши...
отпусти свой бег по крышам, утяжеленным горизонтом,
и сеть,
от ветра развевающуюся сеть
на теле твоём, что еще верит в чудеса...
громко крикни от имени всех мертвых
спящим рядом людям, как нож и ложка,
заставь проснуться,
заставь ощутить
на лицах своих небрежно тающее панно слез
и, наконец-то, выброси мусорный ящик,
день и ночь, повторяющиеся как детские истерики,
состаривающие нас смены праздников,
издохших птиц,
кости рыб,
грех, выжатый из тела твоего,
и желтые листья...
аквариумный город,
открой свои крылья

и прими в объятья блудных дочерей своих
со сказочно длинными волосами, потерявшими туфлю 38 размера,
в пальто и без сети...

Переводы с армянского: *Елена Шугаева-Петросян*

ИРИНА ВАХИТОВА (з. Пуга)

С рождения живу в маленьком ганзейском городке, где остроконечные башни, мелодичный чужой язык и гулкие улицы. По происхождению я польско-белоруска, а сейчас еще и с татарской фамилией (фамилия приобретенная). Практически во всех своих рассказах я описываю деревенские просторы родной белорусской деревни – Лужки. Мой первый рассказ стал победителем на латвийском конкурсе «Рукописи не горят» в 2006-м году. В 2010-м году я стала лауреатом Пушкинского конкурса, который проводился для учителей стран СНГ. Работаю в русской школе преподавателем русского языка и литературы. С 2011 года являюсь членом литературного объединения «Светоч». Помимо литературной деятельности, сочиняю песни, декламирую свои стихи и рассказы под музыку, выступаю в рижских клубах под псевдонимом Радогора. В 2011 году вышел мой официальный диск «Розовый домик», в него вошли песни, стихи, рассказы. Принимала участие в Первом международном совещании молодых писателей в Переделкино в 2011-м году. В том же году опубликованы два рассказа в «Общеписательской литературной газете».

ИЛЛЮЗИИ СВЕТА

Иллюзия первая. Дым.

Сквозь сизое облако предрассветного дыма я различала светлое пятно мира. Поразительно, там где-то была я – вот он маленький островок счастья и света. Он светится ясно. В руках неестественно дрожит сигарета, своим дымом она оскорбляет рассвет. Красиво. Спокойно. Призрачно. Только в танце дыма дышит дыхание. Так же призрачна опора того, кто рядом. Он наслаждается дымом моего дыхания. Нечеткие очертания внушительной фигуры. Наши руки соприкасаются и теряются в дымке розового утра.

– Посмотри, что это там светится? – рассвет становился неожиданно ярким.

– Где? – держа меня за руку, тихо проговорил тот, кто рядом.

– Черт, – из рук выпала сигарета, а в глазах моего спутника вспыхнули костры, – это ведь горит что-то... видишь... вон там... Здесь сухая трава, а если загорится?

– Ну, я же с тобой... Пожар далеко... Посмотри, виден только дым...

Иллюзия вторая. Даль.

Вдали – человек, он радостно машет руками. Уверенной и размашистой походкой вплывает в мой путь, в мою дальнюю дорогу. Но на самом деле границы между нами еще более раздвигаются.

– Ну что же ты так далеко? – раскинув руки, пытаюсь взлететь навстречу.

– Что ты, глупая, я же шепчу тебе на ухо... Ты ведь слышишь мое дыхание? Разве я далеко? – зашелестел ветер над моей головой.

– Иногда мне кажется, что кто-то из нас не более, чем призрак, – насмешливо гляжу в далекие болотца глаз.

– Я иллюзорен со всех сторон... Хочешь до меня дотронуться? – чувствую яд насмешки.

– Поняла. Я слишком часто смотрела на удаляющееся небо, потому давно улетела в небесную негу... А ты не забыл окунуться в мои глаза? – загляделась в даль чутких небес.

– Я и сейчас вижу твои глаза. Нельзя же так... В твоих глазах я вижу себя. Надо бы стереть это изображение. Оно ни к чему в зеленой трясине твоих глаз, – стяхивая пыль слов, отвернулся от меня.

– Ты всегда будешь далеко... Но запомни зеленые хрусталики в моих глазах. А может, ты станешь еще ближе?... Ближе... Ну... же... – эхо убежало в далекую страну за тем человеком.

Иллюзия третья. Надежда.

Нежные ручки обвили меня за шею. Глаза-бусины смотрят на меня доверчиво. Волнистые волосы красиво разлеглись на подушке.

– Мама, а все люди хорошие? – крепко-крепко обнимает меня за шею.

– Ну, они все добрые, но совершают много неправильных, плохих поступков, – отворачиваюсь, смотрю на желтую стену.

– Это как? Вот мы с тобой хорошие? – гладит меня по голове.

– Мы с тобой самые лучшие! – целую дочку в нежный бархат щеки.

– Тогда почему ты часто такая грустная? – она сощурилась, готовясь расплакаться.

– Потому что твоя мама сделала очень много нехорошего, – сама едва сдерживаю слезы.

– Мамочка, ну что ты! Ты – самая лучшая, самая красивая! Когда я вырасту и выйду замуж, я все равно буду рядом с тобой – всегда-всегда. Но если ты будешь грустить все время, то я тоже буду плакать, – внезапно слезки брызнули из ее черных глаз-вишеночек.

– Хочешь, мы с тобой в кафе сейчас сходим? Хочешь? – осторожно прижимаю дочку к себе.

– Да! Я все отдам, что у меня есть, я даже сладостей никаких не буду, мамочка! Только будь веселенькая! Ведь мы же с тобой всегда вместе,

Включаю музыку, и мы начинаем смеяться и танцевать.

Весело прыгаем и покрикиваем: «Слоне-е-нка веселого нет... Слоне-е-нок веселый весь где-е-сь...»

Иллюзия четвертая. Жизнь.

Странные коряги разбросаны по лесу. То и дело попадают под ноги. Лес маленький, а шаги очень большие. Тихо. Весело бьется сердце. Рассматриваю далекие вершины сосен. Как хорошо, что здесь никого нет. Только слишком безмолвно, хотя недалеко железная дорога. Чтобы быстрее прийти, сворачиваю к ней. Почти час я бреду по рельсам на любимую полянку. Именно сюда я водила разных людей, чтобы показать, что свободная жизнь есть и в городе.

Я устала. Главное – не останавливаться, нужно просто увидеть родную по-

ляну. Может быть, в пруду еще будет плавать та же шина... Голубая вода и черная шина.

Вдалеке лают собаки. Пячусь от них подальше. Никогда не любила собак. Передо мной в пяти метрах остановился пёс непонятной породы – помесь буль-терьера с носорогом. Мы настороженно уставились друг на друга.

«Я иду к жизни, а останавливаюсь перед маленьким чудовищем», – нелепая мысль коснулась сердца. Собака спокойно и равнодушно смотрела на меня, как будто размышляя, что предпринять. Если я сейчас сверну, то так и не попаду никуда. А мне обязательно нужно добраться. Иду по шпалам, не глядя на собаку. Впереди становится светлее: заканчивается лес, передо мной неприглядная картина...

...Вся поляна разворочена, на ней стоят бульдозеры. Кругом ямы и насыпи. Это все, что осталось от полянки.

Иллюзия пятая. Смерть.

На вокзале, как всегда, снуют люди. Двое прощаются, ведь какое-то время они не увидятся. Всего лишь небольшая разлука. И все-таки она не может сдерживать слез, все быстрее растекаются они по лицу. Желтый фонарь превратился для неё в неясные разводы, которые меняют свои очертания.

– Ну что ты, котька. Это же совсем ненадолго, – парень бережно утирает девушке слезы.

– Да... Знаю... Просто мы так долго не увидимся, – девушка, всхлипывая, тянет руки к нему.

– Ты всегда будешь рядом. Ты же знаешь... – в глазах появились лучики надежды.

– А если я вернусь только через год? – дразнит она его.

– И через год. Я буду тосковать, но буду ждать тебя и год, и два... Что у тебя за глупые мысли? – быстро бросает поцелуй в горящую мокрую щеку.

Вскоре мирный стук колес развеял ее беспокойство. Вдали мелькали деревья и воспоминания. В руках было письмо от того, кто ее провожал...

...А через неделю он ее встречал на том же вокзале. Они махали друг другу. Она бежала навстречу, он тоже смотрел только на нее. Тяжелый вскрик паровоза раздался над самым ухом...

...Так мечтала она, лежа в пенной ванне и намывая вытянутую ногу. Вокруг было слишком много света, спешить не хотелось. Почти с удовольствием она представила себе свою смерть в лучах прожектора. Мечты ее были далеко...

И вдруг ее осенило: она забыла забрать паспорт из туристического агентства, а через три часа нужно быть на вокзале. «Черт! Зачем я мечтала о смерти?», – в суете она принялась натягивать джинсы на мокрое тело. В хаотическом танце диких народов она носилась по комнате, не понимая, что можно предпринять в такой короткий срок. Полчаса суматошных поисков нужного телефона. Бегство. Остановка. Успокоение. Свет.

Она снова медленно погрузилась в теплую воду: никакой железной дороги, никакого прощания, никаких чемоданов. «Как же хорошо! И как много света, – шурилась девушка, глядя на яркую лампу и танцуя расслабленной рукой в воздухе, – как хорошо, что я никуда не уехала».

НИКОЛАЙ КОТОВ (г. Рига)

Родился и живу в Риге. Член рижского литературного объединения «Светоч». Публиковался в литературных сборниках Латвии. Автор книги «Незатейливые рассказы». Принимал участие в Первом международном совещании молодых писателей в Переделкино в 2011-м году.

ПРО РУСАЛКУ

Русалку он повстречал на озере. Ходил туда и прежде, часто гулял в одиночестве на берегу, и в один прекрасный день, ближе к вечеру, она показалась в камышах. Сперва он принял её за застигнутую врасплох купальщицу, но она и не думала прятаться, а подплыла ближе, засмеялась и поманила к себе. Кругом не было никого, но лезть в холодную воду на ночь глядя не хотелось. Тогда она подплыла к самому берегу, и он, помимо всех её прелестей, разглядел рыбий хвост. Ему бы испугаться и бежать, но, видимо, в это время мимо пролетал Амур, прибывающий в игривом настроении, и без промаха пустил свою роковую стрелу, ни мало не заботясь о том, что из этого выйдет.

Они не расставались до темноты. Не смотря на запах тины и холодные объятия, он не мог оторвать от неё восхищённых глаз. Утром, чуть забрезжил рассвет, он был уже у воды. Она ждала его, не отпускала до вечера. Несколько раз он отважился на купание. Но – осень, скоро зима. План созрел быстро. На другой день захватил с собой огромное покрывало, укутал в него русалку и на руках отнёс домой. Конец покрывала тянулся следом, как шлейф невесты. Наступили счастливые дни.

Однако вслед за счастливыми днями не замедлили подойти дни суровые. Чем кормить русалку? Она любила раков, ела их живыми. Но раки в магазинах бывали не каждый день и стоили дорого. Предлагал ей креветок – ей не понравились. Без воды она чахла, и все дни проводила в ванне. К тому же источала стойкий запах тины и свежей рыбы. Рыбой пропахло всё, от мебели до одежды. Все окрестные коты сделались его лучшими друзьями. С хвоста русалки сыпалась чешуя, и, как он ни отряхивался, постоянно находил её всюду, даже в пище.

И тут ветреный Амур, получивший нагоняй от кого следует, вернулся и вырвал из его груди коварную стрелу. Он посмотрел на чешую на ковре, на дежуривших под окном кошек, выслушал соседей, не желающих жить в рыбной лавке, и отнёс русалку назад. Расставание было тяжёлым, озеро стало солёным от слёз.

Они не виделись долго. Наступила зима, озеро покрылось льдом. Но тоска, нащёптываемая одиночеством, так его доняла, что он не выдержал. Стал ходить на озеро, бурить лунки и звать её... Но – тишина. Падал снег, потрескивал лёд, и метель пела песню об их разлуке.

ПРО ЛЮДОЕДА

Людоед очень любил людей, только по-своему. Он без них жить не мог, всегда переживал, когда подолгу не видел ни одного человека. Всё сидел у окошка и смотрел на дорогу, не идёт ли кто? А, завидев путника, радостно его встречал, спешил приютить, обогреть, накормить, спать уложить... Путникам это так нравилось, что они больше никогда не покидали его дом, стараясь доставить хозяи-

ну как можно больше радости. Только по прошествии нескольких дней людоед почему-то опять начинал тосковать и днями напролёт просиживал у окошка.

Он был таким ласковым, внимательным, обходительным, каким могут быть только людоеды. Никогда не позволял себе грубого слова, всегда улыбался, любил читать книжки и горько плакал над историями о несчастной любви. Никому не отказывал в помощи, если случалась беда, то первым спешил на подмогу. Он заботился о людях и часто повторял, что без людей ему и жизнь не в радость. И в людях разбирался хорошо, имея на каждого человека свой особый взгляд. Заботился о каждом. Заметив больного – тут же лечил его, боролся с эпидемиями, с голодом, никогда не скупился на подарки. Ведь если не станет людей, то как он будет жить? И потому сделался самым уважаемым среди людей. Его любили, почитали и боялись, когда он улыбался и заглядывал кому-нибудь в глаза.

Людоед был популярен, а вскоре сделался мэром. Город преобразился, стал тихим, чистым и приветливым. Все жили счастливо, ели досыта, болели редко и возносили хвалу людоеду. А если вдруг кто-нибудь из жителей неожиданно исчезал, то остальные старались не обращать на это внимание. За всю историю города у него не было правителя лучше. Ведь людоед любил людей, но только по-своему.

ПРО ПОПУГАЯ

Разведена. Полжизни вычеркнуто и выброшено, остаётся начать всё с чистого листа. Только как начнёшь, когда тебе уже за сорок и ты осталась, с чем была. Ни детей, ни мужа... Перспектив никаких. Будущее не то что в тумане, а за глухой стеной, которую не обойти. Ни надежд, ни желаний...

Чтобы не сидеть дома в четырёх стенах, она ходила гулять. Просто бродила по улицам, паркам, скверам, в этот день пошла в зоопарк, где не была уже лет двадцать. Хорошо, что в нём мало народу, никто не мешает. Посмотрела на спящего льва, на тоскующего белого медведя. Горилла с лицом мыслителя окинула её задумчивым взглядом, верблюды повернулись задом, а рысь отнеслась к ней очень подозрительно. Сама она обращала на зверей мало внимания. С таким же успехом можно было ходить и по музею или по торговому центру, только здесь свежий воздух и малоллюдно. От своих мыслей не убежишь, а они, невесёлые, бродят в голове, отвлекая от окружающего.

Шагая по дорожкам, добралась до птиц. Орлы, совы, павлины... Задержалась возле клетки с попугаями. Большой белый попугай изучал её с особым вниманием, склоняя голову то направо, то налево. Она смотрела на него. Хотела было улыбнуться, но вместо этого из груди вырвался глубокий, тяжёлый вздох. Всё накопившееся за последние месяцы излилось в нём. Попугай наклонился к решётке и вкрадчиво произнёс:

– Что вздыхаешь, дура?

От удивления она округлила глаза и открыла рот. Попугай, не отрывая от неё взгляда, зашептал песенку:

– Спи, моя радость, усни. В доме погасли огни...

Мотив был незамысловатый, но на неё подействовал неожиданно: она вдруг согнулась пополам в приступе неудержимого смеха. Смех бывает разный: весё-

льй, гомерический... Её одолел истерический смех. Она вытирала слёзы, роняла платок, еле хватило сил отойти в сторону.

Когда его спрашивали, как он познакомился со своей женой, то он честно отвечал, что нашёл её в зоопарке. Гулял по зоопарку и возле мусорных контейнеров увидел женщину, сидевшую на сложенных коробках. Долго не мог понять, то ли у неё горе какое, то ли она просто сумасшедшая.

Стена, казавшаяся несокрушимой, раздвинулась, и впереди показалась новая долгая дорога. Появилась семья, дети и даже попугай. Его долго учили несколькими строчкам из песни, но он упорно молчал. Пара неприличных слов – вот всё, что знал этот попугай. Пытались найти в зоопарке того самого, но как ни старались, ни одного белого попугая так и не увидели. Теперь она уже сомневалась, а был ли он? Символ всего случившегося. Радость в минуту отчаяния. Домашний попугай, тоже белый, выкрикивал свои слова в самый неожиданный момент, но рука не поднималась с ним что-нибудь сделать. Страшно неловким движением разрушить давно желанное счастье.

ПРО СТАРУШКУ

Она была одинока в своей старости. Внуки уже выросли, навещали по случаю, только позвонят, спросят, как и что, и вновь она наедине с телевизором. Заботилась о себе сама, выходила из дома в магазин, поговорить с соседками... А потом однообразные долгие вечера. Врач смотрел на неё с сожалением, говорил, что надо сбросить вес, больше гулять, заняться гимнастикой... Для неё это звучало дико. Какая гимнастика в её-то возрасте? И как тут гулять, когда то дождь, то ветер?

Однажды к ней забежала внучка и принесла щенка. Ей его подарили, но у неё учёба, работа и дискотека с друзьями... Куда ей щенок? А бабушке в самый раз. Долго щебетала, выпила чаю с пирогом и убежала. Старушка растерялась. Что делать с щенком? А тот чихнул, сделал лужу и заскулил. Есть хочет. Чем его кормить? Молоком? Холодное нельзя, надо согреть. Одним молоком не накормишь, надо в магазине купить что-нибудь. А чтоб не делал больше луж, надо его выгуливать...

И начались весёлые дни: утром прогулка, потом кормёжка, потом воспитание и вновь прогулка, и так до вечера. Щенок был резвый, любил пошалить, и старушка уставала, как никогда. Раньше просыпалась среди ночи, а теперь беспробудно спала до утра. Утром, вместо будильника, уже скулили над ухом и звали гулять. Щенок рос, набирался сил и на прогулках тянул старушку за собой, как пушинку. Она, держась за поводок, послушно бежала за ним к каждому дереву, к каждой встречной собаке и за каждой убегающей кошкой. Домой приходила разбитая. Приляжет, а её вновь зовут играть или гулять. И в дождь, и в снег, и в ветер она, как солдат, точно по расписанию, бегала за щенком по другую сторону поводка. Жаловалась всем, что больше так нельзя...

Врач смотрел на неё с восхищением. Говорил: «Вы замечательно выглядите! Вот, что значит много гулять и заниматься гимнастикой». Она его не слушала. Думала, что скорее надо возвращаться домой, решала, что купить щенку, что ему приготовить. Да и дома теперь веселей, есть с кем поговорить, посмотреть телевизор, поделиться котлетой.

За межой

ПОЭТЫ ВОЛОГДЫ

Сегодня гости нашей рубрики – замечательные вологодские поэты Лета Югай, Антон Чёрный и Мария Маркова. А открывается она вступительной статьёй Марии Марковой, которая и прислала нам представленные ниже поэтические подборки, за что ей огромная благодарность.

Ведущий рубрики Сергей Пагын

«И РАДОСТЬ ОБРЕТЕНИЯ РОДСТВА...»

Современного читателя надо брать приступом, потому что он искушён и пресыщен. Даже здороваться не всегда нужно, но переходить сразу к делу – да.

Никогда не видела лирического героя стихов Леты Югай ребёнком, никогда не слышала детской интонации, о которой пишут критики, разбирая тексты этого поэта. Невозможно остаться маленьким, когда мир происходит вокруг и «проплывает время летнее на дворе». Взросление неизбежно. Но заблуждение возможно. С первого взгляда, с первого слова – трудно ощутить отголоски близкой или далёкой трагедии, трудно за уменьшительно-ласкательными словами и добрыми эпитетами увидеть приметы приближающегося конца. Но это зрение и слух отказывают нам, потому что вошли мы уже в прогретую солнцем воду Леты, ощутили забвение её – забывание во всей полноте тщеты, невозможности воспоминания удержать. Что происходит с первого (и последнего!) мгновения, если не забывание? Песок бежит сквозь пальцы – «да жизнь-то прошла», и человек, «со всеми его оврагами и сквозняками», прошёл – преобразился, стал «бабочкой у потолка», стал весенней птичкой, Мандельштамом, забытым жизнью самой в читальном зале, одиноко глядящим в окно. «Нега в сердце», «поскорее умирай», не продлевай мучение, подари утешающее забвение, сделай нас не нами, а кем-то другим.

Но как я уже сказала, заблуждение возможно. Стать кем-то другим в этой жизни нам не дано, и, наверное, в этом и состоит одна из трагедий существования. Пока идём мы к реке забвения, познавая окружающий мир и страдая от собственного несовершенства, что-то происходит, чему нет в земных словарях определения, но я бы назвала это чудом и метаморфозой. Мелочи, меняющие неуловимо сознание, сокрушающие целые жизни, диктующие поступки, определяющие будущее, – у каждого они свои. Но в тот момент, когда они становятся своими, они и перестают быть мелочами. Объяснить, как это происходит, показать, что для всех этот странный закон преобразования действует одинаково, может лишь поэт. Но такому поэту должны быть свойственны предельные откровенность и честность. Уже не может быть щадящих иносказаний, как в стихах Югай. Требуется иной язык. Лаколичный. Хирургически точный. И надо уметь ещё обращаться с таким языком.

Уязвляющим, болезненным зову я для себя язык стихов Антона Чёрного. Он беспощаден и точен, повествуя о где-то проходящей (прошедшей) жизни. Но как и в

застольном разговоре наступает момент ясности, когда собеседники понимают, что чем-то они близки, как могут быть лишь родственники – братья и сёстры, так и тут при чтении – в минуту молчания, в момент прощания с безвозвратно уходящим – происходит та самая метаморфоза, о которой я говорила выше: мелочи (но теперь это слово неуместно), или приметы чужого бытия, предстают как что-то общее для всех сразу, ведь у каждого есть и отец, и мать, и родной дом, и родина, и детство, и школа. «Всё просто и обыденно / На земле, в земле и под землёй», «Мы в самом прекрасном и гиблом из мест. / Наш быт незатейлив и жалок». Это чудо, видя которое – с металлоломом в сердце – впору заплакать, не стесняясь собеседника и исповедника.

И ещё несколько просто необходимых слов, поскольку я представляю вологодских авторов: у поэзии нет другой территории, кроме той, что находится в нашем сердце. Нельзя ограничить случившиеся уже стихи территориально. Я надеюсь, что прочитав их, вы услышите или увидите самих себя в настоящем или будущем. Увидите себя такими – без прикрас, простыми, незатейливыми, какими мы и являемся на самом деле.

Здравствуйте!

М. Маркова

ЛЕТА ЮГАЙ

Лета Югай (Елена Фёдоровна) родилась и живёт в Вологде. Выпускница Вологодского государственного педагогического университета и Литинститута им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Имеет диплом лауреата I степени I конкурса видеопэзии в рамках X Международного фестиваля поэзии на Байкале (2010) за клип на стихи А. Переверзина «Стало холодно совсем зябко» (рисунки Леты Югай). Клип «Мой Люблюд» (стихи А. Тимофеевского, режиссёр А. Переверзин, художник Л. Югай) стал дипломантом, а по версии зрительского жюри – победителем X Международного литературного Волошинского конкурса (2012).

Стихи публиковались в газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Современная поэзия», «Дети Ра» и др. Автор нескольких поэтических книг, в том числе: «Между водой и льдом» (М.: Воймега, 2010), «Где трава высока» (СПб.: Почитаем, 2010).

ВНУТРЕННИЕ ПОЛЯ

Когда время падает до нуля,
мы уходим во внутренние поля,
разбредаемся по долам.
В это время комната как Земля.
Мир её четырём углам.

* * *

Вот оно плывёт-проплывает,
 время летнее на дворе.
 Стрелка толстая, часовая
 еле движется по жару.

Вот оно плывёт, за домами
 жёлтым рыбьим глазом блестит –
 счастье летнее между нами,
 золотой улов, рыба-кит.

* * *

Среди всех рыб, окуней и щук, – Рыба-Кит.
 Среди всех дней в году – Новый год.
 Среди всех земель – та, над которой ангел парит,
 зависает в воздухе и не хочет лететь вперёд.

Он же знает, вперёд – это назад от центра земли.
 Деревянная луковка прячется в облаках,
 а вокруг на тысячу вёрст снега намели,
 а в окошке греется свечка в родных руках.

Ей дано растопить и печаль, и снега, и тьму.
 Лошадь сено жуёт, окно горит до утра.
 Все дороги идут от дома. Все приводят к нему.
 И трепещет ангел над крышей, не летит со двора.

* * *

Я тебя отпускаю – рыскай в своих лесах,
 гуляй на своих лугах, спи своим сном.
 А потом заходи показать свои чудеса.
 Заходить значит жить снаружи, у каждого свой дом.
 Я тебе принесу зелёных цветов из самой своей глуши.
 Я рашу их лишь для тебя, поливаю дождём в сушь.
 Мы живём, взявшись за руки, на границе твоей и моей души.
 И ничто уже не разведёт наших душ.

Из цикла «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ»

ФОЛЬКЛОР

У кота у воркута
 колыбелька не пуста.
 Спи, горюша, спи, смирись,
 в жизнь чужую не стремись.

У кота у воркута
жизнь на свете непроста.
Спи во мне, весь белый свет,
не родившийся на свет.

Кот-воркут в доме сидит,
меня видеть не хочет.
Нега, в сердце усыпай,
поскорее умирай.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ

Снег уже обряжен для сожженья
и глухарь свой приговор прочёл.
Ива вся гудит под напряженьем
Молодых высоковольтных пчёл.
Ветки, словно шпили, чередою
догорают в солнечной смоле.
Снег чернеет, корчась на земле,
чтобы снова стать живой водою.

ВЫПУСКНОЙ

Вот и застыло бесповоротно время.
Ступеньки как строчки в строфе,
но можно еще оглядеть сквозь ворота
двор, где деревья пылят.

Мне за билетом успеть до вокзала,
после в общагу, а прежде в кофейню.
Осип из окон читального зала
смотрит на тополя.

Из цикла «ЗАПИСКИ СТРАНСТВУЮЩЕГО ФОЛЬКЛОРИСТА»

БАБА НЮРА. ВСТРЕЧА ПТИЦ

Милушки мои прилетели!
Ангелы в крылах, в головах Спас.
Выйду, похвастаюсь: «В самом деле
Дожила до весны, до вас!»

Скворушки мои, осенью далече
Улетают в Ирий они.
Выйду попрощаться: «Бог вам навстречу».
И опять мы одни.

Мы – рукой, они нам крыльцем помашут.
 А вернуться – всё легче пойдут дела.
 Вот и дожила до хорошей нашей
 Жизни нынешней. Да жизнь-то прошла.

ЗАГОВОР (БАНЯ)

Бабушка говорит: *«Во-имя-отца-и-сына-и-святого-духа-аминь,
 Расти-большая-хорошая-и-чтобы-не-было-ничего».*
 Баенка плывет по земле сквозь череду и полынь
 Мимо рожих кур, коров, провожатых странствия моего.

Бабушка говорит: *«Будешь теперь мне дочка»* – и трёт
 Спинку во имя Отца и Сына натруженными руками.
 С первого взгляда первого встречного кто разберёт,
 Со всеми его оврагами и сквозняками.

«Будешь мне дочка, Лена», «...и не было ничего...»
 Баенка та остаётся со мной на внутреннем поле
 Среди некошенных трав времени моего,
 Горячего душа, чувства вины, ароматной соли.

«...ни страхов, ни переполохов». Стою на границе мира,
 Упираюсь руками в эмалированный таз.
 Как многого мы боимся в своих уютных квартирах,
 Как много работали те, кто жили до нас

В суровых домах. Сосны качают кроны.
 Бабушка смотрит мне вслед и крестит издалека.
 И я забираю душу её в коробочку диктофона,
 А свою оставляю в баенке, бабочкой у потолка.

АНТОН ЧЁРНЫЙ

Поэт, переводчик. Родился в 1982 году. Учился на филологическом факультете Вологодского педагогического университета, затем в Институте печати (СПб). Работал журналистом, дизайнером. Участник региональных и межрегиональных поэтических фестивалей, организатор вологодского поэтического фестиваля «Плюсовая поэзия», финалист «Илья-Премии» (2003), лауреат Конкурса им. Гумилева (2011). Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Опубликовал в Вологде четыре сборника стихов, печатался в журналах и альманахах «Арион», «День и ночь», «Дети Ра», «Урал», «Илья» и др. Переводит поэзию немецкого экспрессионизма, отдельным изданием вышел том Георга Гейма. В 2009 году в московском издательстве «Э.РА» вышла книга А.Черного «Стихи».

* * *

*Тебя, мой самый лучший папа,
Того и этого люблю.
А. Переверзин*

В далёком детстве адвентисты,
А может быть, иеговисты,
А может, как их там, баптисты,
Такие, сладкие с лица –
Меня учили чтить Отца.

Учили: грех – вражда и злоба.
Дарили комиксы про ад.
Сказали, что за дверью гроба
В нём жарятся все, кто не чтят.

Но, верный клятве пионерской,
Я их уроков не учил
И этой пропаганде дерзко
Не верил. И Отца не чтил.

Нас батя не пускал к сектантам,
Но поздняя свершилась месть:
Нравоучительным диктантам
В подкорке удалось осесть.

И вот, себя не понимая,
Стыжусь, вздыхаю и терплю:
Отца земного обнимаю
И в нём небесного люблю.

* * *

В посёлок по болоту
Вела гнилая гать.
Но в темноте пилоту
Нетрудно проморгать.
И в пузо топи мшистой,
Роня парашют,
Проклятые фашисты
Втыкались там и тут.

За парашютным шёлком
И крепкою стропой
Гоняли всем посёлком,
Весёлою толпой.
Всех девок приодели
В немецкие шелка.

К концу второй недели
 Нагнало облака.
 До края небосвода
 Легли они, легки.

«Нелётная погода...» –
 Вдыхали старики.

* * *

Все – умрём и будем похоронены:
 Мама, папа, бабушка и я.
 В землю будем семенем уронены:
 Вся семья.

К нам придут потомки и потомцы
 По весне порядок наводить,
 Приведут праправнуков знакомиться,
 Будут гладиолусы садить.

И увижу я в трубу подзорную
 Сквозь слои утоптанной земли
 Их весну, простую и просторную,
 Их подошвы, что ко мне пришли.

Не о ком теперь мне беспокоиться,
 Некого теперь оберегать.
 Я поплачу талою сукровицей:
 Тихо, чтобы их не напугать.

Много нами слышано и видано,
 Но смирится с истиной одной:
 До чего всё просто и обыденно
 На земле, в земле и под землёй.

* * *

Есть ещё такие слова,
 От которых гудит голова,
 От которых не спишь, не ешь,
 Ощущая растущую брешь.
 Как тяжёлые пузыри,
 Багровеют они внутри,
 Словно в росчерке ножевом
 На несчастном теле живом.

Например: «Его больше нет».
 Например: «Её больше нет».
 Например: «Их больше нет».

* * *

И вот куда мы приехали, посмотри:
 Дома, деревья и люди неправильной формы.
 Сними, подыши и фланелькой очки протри.
 Такого, пожалуй, не видели до сих пор мы.

Мы в самом прекрасном и гиблом из мест.
 Наш быт незатейлив и жалок.
 Мы долго несли, несли и вот принесли свой крест
 В сияющий улей извилистых коммуналок.

Наш дом старинен, сосед наш сед.
 Запах веков в каждой трещине и щербине.
 И что-то счастливое глухо поёт наш сосед,
 За шторой фырча и плещась в душевой кабине.

РОВЕСНИКИ

1982...

На руках у мам смеются дети.
 На руках у бабушек – внучата.
 Едут, едут дяди на лафете:
 Волосатый – лысый – волосатый.

И звенят, пока еще легки,
 Первые последние звонки.

Ты не бойся страшного чубайса,
 Ты соси, соси пустую грудь,
 Жри, дитя, плодись и размножайся,
 Клятву пионера позабудь.

Может, ласка, ящерица, птица,
 Может быть, простой металлолом –
 Что-нибудь когда-нибудь родится
 В сердце недоделанном твоём.

* * *

Ходит Бог по Ленинграду.
 Слышал это от людей.
 Обещали им награду,
 если точно скажут, где.

Говорят, на Петроградке,
 между рынком и кино,
 выходил Он из парадки,
 и притом не так давно.

Вот иду теперь за мясом
и за прочею едой
и оглядываюсь: часом
не вон тот ли, с бородой?

Может, Он вообще не ходит,
может, Он вообще летит?
Только мне глаза отводит –
на плечах моих сидит?

Может, крохотной частицей
благодатного огня
Он сумеет уместиться
прямо в сердце у меня?

* * *

У тебя изломанный зуб коренной и набитый немецкими книгами дом,
И жена, как другая страна, граничит с тобой бедром,
Когда ты отходишь ко сну, нажимаешь: мобильник – будильник – на семь,
И лепечет с иконы Исус: кто тут спрятался? я тебя съем.
И ноет повыше крестца будущий радикулит,
Но ты по привычке думаешь: это душа болит.
Это душа болит, колет, как золотая струна.
Что там еще болит, если
Не она?

* * *

Срастаются обратно времена:
В пазы зубцами попадают даты,
Цари припоминают имена,
И копыя достают из ран солдаты.

По нашей воле повернули вспять
Вода клепсидры и течение тени,
И даже рост губительных растений
Любовью нашей мы смогли унять.

И радость обретения родства
Сменяет темноту неузнаванья:
С Коринфом обнимается Москва,
С Пекином обнимается Кампанья.

И Колизей расколотый в пыли
Взрастает, словно лилия живая,
И Вологда, по-вепсски окликаая,
Саму себя зовет из-под земли.

МАРИЯ МАРКОВА

Поэт, живёт в Вологде. Лауреат премии Президента Российской Федерации для молодых деятелей культуры 2010 года с формулировкой «за вклад в развитие традиций российской поэзии». Член Союза российских писателей. Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Сибирские огни», «Северная Аврора», «Современная поэзия», «ШО», «Огни Кузбасса», «Дети Ра», «Новый берег» и др. В 2012 году в московском издательстве «Воймега» вышла книга стихов «Соломинка».

* * *

С высоты – и с такой, что не страшно –
 полубобморок, рокот в крови –
 над рассеянным светом вчерашним
 долго пели мои соловьи.
 Долго пели кузнечики. Долго
 выжималась из слова вода,
 и осталась сухая иголка,
 дар сосновый. Уже никогда
 не ходить без следа от укола.
 Всё любили – теперь отдаю:
 поцелуй на скамейке у школы
 и проточную память мою.

Эта память не плачет, не просит,
 только узкую ленточку вьёт,
 только белые платяца носит,
 только детские песни поёт.

* * *

«...и одинокий смотрящий на деревья...»

Галина Рымбу

О, что ещё за полным светом бродит,
 страшусь узнать, но спрашиваю так,
 как будто время сквозь меня проходит
 и подаёт неверующей знак.

Вчера смотрела, глядясь в лица,
 и выкликала всех по именам.
 Я знаю, знаю, мир ещё продлится,
 и смерть – не нам.

А нам такие белые сорочки,
 такая кровь – слеза и молоко –
 и пух любви, и пена первой строчки,
 и жить легко.

Как будто Лета воды разводила,
 желая сквозь и дальше провести,
 но всё, что было, разом поглотила
 и понесла соцветием в груди
 железный шум и костяное тельце,
 крыжовенные тени, жар в окне,
 укус пчелы и бьющееся сердце –
 всё обо мне.

Но одного – тоски или печали –
 не захватила: помню, никогда
 не забываю, как не отвечали,
 как отвергали. Только это, да,
 ещё клюётся, вздрагивает, тянет –
 зимы пчелиный белоснежный куст –
 слова, меня предавшие, в гортани.
 Как одиноко – кто бы знал! – но пусть,
 пусть только мне, смотревшей и ослепшей,
 звучавшей и внезапно онемевшей,
 с трудом даются музыка и свет.

Что это?.. тополь? ветка? снег? синица?..
 Кто это плачет, плачет и боится?..

Не я, о нет.

* * *

С кухни лился тенорок печальный,
 говорило радио с утра:
 ставьте чайник, мама, ставьте чайник,
 мы придём больные со двора.
 Мы придём увечные, больные,
 снег в карманах, кровь на рукавах,
 мальчики игривые, шальные,
 за собою оттепель зазвав.

Полон дом апрельским ликованием.
 Бьются воды, плачут хрустали
 и бежит кораблик к краю ванны
 в поисках заоблачной земли.

Не читайте жёлтые газеты,
 не шипите на людей в углу.
 Мы придём на хлебные котлеты,
 принесём свой пепел и золу,
 ветку вербы – и поставьте в банку,
 запах смерти – помните всегда.
 ...раздаётся бойкая «смуглянка»,
 выкипает в чайнике вода.

* * *

Боль головную и холод терплю.
Друг мой, я так эту зиму люблю.
В бледном дыхании, на расстоянии,
жмурясь на солнце, зиму люблю.

Произношу её, произношу.
Зубы холодные. Губы холодные.
Сквером одним постоянно хожу.
Книги одни постоянно ношу.

... всё ли как свечи зимы подопечные
в облаке пара тают дотла,
всё ли стоят на ветру, просвечивая,
их ледяные тела?..

Где ещё видишь на вырост пространство,
в огненном город венце?
После полуночи ходит ли транспорт
с бедной окраины в центр?..

В стёкла троллейбуса – в зеркало точно –
люди последние смотрят, двоясь.
Их разговор – золотой и порочный.
Прикосновения чёрная связь.

Как обернуться, не обернувшись?
Как оказаться в простенке миров?
Только мелодии свет простодушный.
Только неловкость без слов.

* * *

Слышишь ли ты тот же шум?.. Не смолкая,
дождь идёт. Это я над глубоким сном –
над твоим – иду. Кто ты, – спроси, – такая?
Как о зёрнышке просяном.

Не было, не было, и, удивись, явилась.
Но – воробей, и жалко всегда до слёз.
Да, я хочу, чтобы время остановилось,
чтобы застенчиво кто-нибудь произнёс:

«Жили мы, жили, и красоту проспали,
но проводить успеем её к реке».

Детское прозвище вслух бы моё назвали,
дали с собою бы сладостей мне в кульке.

* * *

Дай мне руку, пойдём по родным и близким.
 К дому-свету, прилежные – тишь да гладь.
 Там стрижи проносятся низко-низко
 и свистят: попробуй-ка нас поймать.

А на той стороне, за рекой глубокой,
 сквозняки гуляют, глаза чисты.
 А на той стороне, поросли осокой,
 погребальные ямы пустым-пусты.

Что ты видишь? Ни дома, увы, ни лета.
 Износились платья, исчезла плоть,
 и зелёной иглой дневного света
 сердце не уколоть.

* * *

дочери

За тебя, которой тоже не станет,
 но когда-нибудь и пусть никогда,
 чтобы только поменяться местами,
 раствориться, не оставив следа,
 я прошу у чёрных веток, бледнея
 под скребущий жалкий музыки шум:
 присмотрите, дорогие, за нею,
 как за птицею озябшей. Прошу
 у взметнувшего листву, с облаками
 кочевавшего – одну пощадить,
 не касаться ледяными руками
 и кругами по земле не водить.

И скрипят над миром ветки, скребутся,
 прорастают через плоть бытия.
 Отпечталось оленьё копытце.
 Истрепались палых листьев края.
 Всё пожухло, запах сна источая,
 истончилось, истаскалось насквозь.
 Как была для ветра только свеча я –
 задувая, пряди тёмных волос
 растрепал и ничего не ответил –
 так и выгорела. Голос исчез.
 Дождик вздрогнул и рассыпался, светел.
 Замер лес.

* * *

И холодно, и вьюжно, но
есть повторение и речи понукание.
Когда лошадка выдыхает пар, окно
запотевает. Белыми венками

зима плывёт вниз по течению, слепя,
зима дрожит, раскалываясь надвое.
Холодных кос струение до пят,
зудящий снег, зубцы хлорида натрия.

Сквозь сад к себе руками притянув
обеих матерей, поочерёдно жалких, –
о жизнь, о смерть! – я маленький зуав,
я звук, я всей любви анаколупф –
лежу, свернувшись, в ямке.

Как сладок снег, слетающий ко мне.
Он неодушевлён, ему – равно.
Но слаще роза чёрная в вине,
но слаще роза чёрная в вине,
но слаще роза чёрная в вине.
Но-но.

* * *

Но-но! – и снова пальцем погрозила,
и снова вышла в беленьком строга.
Высокий дом, где ангелы и зимы.
Струна мороза. Голоса дуга.

Я заболую, подхвачу простуду.
О зубы стукнет чашки холодок.
Так заberi же поскорей отсюда
свой маленький чихающий гудок,
так заberi и сделай флейтой, флейтой,
над городом тревожно проведи,
и каждому я стану Летой, Летой –
неизъяснимой музыкой в груди.

АЛЕКСЕЙ БОБРИНСКИЙ

ЧИСТО МОЛДАВСКИЙ БИЗНЕС

КАК СТАТЬ БЕЗРАБОТНЫМ?

Вот я и стал безработным... После 28 лет творческой деятельности. Почему? Одной причиной не обойдёшься. А анализировать комплекс причин нет смысла и скучно! По ходу этих заметок, впрочем, могут возникнуть и аналитические моменты, не обессудьте! Автор не претендует на истину, просто делится своими личными впечатлениями.

Итак, после 28 лет творческой работы на молдавском ТВ я, Бобринский Алексей, режиссёр высшей категории, стал безработным. Замечу вскользь, что причину я вижу в ключевом слове «творчество», которое я понимал отвлечённо. От изменившейся атмосферы на телевидении, от тотальной коррупции, которая теперь является «протезом» демократии в нашей республике.

Когда иллюзии, что образование и профессионализм ведут вперёд и вверх, рухнули, мне стукнуло 48 лет. Я оказался без дела, которое люблю и умею делать. Мое место заняла необстрелянная девушка с дипломом менеджера и «кумовскими» отношениями с начальницей. Её неумение на общем фоне интеллектуального обнищания нашего общества совсем не шокирует.

Находясь в некоторой депрессии, я решил кардинально порвать с этим самым «творчеством». Я стал искать новую работу по газетным объявлениям. Ничего творческого там, естественно, не предлагалось. Выбор велик: бармены, официанты, охранники, мойщики машин. Решил помыть машины на старости лет. Мойки либо находятся на сильном отшибе, либо туда берут только своих (по языку, по возрасту и другим причинам). Охранником быть – последнее дело для человека с двумя высшими образованиями... Вдруг читаю: «Требуется мужчина с художественными способностями». Зарекался ведь, что больше никакого «творчества», но природа взяла своё: позвонил. Встретил молодой человек приятной наружности, который сразу озадачил – нужно отливать художественные свечи для сувениров, а условия таковы: за первый месяц обучения они платят 500 лей, за второй месяц практики – 1000 лей, за последующие – по 100\$. У меня вопросов не возникло: захотелось быстрее во что-нибудь вникнуть. А идея мне понравилась.

И вот я работаю первый день. Цех в гараже частного дома на окраине. Рабочих мест – пять. Оборудованы столами, светом, подведён газ. Работаю пока я один. Раствор парафина и стеарина плавится на плите, гипсовые формы отмока-

ют в баке с водой (горячий парафин прикипает). Александр Сергеевич (шеф) распинается о том, что его фирму знают даже в Польше. Дальнейшее показало, что всем операциям, которые производятся в этом гараже, учиться нужно не больше 2 дней. Остальные дни «обучения» студент тратит на производство. Он прилежно отливает свечи и исполняет грязную работу. Определённые размышления по этому поводу у меня возникли и укрепились, когда я стал отливать по 200 и более штук свечей в смену. Я вставал в 6 утра, чтобы с 8 до 17 быть на работе. Первая для меня загадка – декларация шефа о том, что заработок от выработки не зависит. Это при том, что вся работа идёт под определённые праздничные заказы. На Новый Год – пару тысяч штук с ёлочками и Дедами Морозами, чуть меньше – «яиц» на Пасху и «сердечек» на День святого Валентина. А ещё речь заходила о том, что на заказах придётся работать внеурочно. Александр Сергеевич намекал на дополнительную оплату этого сверхурочного труда. И ещё. Шеф конкретно заявил, что не желает иметь никаких дел с фискальными службами государства. Поэтому в мои обязанности, кроме литья свечей, вменялась тщательная конспирация: работая, следить за тем, чтобы калитка была заперта, уходя зашторивать окна. Категорически: никаких свидетелей!

Я работал. Отливал из парафиново-стеариновой смеси бесконечные конические свечи. Прошёл месяц. Рассчитался Александр Сергеевич точно в срок. Весь месяц я молча выслушивал его сетования на медленность моих усилий. Ставились в пример прошлые работники, способные с «лёгкостью перекрыть мою производительность в два раза!» Но работал я по-прежнему один. Затем сам шеф и его супруга занялись дальнейшей «художественной» обработкой. Отлитые мной болванки красились специальными цветными лаками, на них наносились разнообразные золочёные ободки и кантики. Для этого использовался обычный нитролак и масляная краска. Я спросил у хозяев, не вредны ли продукты горения этих веществ для потребителей? В ответ – сердитая пауза. Скажу ещё, что работая на эту «фирму», я сразу догадался о том, что работает она в полной «тени». Без каких-либо лицензий и сертификатов. И без всяких перспектив для роста. Когда зашла речь о «расширении» и «инвестициях», Александр Сергеевич заявил, что не намерен делиться ни с кем. Чем делиться? Прибыль такого кустарного производства не может быть значительной. Поэтому я задумался о своей роли во всём этом. Вывод напрашивался сам собой: мне дадут доработать ещё максимум месяц, тем более что это и был срок сдачи заказа. Зачем платить мне обещанные 100\$? Лучше уволить меня и взять другого на 500 лей. С ним в дальнейшем поступить точно так же. Хозяин гаража, где находился наш цех, рассказывал мне о судьбе прошлых работников «свечного заводика». Больше двух месяцев не работал там никто: все были уволены под разными предлогами. Один опаздывал, другой выпивал, третий медленно работал. При мне шефу позвонил кто-то, искавший работу. Когда Александр Сергеевич перечислил ему условия (500, 1000, 100\$), тот просто спросил его: «Через месяц нас выгоните и наберёте новых?». Шеф бросил трубку и долго вслух возмущался. Я молчал. Мне стало любопытно. Профессиональная привычка! Когда доработал второй месяц до середины, дождался-таки хода свечного магната. Он заявил, что теперь мне даётся норма выработки, жёсткие расценки и штрафные санкции за невыполнение... При том, что рабочий день – свято с 8 до 17! Тон был очень строг. Я понял, что этим

человеком движет. Основной рыночный инстинкт: жадность и желание власти. Только проявления этого инстинкта были настолько ничтожными, что Александра Сергеевича стало просто жаль. Ведь он никогда не узнает того, что знаю я, никогда не испытает настоящего творческого экстаза, и даже больших денег не получит его мелкотравчатая жадность... Я тут же собрался и, не говоря ни слова, ушёл. Хотелось, чтобы он почувствовал разницу между нами. Есть, всё-таки есть настоящие ценности, а не протезы.

СТЕЗЯ ХУДОЖНИКА-ДИЗАЙНЕРА (2005-2009)

Теперь, – сказал мне мой друг, композитор Михаил Афанасьев, – сочинитель музыки, у которого нет в кармане симфонического оркестра, никому не нужен!

Никому не нужен фотограф, даже самого высшего класса, но без фотоаппарата.

Видеооператор (камераман) никому не нужен без камеры.

Так у нас в Молдове.

Может, где-нибудь иначе?

* * *

После «свечной эпопеи», я решил приискать себе работу по статусу. Творческую работу, но на новом, современном уровне. Кстати сказать, к тому времени всем нам, «выкидышам» молдавского телевидения, выплатили неплохую компенсацию. Её как раз хватило на хороший (по тем временам) компьютер. Я и сейчас на нём работаю.

Человек всегда стремился к чему-то материальному, тому, что можно ощутить органами. Такова логика всех времён, а особенно нашего времени. Я открыл газету «Маклер» и стал высматривать предложения работы. Меня в первую очередь интересовала работа дизайнера. Удивлены? Вот и я сейчас удивляюсь...

В школе я рисовал стенгазеты и в армии изредка порисовывал в боевых листках, но в компьютерах я был полный «чайник»!

Причём одно к другому? Сейчас поймёте.

Кому нужен был бы Паганини со всей своей виртуозностью, если бы у него, к примеру, не было бы скрипки? Конечно, в те времена можно было концертировать и на чужой. В те времена, но не сейчас.

Итак, я искал работу дизайнера, и первое, что бросилось мне в глаза, это:

«*Cerinte:*

– *3Dmax, AutoCad, Adobe Photoshop, Adobe Illustrator (sau Corel Draw), alte programe de design;*

– *simt dezvoltat al simetriei si exactitatii;*

– *responsabilitate, atentie, initiativa, comunicabilitate;*

– *cunoasterea limbii de stat si a limbii ruse, cunoasterea limbii engleze constituie un avantaj»*

Я сразу понял, что «художественные способности» к дизайну имеют гораздо меньшее отношение, чем знание «софта» и «железа». Я стал рыть землю: искал все вышеозначенные программы, изучал их с нуля.

На это ушло пару месяцев. Никто не помогал мне, всё самоучкой. Нарисовал пару макетов и с ними пошёл по объявлениям. Мне повезло: взяли промышлен-

ным дизайнером на Кишинёвский Комбинат Картонных Изделий. С моей стороны это был чистый авантюризм. И он, этот мой подход (авантюристический), повторился потом не раз.

В КККИ я проработал ровно три месяца. Допустил чисто техническую ошибку. Топ-менеджер с криком «Вы здесь не свободный художник!» попросил написать заявление.

Написал. Но это уже был профессиональный опыт, который дорого стоит.

Потом, почти сразу после увольнения с «Картонки», меня принял дизайнером-плоттерщиком Геннадий Ника из одноимённой фирмы. Вот ему я по-настоящему благодарен. Именно он поддержал меня, и именно у него я научился настоящему дизайну. И всё-таки не сложилось.

Но сначала разберёмся, что такое «дизайнер», что такое «плоттерщик»?

Дизайнер (designer) – очень широкое понятие. Это и модельеры одежды, и создатели новых моделей автомобилей. Так в цивилизованных странах. У нас дизайнер – «художник», способный свои и чужие (чаще всего) идеи воплотить в цифровом графическом виде. «Художника» я поставил в кавычки, потому что настоящих художников в этой профессии я не встречал. Вместо этого слова уместнее написать «компилятор». Молодые выпускники технических вузов, называемых теперь либо университетами, либо академиями, натасканные нажимать клавиши и использовать интернетовские поисковики, используя программы Photoshop, Illustrator и Coral Draw, теперь принимаются на работу рекламными компаниями именно как «дизайнеры».

Плоттерщик (его ещё глумливо называют «дизайнер-плоттер-щик») – это подсобный работник, умеющий использовать векторную графику Coral Draw для резки на плоттере из аракала (самоклеющегося пластика) надписи и логотипы, символы и всё, что нужно для наружной рекламы.

Естественно, я хотел большего – творчества! Некоторые мои макеты подтверждали мои претензии.

Я уволился.

Наверное, отчасти, по собственной вине. Тяжело расставаться с амбициями...

Далее следует криминально-дебильная драма. Или просто дебильная комедия.

До странности легко меня приняли дизайнером в компанию «R&V или V&R» (не хочу врать и подставлять кого-либо). Директор с «титульными» инициалами обещал золотые горы, но... Я должен был насторожиться: будут полные зарплаты при такой-то прибыли. За первый месяц заплатили исправно. Но со второго началось: «Мы пока не заработали, подождите».

Беда в том, что все заказы проходили через меня, и я коллекционировал черновики и эскизы, подписанные заказчиками и директором. Там собственноручно «R&V или V&R» назначал наличный аванс, полную смету и даже указывал валюту.

Шло время, денег не платили. Я психанул: предъявил «R&V или V&R» собранный мной компромат и, ничтоже сумняшеся, выдвинул ультиматум: «Полный расчет – завтра!» Так и получилось. Всё выплатили именно на следующий день!

«Работу» пришлось покинуть. И тут я задумался – может, причина моей невезухи во мне самом?

Ответ последует далее...

ЗАГНАННЫЙ В УГОЛ

После длительных тщетных поисков работы я задумался и подвёл итоги. Мой прошлый опыт для новых создавшихся условий не годился. Теперь пришла новая эпоха, а с ней – новая поросль «хозяев жизни», которые видят в работниках лишь рабов, послушно следующих установленным правилам. Подозреваю, что есть ряд негласных правил – работник должен быть молодым. И, желательно, правильной национальности.

Потеряна связь времён. То, чему нас учили, уже не авторитетно для молодых. Понятно, что нас «агит-зомбировали», но были факты в нашей истории абсолютно ценные!

Победа в Великой Отечественной войне, индустриализация, успехи в космосе. Именно по этим фактам сейчас бьют западные психоидеологии из всех новоизобретённых орудий. Им в поддержку – техническая поддержка, которая требует столько денег, сколько нам и не снилось. Появились идеи об огосударствлении религии...

Дело не только в государстве плюс-минус религия. Дело в нашей цивилизации минус культура! Заметьте, все выдающиеся писатели зажавшегося запада в своих книгах прямо указывают на основные пороки потребления и экспансии в ширину. Например, Курт Воннегут, Джон Стейнбек... Кто их слышит? Всё дело в том, что и культура превратилась в предмет потребления. Никто не вникает в суть, а проглатывает кичевые «произведения» для развлечения. Яркий пример такой aberrации – фильм «Аватар»! Насколько в нём правильная идея поглощена и вытеснена зрелищностью! Посмотрите на новое поколение, похоже, они уже потеряны для культуры, совести и духа! Им просто некогда оторваться от ноутбуков, айподов и менеджмента. На Тибете нет ноутбуков, нет бизнеса. Есть глубокая для запада тайна, в которую никто не желает вникнуть. Истина не «пиарит» сама себя. Она просто существует!

Да, я душой не старше тридцати лет, молдавский понимаю и немного общаюсь на нём, но по паспорту...

Таких, как я, уже вычеркнули из всех списков, кроме сторожей и дворников (до дворника я ещё дойду...). Взрослые люди, выросшие в СССР, имеют совсем иной менталитет, воспитанный в советской семье и школе. Воздержусь от сравнений с нынешним «рыночным» временем, но одно представляется мне бесспорным до сих пор: при всём несовершенстве тогдашней системы, вектор воспитания советского человека отличался большим гуманизмом и духовностью. Не той религиозной показной духовностью сегодняшнего дня, а реальной ориентацией всего общества и его экономики на творческую реализацию личности. В качестве примера: в каждом микрорайоне существовала сеть подростковых клубов, щедро финансируемых из республиканского бюджета. Мы, дворовые пацаны 70-х, увлеклись любительскими кинофильмами. Сами снимали их про себя на 8-миллиметровую кинокамеру «Кварц», которую мой отец приносил с работы. Эти фильмы, про «майора Пронина» и «мистера Пека», сохранились у меня до сих пор. Но посмотреть их уже невозможно. Таких кинопроекторов теперь не выпускают. Потом захотелось большего: обратились в детско-юношеский клуб

«Факел», который находился совсем рядом с нашим домом. Нам несказанно обрадовались. Заведующая клубом буквально «силой» заставляла нас, подростков 14-15 лет, составлять квартальные сметы на тысячи тогдашних полновесных рублей. На эти деньги закупались новые 16-мм кинокамеры (Киев-16у), кинопроекторы «Украина» и «Школьник», магнитофоны «Днепр» и «Нота». А ещё плёнку закупали коробками и тратили её без всякого контроля и счёта. Более того, повзрослев на пару лет, мы с друзьями решили снять картину про нашу скрытую жизнь. С «блатхатами» (квартирами без родителей) и «бомбами» (дешевым вином «Вин де масэ»), про драки района на район и так далее. Озвучили фильм запретными композициями Deep Purple, Led Zeppelin, Black Sabbath.

Это ещё не всё. Творческий запал заставил нас обнаглеть.

Мы представили этот фильм на республиканский любительский конкурс. Кто помнит, это был 1975 год! Взорвалась бомба! На фоне унылых неграмотных плёнок про внука, нашедшего дедовские награды, или про семейную традицию называть сына именем деда, прозвучала музыка подворотен, показалась ночная жизнь их детей.

Конечно, был скандал. Но именно этот фильм поставил точку в моём мировоззрении. Так начинался мой путь кинорежиссёра. Теперь сами сравните всё это с теперешним «рыночным» временем. Следствием подхода: «всё теперь «бизнес» является потеря целого слоя молодых людей, которые совершенно не ориентируются в собственной судьбе.

Но продолжим.

Роясь в «Маклере», нашёл объявление: «Требуется преподаватель программы 3dSMAX». Признаться честно, я пытался освоить эту сложнейшую программу самостоятельно. Дальше интерфейса и создания примитивов не продвинулся.

Тем не менее, загнанный в угол, я позвонил по указанному в объявлении номеру и предложил свою кандидатуру на эту должность...

Далее – как во сне: уроки каждый день, ночью я сижу у компьютера, верчу и так и сяк примеры из самоучителя, днём еду (на велосипеде) на Рышкановку на курсы. Вы знаете, – дело пошло! И у меня, и у студентов. Я с увлечением занимался этой программой и стал плавать в ней как рыба. Через месяц я мог гордо именовать себя «знатоком программы 3dSMAX».

КАК ПО МАРКСУ

Не прошло и года, когда я нашёл себе такое место работы...

Какое «такое»? Отвечающее моему опыту журналиста, режиссёра и художника. Идеальное место для творчества: вокруг молодёжь, ты для них авторитет. Ты передаёшь им свои знания, видишь, как они меняются на твоих глазах...

Это очень воодушевляет и бодрит.

Но! Не прошло и года, как я начал работать в этой области, а все подобные курсы, если не содержались солидными фирмами или «крышами», стали лопаться, как пузыри. «Курсовой» бизнес сильно укрупнился, раздавив мелкие предприятия. Остались единицы. Только серьёзные сертифицированные курсы, где практически все предметы преподавались на государственном языке. Пробовал устроиться и туда: «Ваш сертификат, лицензия, диплом преподавателя и прочее?»

Имеет ли душа «стандарт»?

Времена проходят, сущность homo sapiens (человека разумного) – остаётся. Только вот в чём состоит она, эта «сущность»?

Когда рухнул Советский Союз, свободный мир констатировал: «Коммунизм пал, потому что он не соответствовал человеческой натуре»!

Теперь, когда мы по уши в капиталистическом рынке с его олигархами и «либеральными ценностями», стало ясно, что понятия, соответствующие «человеческой натуре» – подлость и обман.

«Не обманешь – не продашь!» Вот слоган, который торжествует и торжествовал!

Простой пример – реклама, которая идёт по ТВ! Каждый здравомыслящий зритель немедленно понимает, что его «разводят». Впрочем, весь «маркетинг», куда органично входит реклама, основан на «втюхивании» потребителю своих (подчас ненужных ему) товаров. Сколько граждан, поверив рекламе, лишились здоровья, а, бывало, самой жизни...

Не желаю пропагандировать никакие идеи. Не люблю «коммунистов» за то, что они никак не выберут своего пути: для народа, или для себя... У них было много возможностей: например, задавить штурм здания МВД. (Тогда, в 1989 году, перед ним бесчинствовала горстка маргиналов.) Показать себя, как сильную власть!

Всё то же, но уже в новейшие времена: 7 апреля я лично видел, как колонны студентов вели из общежития возле «Сорок лет ВЛКСМ» (несмотря на переименование, именно это название кинотеатра всё так же на устах у горожан).

Тогда и началось всё безобразно.

За что не люблю «либералов», не знаю. На уровне чувств. Не верю!

Раньше был абсолютно уверен, что накопленные знания и умения – пропуск в любом обществе, которое себе желает добра. Ошибка стоит мне если не жизни, то нескольких её лет, это точно. Самое ужасное: увидеть то, что приснилось в страшном сне, – то, что наяву приходит тебе на смену.

МЫ ПОКА ЖИВЫ

Просматривая объявления о приёме на работу, заметил одно на английском языке. Нужны были видеоператоры для съёмки и монтажа региональных новостей. Я прошёл кастинг, благодаря моему (плохому) английскому. Американец Вест непредвзято и профессионально просмотрел мои видеофайлы, и я был ангажирован на эту работу.

Потом началось.

Главным надо мной был молодой человек Вячеслав Картере. Сын (кстати сказать) одного из операторов на ТВ1 Скажу о нём лишь одно: в компьютере он – «дока»! Оператор – «стандартный».

Я изо всех сил старался вписаться в эту работу. Мой возраст и заслуги с первого дня вызвали «неоднозначное» отношение со стороны этого парня, которое нельзя (мягко говоря) назвать положительным.

О «стандартах». Не знаю, чему учат в многочисленных новорожденных молдавских институтах, университетах, академиях, но для выпускников этих учреждений главное – это следование неким «европейским стандартам», кото-

рые (оказывается), регламентируют всё. Размер шрифта, его цвет и тень в титрах, композиция кадра и прочее должно быть строго соблюдено, даже в ущерб правде и качеству.

Когда я понял, что эта работа не для меня?

На съёмках годовщины событий 7 апреля. Мне пришлось присутствовать при этом (не стану называть это «событием») и я всё видел. Сколько людей пришло, какие речи звучали. Начиная монтаж этого сюжета, я записал текст, который прочитал сам Вячеслав. Там говорилось о тысячах участниках митинга (их было не больше двухсот), закончился текст утверждением, что «в ночь после событий были замучены сотни невинных людей».

Я уволился. И не жалею.

Алексей Бобринский – режиссёр ТВ высшей категории. Окончил Ленинградский Государственный Институт Театра, Музыка и Кинематографии им.Н.Черкасова по специальности «режиссура драмы со специализацией режиссура телевидения». Работал на Молдавском государственном телевидении в редакции литературно-драматических программ и в редакции «Comunitatea». Автор и режиссёр множества телепрограмм. Создал ряд фильмов («Белая Болезнь» – 3 серии по Карелу Чапеку) и музыкальных видеоклипов (Trigon, Modest). Впервые на Молдавском телевидении создал цикл экспериментальных программ «Пробный Шар». Одна из программ этого цикла («Ломка над бездной», 1998 г.) вошла в каталог Европейского вещательного союза.

Сотрудничал с «Седьмым каналом» (Одесса), телеканалом NIT (Кишинев), телекомпанией ATV (Москва).

НАТАЛЬЯ СИНЯВСКАЯ

МОЙ ТРОГАТЕЛЬНЫЙ ГОРОД

На канале N4 вышла телепередача «Прогулки по русскому Кишиневу» из цикла «Молдова-Россия. Связь времен»

Когда мы, команда безумных профессионалов, очарованных работой, брались за этот проект, даже не подозревали, насколько он будет личным. Для каждого – по-разному. Для меня, председателя Ассоциации женщин-журналистов Молдовы «Новый взгляд» (“Viziunea Noua”), поначалу это была большая победа – получение гранта Фонда «Русский мир» (Российская Федерация), который и финансирует наш проект.

Здесь стоит, наверное, сделать нелирическое отступление. Фонд «Русский мир» финансирует общественные организации, вернее, их проекты, направленные на продвижение русского языка, культуры и истории в России и за ее пределами. У меня давно витала идея «показать по ТВ» памятники русской культуры и истории. То есть, это, собственно, не только статичные монументы, которые любознательные граждане осматривают, скорее, «из чувства туристического долга», сколько истории вокруг памятников, судьбы людей, населенных пунктов.

Фонд «Русский мир» согласился финансировать проект нашей Ассоциации женщин-журналистов Молдовы «Новый взгляд». И уже в январе идея начала воплощаться в жизнь: на канале N4 должно **выйти 12 телепередач, по одной в месяц, продолжительностью 20 минут каждая**. Общее название цикла – «Молдова-Россия. Связь времен».

В этих передачах мы расскажем о городах Бендеры и Тирасполь, о битвах при речках Ларге и Кагуле, о графе Витгенштейне и композиторе А.Г. Рубенштейне, о князе Потемкине и великом поэте Пушкине, о С.Р. Воронцове и П.А. Румянцеве и многих других людях, судьбах и свершениях.

* * *

Перед началом работы над проектом слегка обуял страх: впереди съемки 12-ти телепередач... холодно (январь, однако)... неуверенно... боязно, что не получится... Но упомянутая команда профессионалов с первых же съемок развеяла все мои опасения, уверенно, а главное талантливо взявшись за дело. Это режиссер Наталья Анисимова, оператор Иван Заплитный, ведущий Анатолий Симоненко, монтажер Александр Дедков, редактор Жета Морару.

С первой же своей творческой командировки мы переместились в другой, незнакомый нам мир – русские старообрядческие села Покровка района Дондушень и Старая Добружа района Сынжерей. Это населенные пункты с особым укладом – с душевными чаепитиями за самоваром на углях, с еженедельными обязательными походами в баню по белому (а иногда – и по черному), с русскими песнями, церквями с закопченными иконами, где прихожане пропускают сквозь пальцы кругляшки лестовок (вроде четок, только у старообрядцев). Нас принимали там, как родных, и сетовали, что на нашем телевидении нет передач о русских в Молдове (имея в виду не только русских, но и украинцев, болгар, гагаузов, в общем, добрую половину страны, нелепо прозванную «нацменьшинствами»).

Передача «Будни старообрядческих сел» вышла в эфир 23-24 февраля, сейчас ее можно посмотреть на сайте youtube.com.

Перед эфиром состоялся закрытый показ телепередачи в Славянском университете, который с самого возникновения идеи оказывал моральную поддержку проекту (и лично – ректор Татьяна Млечко, передаю ей по случаю «спасибо»). Студенты спорили, смеялись, рассуждали, удивлялись. Наталья Анисимова отмечала недостатки телепередачи (мол, тут недоделали, здесь недорассказали...). А по мне так шедевр! Главное – необычно, интересно, познавательно!

* * *

И вот – новые съемки в отпущенные нам два дня без дождя, на этот раз – «Прогулки по русскому Кишиневу». И вновь – в городе, который, казалось бы, знаешь, как свои пять пальцев: знакомые имена, лица, здания, улицы, памятники открывают нам свои неизвестные, порой загадочные, стороны. Наша задача – показать русский Кишинев, каким он был с 1812-го года, каким он стал сегодня. До обидного мало архивного видео (нет как раз тех моментов, которые нам нужны), до обидного мало времени – за 20 минут телепередачи хочется рассказать обо всем. Но время сжимает интересные рассказы до десятков секунд.

Ведь он так обширен, русский Кишинев. И как бы ни боролись с этой «русскостью», сто с лишним лет (а то и все 560) из истории не выкинешь, мозги не перепрограммируешь, хоть и пытаются затирать, чернить, переписывая летописи.

Конечно, речь не идет о «великом русском народе и его роли (главной) в становлении и развитии Кишинева», мы не шовинисты. Мы показываем людей (не взирая на национальности), связанных с русской культурой и историей; показываем кишиневские события, так или иначе, тесно переплетенные с Россией. Мы разложили карты (географические) рубежей трех веков, и, пытаясь уйти от сравнений, стараемся найти связь, продолжение, развитие. И предлагаем прогуляться с нами по Кишиневу, такому близкому и такому, порой, незнакомому.

* * *

Памятник Александру Сергеевичу Пушкину в центре парка. День съемок совпал с датой его гибели: поминали поэта, читали стихи, рассказывали – каждый «о своем» Пушкине. Но о нем – в одной из последующих передач. А пока – интервью с ректором Славянского университета Татьяной Петровной Млечко как с руководителем вуза, продолжающего традиции российского образования в Молдове.

Пока Татьяна Петровна рассказывает об университете и о том, почему в этот довольно-таки холодно-ветренный день она пришла к бюсту Пушкина, у меня, словно картинки, всплывают воспоминания. Вот знаменитые каменные львы, на которые мы в обязательном порядке залазили, будучи совсем маленькими, вымазавшись мороженым за 10 копеек, а заодно и «обласкав» статуи липкими пальцами... под мамины причитания...

Татьяна Млечко

* * *

Арка Победы. Тогда я была в классе 6-7-м, мы собрались с друзьями по пионерскому лагерю в театр. И я пришла в брюках! Мне сделали замечание, отчего лицо сразу покраснело и выглядело особенно ярким на фоне белого воротника. А ведь мама предупреждала: в брюках в театр не ходят. Но кто может переубедить подростка?! Хотелось пофорсить в новых белых брючках.

Я стряхиваю воспоминания и внимаю рассказу Александра Шишкина, известного актера. Оказалось, его бабушка встречала самого Николая II в 1914-м году. Император тогда пожаловали в Кишинев на открытие памятника Александру I. Через проем арки Александр показывает, где проходила церемония. Сегодня на этом знаковом месте стоит нелепый «камень Гимпу».

Александр Шишкин

* * *

Лариса Федоровна Чашина великолепно повествует о строительстве Кафедрального собора, колокольни, арки – все это заслуга санкт-петербургских зодчих. Всплывают картинки: вот мы студентами гуляем по парку, заходим в собор, чтобы отогреться и заодно посмотреть на картины (в советское время собор был отдан под выставочный зал).

* * *

Дом Крупенских. Вернее, то, что от него осталось... В 2003-м году горстка защитников старого города воевала против сноса этого памятника архитектуры и истории. Но однажды Кишинев проснулся и с ужасом обнаружил: здание сравняли с землей. Хотелось плакать от безысходности... Ведущий идет вдоль стены, окружающей стройку на месте, где когда-то был дом Крупенских, и говорит в

камеру, что в этом здании гостил и Пушкин, и Александр II, и зарождался первый молдавский театр.

* * *

От пребывания в Кишиневе в середине XIX века Льва Николаевича Толстого мы переходим к интервью с Олесей Рудягиной, писателем и поэтом. Будучи в Кишиневе, Толстой хотел издавать «военный листок», но ему отказали. Мне кажется, живи в то время Олеся Рудягина, журналу – быть. Ведь живет и здравствует «Русское поле».

А еще в передаче будет интересно рассказано о Театре имени А. П. Чехова, о визите в Кишинев Федора Шаляпина, о спектакле Юрия Андриященко «Александр Вертинский. Бал Господень...» и о многом-многом другом...

* * *

Мой рассказ получился немного рваным... как те воспоминания, которые всплывали, когда мы работали над передачей о «Русском Кишиневе», те следы «русского Кишинева», нуждающиеся в защите и сохранении. Главное – оно есть: замечательное прошлое и большое настоящее города! И в телепередаче «Русский Кишинев» мы постарались показать его, пусть не в полном объеме, но хотя бы обозначить. Так и хочется закончить фразой, типа «берегите русский Кишинев», но прозвучит слишком пафосно... Оно надо?!

P.S. «Прогулки по русскому Кишиневу» вышли в эфир на канале N4 23 марта. Следите за программой телепередач. Продолжение следует!

Ведущий программы Анатолий Симоненко

Наталья СИНЯВСКАЯ – журналист, председатель Ассоциации женщин-журналистов Молдовы «Новый взгляд» («Viziunea Noua») Окончила журфак Государственного университета в Кишиневе. Издавала журнал «Молдова Туристик». Любимые темы – туризм, путешествия, история Кишинева и Молдовы, культура.

В настоящее время Ассоциация «Viziunea Noua» реализует проект «Молдова-Россия. Связь времен», финансируемый из средств гранта Фонда «Русский мир» (Российская Федерация).

ПРАЗДНИК КИНО

Совсем недавно Интернет, много всего повидавший и чего только не вместивший, привлёк пристальное внимание любителей авторского кино. Людей разных возрастов, национальностей и профессий, объединённых неумным желанием экспериментировать, удивляться, вдохновляться и творить. Как у каждого доброго начинания, у явления, о котором пойдёт речь ниже, есть, конечно, «пламенный мотор»: придумал и раскрутил замечательную идею кишинёвец Юрий Лонков, автор проекта Интернет-Фестиваля Авторского Кино.

В 90-е годы Юрий вынужденно покинул родную страну, но никогда не прерывал горячие дружеские связи с Молдовой, часто бывал в Кишиневе, привозил свои новые фильмы, снимал также и в Молдавии. Многие знают и любят документальный фильм Юрия Лонкова о молдавском художнике Марке Верлане «Валькирия Мариоки Сына Дождя», премьера которого состоялась 10 декабря 2011 года в Кинотеатре «Одеон», при поддержке Союза Кинематографистов.

Итак, слово представителям жюри этого необычного конкурса.

Первого марта 2013 года мы открыли ТРЕТИЙ СЕЗОН Интернет-Фестиваля Авторского Кино-2013 (**Internet Short Film Festival (ISFF)-2013***) и теперь можем с уверенностью заявить: Фестиваль состоялся и утвердился!

Группа участников во Втором сезоне достигла отметки 1600, были отобраны работы *девяноста семи* конкурсантов из *шестнадцати* стран мира: Армении, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Канады, Израиля, Испании, Италии, Индии, России, Польши, Украины, Узбекистана, Франции, Эстонии и США!

Несомненно, такое количество и разнообразие представленных работ позволило авторам оценить свои возможности в окружении фильмов других конкурсантов, обратить внимание на новые художественно-изобразительные средства; почувствовать свою сопричастность к кино как к *процессу*; заявить о себе в международном пространстве.

Идея создать кинофестиваль короткого метра в Интернете возникла давно.

Почему короткий метр и почему в Интернете? Короткие фильмы всегда были в авангарде творческих экспериментов, а Интернет для показа фильмов – наиболее широкая из доступных площадок. Кроме того, просмотр кино в Интернете очень удобен: можно смотреть его 24 часа, – лежа на любимом диванчике или в дороге, в личном авто, троллейбусе, маршрутке, метро.

Короткометражные фильмы существуют с первых дней появления синемаатографа; изначально практически весь игровой кинематограф был короткометражным! Постепенно, с развитием кинематографа, «короткий метр» выделяется в самостоятельную категорию и становится, пожалуй, самым интересным явлением кино, мастерской для творческих экспериментов, где независимые авторы апробируют новые сложные темы, ищут и создают новый художественный язык.

«От Голливуда до Ютюба»: от обязательных показов коротких фильмов перед киносеансами в Голливуде – через элитарное короткометражное кино «но-

вой волны» 60-х и вездесущего современного «короткого метра» – до самого популярного видео на Ютубе! Таков путь выбранной нами категории. Новостные блоки и реклама, документальное и домашнее видео, короткий игровой фильм и музыкальные видеоклипы, анимация, видео-манифестации и видео-арт – далеко не полный перечень, в котором живет и развивается «короткий метр».

В настоящее время формат «короткого метра» притягивает огромное количество профессионалов и непрофессионалов – благодатный технический прогресс открывает все новые возможности (при сегодняшнем развитии видеотехники и доступности цифровых технологий). Авторские фильмы теперь можно снимать практически без существенных затрат. Порой кажется, что такое кино не снимает только ленивый – любой может снять собственный фильм, это стало чуть ли не общенародным увлечением! Действительно, как замечательно сформулировали «Синие носы», известная группа художников, представляющая современное российское искусство: *«Нет смысла тягаться с "Властелином колец". Надо снимать самым простецким способом, на приятельской кухне и за 15 минут!»* Но! Далеко не всегда и не всем – как профи, так и любителям – удается сделать фильм достаточно заметным, художественно-своеобразным и совершенным. Почему? Суметь за 10-20 минут отведенного времени «отсечь все лишнее», завершить замысел, найти нужные выразительные средства, добиться эмоционального отклика зрителей – вовсе не легкая задача!

Для того чтобы авторы «короткого метра» смогли представить свои работы большому количеству зрителей и компетентному жюри, получить долю критики, расширить свои горизонты создается достаточно много фестивалей «короткого метра» разных уровней.

В чем же особенность нашего, недавно возникшего, **Интернет-Фестиваля Авторского Кино (Internet Short Film Festival (ISFF))**?

Об этом рассказывает автор проекта Фестиваля **Юрий Лонков**:

– Я сам бывший участник различных фестивалей кино, знаю не понаслышке, как нелегко пробиться в Конкурсную Программу того или иного фестиваля.

Наш Конкурс или, как мы его называем, ПРАЗДНИК КИНО:

– проводится в ИНТЕРНЕТЕ, что очень удобно (как для Участников, так и для Зрителей). Здесь всё на виду – не за кулисами. Участники и зрители находятся в близком виртуальном контакте и могут общаться напрямую друг с другом, несмотря на огромные расстояния, порой разделяющие их. Удобно просматривать конкурсную программу: в любое время суток, одному или в компании, используя «стоп-кадр» или возвращаясь к понравившемуся фильму; можно продвигать фильм, поместив его у себя на страничке или отослав ссылку друзьям. Вход в наш виртуальный кинозал ДОСТУПЕН ВСЕМ (без фэйс-контроля и ограничения возраста, и даже – «С собаками, мороженым и на роликовых коньках!»);

– каждому сезону Фестиваля отводится достаточное время: НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ. Это было бы невозможным в рамках классического фестиваля. ВТОРОЙ СЕЗОН продолжался с 5 августа 2012 года по 2 января 2013 г.;

– Интернет позволяет охватить ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ, сегодня их – 1600, из 16 стран мира;

– фестиваль отличается ДОСТУПНОСТЬЮ, демократичностью. В конкурсную программу принимаются короткометражки, созданные профессиона-

лами и любителями, многообразные по тематике и способу выражения идеи. Выбраковываются только откровенные политические агитки и фильмы, пропагандирующие насилие, национальную и религиозную вражду. Использование ненормативной лексики допускается, если это оправдано;

– очень удобная особенность нашего фестиваля – **конкурсантам нет необходимости тратить деньги на бандероли и посылки, всё устроено предельно просто: каждый участник оформляет свой ФИЛЬМ и ОПИСАНИЕ К НЕМУ самостоятельно, нажимает кнопку «опубликовать» и получает тот постер, который он хотел (на выходе в группе Нашего Праздника Кино). АВТОР сам себе дизайнер и администратор;**

– уникальное отличие ISFF от других существующих киномероприятий еще и в том, что **любой конкурсант может управлять своими работами, меняя их место в группе.** Размещаются вновь поступившие фильмы на странице Кинофестиваля – и фильмы, заявленные ранее, с приходом новых опускаются в ЛЕНТЕ ниже. Это означает, что до них зрителю со временем становится трудней добраться, а если ещё и скорость интернета невысокая, то остается немного шансов на просмотр. Новшество заключается в том, что Конкурсанты, заинтересованные в том, чтобы их фильмы посмотрело большее количество зрителей, могут поднимать картины вверх! Как? Очень просто: необходимо оставить под Фильмом в комментариях какую-либо запись, даже просто точку, после чего данный комментарий можно удалить. Никто и не догадается, в чём дело, но **эффект перемещения видео в топ-листе** состоялся, и теперь фильм легче найти в общей большой программе! Это преимущество перед Классической Конкурсной Кинопрограммой Обычного Фестиваля, где всё расписано по дням, часам и минутам и практически невозможно ничего изменить: поменять время показа, представить работу несколько раз, сделать стоп-кадр и т.д.;

– «А судьи кто?» – в формате мероприятия главные кинокритики это НАШИ ЗРИТЕЛИ, среди которых есть не только любители кино, но и прекрасные профессионалы! Получив определенное количество «лайков», фильм попадает в финальную часть, где проходит две параллельные версии судейства: от зрителей и от жюри. В каждой ветке выбирается по двадцать лучших из лучших видеоработ, в итоге получается **сорок фильмов – призёров;**

– после закрытия очередного Сезона Фестиваля создается АРХИВ ЛУЧШИХ ФИЛЬМОВ, который, по сути, является КОПИЛКОЙ КИНО и посланием будущему поколению филмейкеров.

Вот несколько приятных – для филмейкеров (киношников) и зрителей – отличий нашего Кинофестиваля от всех других.

Как уже было сказано, 97 Конкурсантов из 16 стран мира соревновались на площадке нашего Фестиваля, и, что особенно радостно отметить (мне, уроженцу г. Кишинёва) – в этом соревновании были и представители Молдовы: Анжела Енаки, Alex Stacapon, Александр Кожухарь, Dumitru Lăruşneanu, Ирина Африна, певица Роксана, Alex Bred.

В составе группы оргкомитета ISFF также принимали активное участие земляки из Молдавии, раскиданные сегодня по всему свету: Евгений Привалов (Кишинёв), Ирина Щербина-Голикова (Москва), Игорь Щербина (Москва), Вадим Паламарчук (Кишинёв), Борис Мичри (Тель-Авив), Олег Кочубей (Москва), Ирина Болгарин (Кишинёв), Нина Андруца (Кишинев).

По итогам голосования лауреатами ПРАЗДНИКА КИНО (ISFF)-2012 из Молдовы стали:

Александр Кожухарь в номинации «Социальный Рэн», Dumitru Lăruşneanu в номинации «Игровое Кино», певица Роксана в номинации «Музыкальное видео» и Alex Bred в номинации «Документальное Кино».

Всего было присвоено 50 лауреатских званий (из 97 конкурсантов)! Почему так много? Для поднятия мотивации и популяризации видеоскусства.

Мы выражаем уверенную надежду на то, что наш Фестиваль будет жить, набирая новые обороты, развиваясь, изобретая новые интересные формы подачи информации.

Но без вас, наши зрители и строгие ценители, не происходит ничего, поэтому мы приглашаем всех, кто любит авторское малоизвестное кино: приходите к нам, приводите друзей, наслаждайтесь просмотром, комментируйте фильмы, отбирайте лучшие, тем самым вы сами становитесь творцами истории авторского кино! Что, согласитесь, очень полезно и важно для развития независимого кино... Также мы приглашаем к работе Фестиваля не только фильмейкеров, но и всех, кто может помочь ему функционировать: спонсоров, продюсеров, кинокритиков, журналистов.

Итак, повторяем: 1 МАРТА 2013 г. мы открыли ТРЕТИЙ ИНТЕРНЕТ-ФЕСТИВАЛЬ АВТОРСКОГО КИНО, который БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ ДО 1 ИЮЛЯ 2013 ГОДА. Присоединяйтесь к нам все-все-все!!!

С уважением и любовью к вам,
Оргкомитет Фестиваля.

*Кинофестиваль создан для показа независимых авторских короткометражных фильмов в Интернете, на ресурсе Facebook.com, адрес:

<https://www.facebook.com/groups/243800772388554/>

